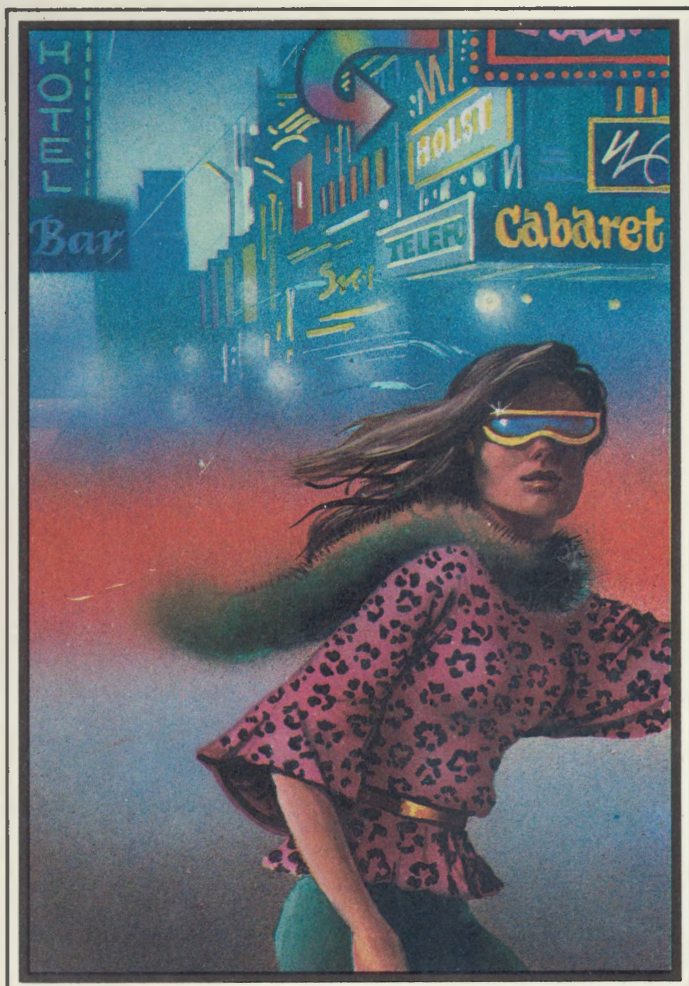

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

1

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROBERT SHECKLEY

Volume one

**THE 10 th VICTIM
IMMORTALITY INC**

«POLARIS» PUBLISHERS

1994

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

Книга первая

ДЕСЯТАЯ ЖЕРТВА

**КОРПОРАЦИЯ
„БЕССМЕРТИЕ“**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»

1994

ББК 84.7США
Ш40

The 10th Victim
Copyright © 1966 by Robert Sheckley

Immortality INC.
Copyright © 1958 by Robert Sheckley

© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык, составление

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, название серии

Книга подготовлена при участии
издательства «Фолио», г. Харьков

Перепечатка отдельных романов и всего
издания в целом запрещена без разре-
шения издателя и переводчика. Всякое
коммерческое использование данного из-
дания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя.

Ш 4703040100—005 Без объявл.
94

ISBN 5-88132-047-6

**ДЕСЯТАЯ
ЖЕРТВА**

Глава 1

Она могла бы погубить любого мужчину. Кэролайн Мередит, тонкая, гибкая молодая женщина, задумчиво сидела за высокой стойкой бара из красного дерева, изящно переплетя стройные ноги и склонив узкое, словно выточенное из слоновой кости, лицо к загадочным глубинам картины. Похожая на статуэтку, но волнующе живая, одетая в прекрасные шелка, и с пелериной из черного как смоль соболя, небрежно брошенной на роскошные плечи, она олицетворяла все то, что манило и влекло в этом непостижимом городе Нью-Йорке.

По крайней мере так думал приезжий. Он стоял на улице в десяти футах от огромного окна бара, за стойкой которого прекрасная Кэролайн изучала глубины своего бокала. Это был китаец — продавец ласточкиных гнезд* из Квейпина. Он был одет в белый костюм из плотной ткани, чесучовый галстук и парчовые туфли. На шее висел большой фотоаппарат «Броника».

Азиат с подчеркнутой небрежностью поднял камеру и сфотографировал сточную канаву слева и какой-то котлован справа. Затем направил объектив на Кэролайн.

Потом он проделал с камерой какие-то манипуляции, внутри нее что-то зажужжало, загудело, и сбоку открылась створка.

Загадочный житель Небесной империи с ловкостью фокусника вставил в отверстие пять патронов с разрывными пулями и закрыл его. Теперь камера перестала быть только фотоаппаратом; она превратилась не то в

* Китайское национальное блюдо.

стреляющую камеру, не то в фотографирующее оружие и могла выполнять две не связанные друг с другом функции.

Вооружившись таким образом, желтый охотник быстрыми, легкими шагами направился к цели. Он казался совершенно спокойным, только слегка затрудненное дыхание могло выдать его волнение.

Прелестная Кэролайн продолжала сидеть в той же позе. Она крутила в руках бокал; внутри него не было прорицательницы, способной предсказать ей будущее, — на дне лежало крохотное зеркальце. Глядя в него, Кэролайн с интересом следила за действиями убийцы из Квантуна.

Развязка наступила скоро. Китаец прицелился, — и Кэролайн, продемонстрировав молниеносную реакцию, швырнула бокал в окно за секунду до выстрела.

— Вот те на! — только и смог вымолвить ошеломленный китаец; хоть он и родился на левом берегу Хуанхэ — опыта набрался в «Хэрродс».

Кэролайн не произнесла ни слова. В футе над ее головой в оконном стекле красовалось маленькое отверстие, от которого лучами расходились трещины. Не дожидаясь, когда китаец опомнится, Кэролайн соскользнула с высокого табурета и стремглав, словно летучая мышь из ада, бросилась к черному ходу.

Бармен, следивший за происходившим, восхищенно покачал головой. Футбольный болельщик, он тем не менее обожал хорошую Охоту.

— Молодец, малышка! — воскликнул он вдогонку убежавшей Кэролайн.

Тут в бар ворвался продавец ласточкиных гнезд и бросился к черному ходу вслед за прекрасной беглянкой.

— Добро пожаловать в Америку! — успел крикнуть ему бармен. — И счастливой Охоты!

— Спасибо, я очень благодарный, — вежливо отозвался на бегу преследователь.

— Вот этого у них не отнимешь, у этих китаез, — заметил бармен, обращаясь к посетителю, сидевшему за стойкой. — Это у них есть — воспитание.

— Еще двойной мартини, — ответил посетитель. — Только не кладите лимон в бокал, положите рядом. Терпеть не могу, когда в коктейле болтается здоровый

кусок лимона, как в «Пунше плантатора» или каком-нибудь другом гадком пойле.

— Конечно, сэр. Прошу прощения, сэр, — с готовностью произнес бармен.

Он тщательно смешал коктейль, но не мог выбросить из головы восточного охотника и его американскую жертву. Кто кого одолеет? И чем, интересно, это кончится?

Посетитель, казалось, читал его мысли.

— Предлагаю ставку — три к одному, — сказал он.

— На кого?

— Цыпочка ухлопает китаезу.

Бармен заколебался, затем улыбнулся, покачал головой и подал готовый коктейль.

— Пять к одному, — ответил он. — Сдается мне, малышка знает толк в Охоте.

— Заметано, — согласился мужчина, — он тоже считал себя знатоком, — и выдавил каплю лимонного сока в бокал с мартини.

Стремительно перебирая ногами, зажав под мышкой пелерину из соболя, Кэролайн мчалась мимо кричащих витрин Лексингтон-авеню. На углу 69-й улицы и Парк-авеню ей пришлось продираться сквозь толпу, собиравшуюся поглазеть, как сажают на огромный гранитный кол преступника, уличенного в попытке выбросить мусор. Никто даже внимания не обратил на бегущую Кэролайн; зеваки глаз не сводили с гнусного нарушителя, деревенщины из Хобокена, у ног которого валялась предательская улика — обертка «Херши», — а руки были перемазаны шоколадом. С каменными лицами они слушали стенания и жалкие мольбы. Когда два палача подняли его за руки, чтобы посадить на Кол Злодеев, лицо преступника стало серым.

Публичные казни были недавним нововведением; последнее время их горячо обсуждала общественность, не проявляя такого же интереса к смертельным играм охотников и жертв.

...Светлые волосы Кэролайн развевались на бегу, словно яркий сигнальный флаг. Позади, футах в пятиде-

сяти, задыхаясь, мчался вспотевший китаец, сжимая в безволосых руках свою стреляющую камеру. Казалось, он бежал не особенно быстро, но понемногу, дюйм за дюймом, с терпением, свойственным детям Востока, настигал девушку.

Стрелять он пока не решался. Открывать огонь на людной улице было чревато последствиями: задел прохожего, неважно, что случайно, — штраф в крупном размере, не говоря уже о позоре...

Поэтому китаец не стрелял и на бегу крепко прижимал к груди свой аппарат, способный, благодаря извращенной изобретательности человека, одновременно создавать копию и уничтожать оригинал. Внимательный прохожий наверняка заметил бы дрожь в руках охотника, обратил бы внимание на неестественно напряженные шейные мышцы. Но этого следовало ожидать — в послужном списке китайца Джона значились всего две Охоты, он был новичком в этом деле.

Кэролайн выскочила на угол Мэдисон-авеню и 69-й улицы, быстро оглянулась и побежала мимо «Пугливого цыпленка» («Обслуживаем пятьдесят человек, цены договорные»), но вдруг остановилась, тяжело, но так пленительно дыша. Заметив за «Пугливым цыпленком» открытую дверь, она взбежала по лестнице на второй этаж и оказалась на лестничной площадке, на которой толпились люди. Надпись на стене гласила: «Галерея Амели. Objets de pop-op revisite»*. Кэролайн сразу поняла, куда она попала, — ей всегда хотелось побывать здесь, хотя и при нескольких иных обстоятельствах...

Однако, «убивают, где получится, а умирают, где приходится», — гласит старинная поговорка. Поэтому, не оглядываясь, Кэролайн пробралась ко входу, не обращая внимания на протесты любителей искусства, и показала контролеру свою карточку. Тот взглянул на карточку, — такие выдавались каждой жертве и каждому охотнику и давали им право повсюду беспрепятственно входить и выходить, если они предпринимали законные меры по спасению своих жизней или уничто-

* Посетите еще раз — выставка нестареющего поп-арта (фр.).

жению чужих, — и кивнул. Схватив карточку, девушка вбежала в зал.

Здесь Кэролайн пришлось перейти на шаг, она взяла каталог и попыталась отдышаться. Потом надела очки, накинула на плечи пелерину и пошла по залам галереи.

Ее дымчатые очки — модель-новинка «Смотри кругом» — позволяли видеть происходящее на 360 градусов, кроме небольших слепых пятен на 42 и 83 градусах, а также зоны искажения прямо перед собой от 350 до 10 градусов. Несмотря на то что очки были неудобны и от них сильно болела голова, польза от этого изобретения была несомненной, поскольку Кэролайн сразу заметила своего охотника футах в тридцати сзади.

Да, это был он, «азиатская чума», в белом костюме, потемневшем от пота под мышками, с чесучовым галстуком, сбившимся на сторону. Его смертоносная камера была прижата к груди; он двигался вперед походкой хищного зверя, прищурив и без того узкие глаза и нахмурив высокий лоб.

Кэролайн шла по залу с небрежным спокойствием, пытаясь не привлекать к себе внимания. Но китаец Джон заметил ее и направился прямо к кучке людей, за которой спряталась Кэролайн. Его губы были крепко сжаты, а глаза сузились еще больше, так, что, казалось, вообще исчезли с лица.

Подойдя поближе, китаец обнаружил, что Кэролайн скрылась, ускользнула от него... Ах вот как! Уголки рта преследователя искривились в улыбке. В конце зала была дверь. Долгое логическое мышление Запада, как правило, несвойственно детям Востока: только глянув на дверь, китаец понял, куда скрылась его жертва. Он кошкой проскользнул в конец помещения, решительно распахнул дверь и оказался в зале восковых фигур.

Фигуры, похоже, были сделаны из настоящего воска — материала, которым пользовались художники в далеком прошлом. Китаец, широко открыв глаза, уставился на них. Все фигуры изображали женщин, очень привлекательных (на западный вкус) и почти раздетых (на любой вкус). Они, по-видимому, демонстрировали различные па какого-то танца. «Стриптиз» — было написано на плакате. «Обманчивая метаморфоза. 1945 — "Век невинности"; 1965 — "Моль и ржавчи-

на"; 1970 — "Возрождение основ"; 1980 — "Непринужденное пренебрежение формальностями"».

Китаец обескураженно вглядывался в неподвижные фигуры, и рассудок, привычный к красоте лаковых лесов, к застывшему покою бутафорских рек и стилизованных аистов, не мог постичь смысла открывшейся взору картины.

У ног третьей слева фигуры, лицо которой было наполовину скрыто длинной белокурой прядью, лежала... черная соболя пелерина.

Житель Поднебесной больше не колебался. Он поднял камеру, прицелился — и нажал на спуск. Три пули поразили красавицу в верхнюю часть живота — отличная работа, что ни говори.

Итак, Охота закончена, он победил, жертва мертва, он... И вдруг одна из восковых фигур в дальнем конце зала ожила. Это была Кэролайн. На ней был странный металлический бюстгальтер, похожий на тот, что носила Вильма, легендарная жена Бака Роджерса, с той лишь разницей, что у Кэролайн эта часть гардероба оказалась более практичной. Не успел пораженный охотник опомниться, как из каждой чашечки одновременно вылетело по пуле. Китаец еще успел пробормотать: «Так-так... Теперь, кажется, все...» — и рухнул на пол, бездыханный, словно вчерашняя скумбрия в рыбной лавке.

Свидетелями происшедшего оказались несколько посетителей. Один из них заметил:

— По-моему, это вульгарное убийство.

— Ничуть, — ответил тот, к кому обратились. — Я считаю, что это классическое убийство, — уж простите мне этот архаизм.

— Ловкая работа, но не изящная, — настаивал первый. — Впрочем, можно назвать ее *fin de siecle* *, а?

— Конечно, — отозвался второй, — если имеешь вкус к дешевым аналогиям.

Первый наблюдатель хмыкнул, отвернулся и принялся разглядывать ретроспективную выставку изделий НАСА.

* Конец света (фр.).

Кэролайн подняла соболью пелерину (в которой несколько женщин из числа зрителей узнали, впрочем, мех ондатры), по очереди дунула в стволы однозарядных пистолетов, скрытых в бюстгальтере, привела в порядок одежду, накинула пелерину на плечи и сошла с подставки.

Большинство посетителей не обратило внимания на происшедшее; это были главным образом подлинные ценители искусства, не любившие, когда процесс эстетического созерцания нарушался мелкими досадными инцидентами.

Прибывший полицейский не спеша подошел к Кэролайн и спросил:

— Охотник или жертва?

— Жертва, — ответила она и подала ему свою карточку.

Полицейский кивнул, наклонился над трупом китайца, достал его бумажник, извлек оттуда карточку и перечеркнул ее крест-накрест. На карточке Кэролайн полицейский сделал звездообразную просечку под рядом таких же и вернул ее.

— Участвовали в девяти Охотах, верно, мисс? — произнес он почтительно.

— Совершенно верно, — сдержанно ответила Кэролайн.

— Ну что ж, у вас это здорово получается, да и сегодня вы убили его аккуратно и со знанием дела, — одобрил полицейский, — без лишней жестокости, как некоторые. Лично я люблю наблюдать, как работают настоящие профессионалы: убивают ли они, готовят ли пищу, чинят обувь или еще что-нибудь... А что делать с призовыми деньгами?

— Пусть министерство перечислит их на мой счет, — бросила Кэролайн.

— Я сообщу им, — пообещал полицейский. — Вы успешно провели девять Охот! Осталась всего одна, а?

Кэролайн кивнула. Вокруг нее постепенно собралась целая толпа, оттеснившая полицейского. Это были одни женщины: женщины-охотники встречались довольно редко, а потому привлекали внимание.

Послышались возгласы одобрения, и Кэролайн, вежливо улыбаясь, выслушивала их в течение нескольких

минут. Наконец она почувствовала усталость — нормальному человеку трудно привыкнуть к эмоциональному напряжению Охоты.

— Очень вам благодарна, — сказала она, — но сейчас мне нужно отдохнуть. Господин полицейский, вас не затруднит прислать мне галстук охотника? Я сохраню его как сувенир.

— Слушаюсь и повинуюсь, — ответил полицейский.

Он помог Кэролайн пробраться сквозь восторженную толпу и проводил до ближайшего такси.

Пять минут спустя в зал вошел невысокий бородатый мужчина в вельветовом костюме и лакированных туфлях. Он посмотрел по сторонам, удивляясь пустоте залов: почему говорили, что на эту выставку трудно достать билеты? Ну да ладно. Мужчина начал осматривать экспонаты.

Разглядывая картины и скульптуры, он многозначительно кивал, якобы со знанием дела. Подойдя к труп китаяца, расprostертому посреди зала в луже крови, мужчина остановился. Он долго и задумчиво смотрел на труп, потом заглянул в каталог, обнаружил, что там его нет, и пришел к заключению, что экспонат прибыл слишком поздно, а потому не попал в список. Он еще раз внимательно посмотрел, углубившись в размышления, и наконец высказал вслух свою точку зрения:

— Ничего, кроме структурных достоинств... Производит определенное впечатление, пожалуй, хотя излишне бьет на сентиментальность.

И проследовал в следующий зал.

Глава 2

Что может быть приятнее июньского дня? Мы можем ответить на этот вопрос. Намного приятнее середина октября в Риме, когда Венера входит в дом Марса, и туристы, подобно леммингам, завершили свою ежегодную миграцию, и большинство из них отправилось домой, в свои холодные туманные страны, где родились.

Впрочем некоторые из этих искателей солнечного света и тепла остаются. Они приводят свои жалкие оправдания: спектакль, вечеринка, концерт, который не хотелось пропустить, свидание. Однако настоящая причина иная: у Рима есть особая атмосфера, наивная и несравнимая. В Риме можно стать главным действующим лицом в драме своей собственной жизни. Это, разумеется, не более чем иллюзия, однако северные города не могут похвастаться и этим.

Барон Эрик Зигфрид Рихтоффен ни о чем таком не думал. Его лицо выражало привычное раздражение. Германия вызывала у него неодобрение (отсутствие дисциплины), Франция — отвращение (грязь), а Италия одновременно и раздражала, и вызывала отвращение (отсутствие дисциплины, грязь, эгалитаризм, декадентство). Он приезжал в Италию каждый год; несмотря на неисправимые недостатки, эта страна казалась ему наименее отталкивающей среди остальных. К тому же здесь ежегодно проводилась международная выставка лошадей на Пьяцца ди Сиенна.

Барон слыл блестящим наездником. Это его предки втапывали в грязь крестьян коваными копытами своих боевых коней. В конюшне барона были слышны звуки фанфар, сопровождавших парад конных карабинеров в сверкающих мундирах на площади.

Барон был крайне раздражен, поскольку стоял в одних носках и ждал, когда кто-нибудь из грумов, — когда эти парни нужны, их невозможно найти! — принесет ему сапоги. Проклятый грум отсутствовал уже восемнадцать минут тридцать две секунды, если верить часам на руке барона. Сколько нужно времени, чтобы навести глянец на пару сапог? В Германии, точнее в замке Рихтоффенштейн, который барон считал последним осколком истинной Германии, пару сапог приводят в почти идеальное состояние в среднем за семь минут и четырнадцать секунд. Подобное промедление вызывает желание зарыдать, или впасть в ярость, или сорвать зло на ком-то, или сделать что-то еще...

— Энрико! — завопил барон так, что его можно было услышать на Марсовом поле. — Энрико, проклятые, где ты?

Глас вопиющего в пустыне... На площади щеголеватый пижон-мексиканец кланяется судьям. Наступает очередь барона... Но у него нет сапог, черт побери, нет сапог!

— Энрико, мерзавец, немедленно иди сюда, или этим вечером прольется кровь! — снова загредел барон.

Выкрикнуть такую длинную фразу единым духом нелегко, и он едва перевел дыхание. Ожидая отклика, барон прислушался.

А где же таинственный Энрико? Под трибунами наводит окончательный блеск на пару сапог для верховой езды, сапог настолько великолепных, что они не могут не вызывать зависти у любого всадника. Энрико был худым и морщинистым стариком, уроженцем Эмилии, привезенным в Рим по требованию общественности. Все единодушно признавали, что никто не может сравниться с ним в искусстве чистки сапог. Это относилось даже к тем знатокам, которые приносили принципы «дзэн»-буддизма в Искусство Чистки и Полировки.

Энрико увлеченно трудился, сосредоточив внимание на сверкающих шпорах. Он наморщил от усердия лоб и осторожно покрывал блестящий металл серебристым веществом.

Он был не один. Рядом, наблюдая за его действиями с определенным интересом, находился человек, которого можно было принять за двойника Энрико. Оба мужчины были одеты совершенно одинаково, до мельчайшей детали. Единственным различием было то, что второй Энрико был связан, и во рту у него был кляп.

Снаружи донеслись восторженные крики толпы, приветствовавшей мастерство мексиканца. Перекрывая их, раздался вопль барона, вполне пригодный для полковых плацев:

— Энрико!

Энрико-1 поспешно встал, последний раз осмотрел сверкающие сапоги, похлопал Энрико-2 по лбу и быстро захромал под трибунами к своему хозяину.

— Ха! — выдохнул барон при виде слуги и сопровождал это восклицание потоком немецких слов, непонятных, но, без сомнения, обидных для скромного Энрико.

— Ну что ж, посмотрим, — наконец произнес барон, когда его гнев остыл.

Он осмотрел сапоги и увидел, что придраться не к чему. Тем не менее барон обмахнул их замшевой тряпкой, которую постоянно носил в кармане как полезную вещь, предназначенную для того, чтобы ставить самодовольных грумов на место.

— Немедленно надень на меня сапоги! — скомандовал барон и вытянул мощную тевтонскую ногу.

Надевание сапог, сопровождаемое проклятиями, наконец было завершено. И как раз вовремя, потому что мексиканский наездник, — у него были напوماжены волосы! — выезжал с поля под гром аплодисментов.

В блестящих сапогах, с моноклем в глазу, держа под уздцы верного коня — знаменитого Карнигора III от Астры из Асперы, — барон шагнул вперед, чтобы предстать перед судьями.

Остановившись ровно в трех шагах от судейской ложи, барон вытянулся по стойке «смирно», склонил голову на четверть дюйма и молодцевато щелкнул каб-

луками. Раздался громкий взрыв, и барона окутало облако серого дыма. Когда дым рассеялся, все увидели барона: он лежал лицом вниз перед трибунами, мертвый, как пикша, выловленная на прошлой неделе.

Поднялась паника, казалось, охватившая всех зрителей, кроме одного англичанина в твидовом костюме с пузырями на коленях, сделанными еще на фабрике и грубых ботинках из шотландской кожи весом по два и три четверти фунта каждый, который громко крикнул: «Как лошадь? Не случилось ли чего с лошадью?»

После того как его заверили, что лошадь барона ничуть не пострадала, англичанин сел на место, недовольно бормоча, что не следует взрывать бомбы поблизости от лошадей и что в некоторых странах виновник такого безобразия тут же стал бы объектом внимания полиции.

Но и в этой стране злоумышленник немедленно привлек внимание полиции. Он вышел из конюшни и сбросил маску грума. Это был Энрико-1, он же Марчелло Поллетти, мужчина лет сорока, а может быть, тридцати девяти, с привлекательным меланхолическим лицом, грустной улыбкой, ростом чуть выше среднего. У него были высокие скулы, говорящие о глубоко скрытой страстности, сдержанная усмешка скептика и карие глаза с тяжелыми приспущенными веками — явная примета человека, любящего безделье. Его увидели несколько тысяч зрителей на трибунах и тут же оживленно, принялись обмениваться впечатлениями по поводу случившегося.

Поллетти изящно поклонился приветствовавшей его толпе и предъявил лицензию на право Охоты ближайшему полицейскому. Тот проверил ее, сделал просечку, отдал честь и вернул Поллетти.

— Все в порядке, сэр. Разрешите мне первым поздравить вас с убийством, одновременно волнующим и эстетически безукоризненным.

— Вы очень любезны, — ответил Марчелло.

Их окружила толпа репортеров, искателей острых ощущений и доброжелателей всех видов и сортов. Полиция отогнала всех, кроме журналистов, и Марчелло начал отвечать на вопросы со спокойным достоинством.

— Почему, — спросил французский репортер, — вы решили нанести взрывчатку на шпоры?

— Это было необходимо, — ответил Поллетти. — На нем был пуленепробиваемый жилет.

Журналист кивнул и записал в блокноте: «Щелканье каблуками, принятое у прусских офицеров, сегодня по иронии судьбы привело к гибели одного из аристократов. Смерть в результате исполнения символически высокомерного жеста, — этот жест предполагает наличие исключительных достоинств, — несомненно должна означать смерть экзистенциальную. Таким, по крайней мере, было мнение охотника Марела Поети...»

— Как вы думаете, насколько удачным будет исполнение вами роли жертвы в следующей Охоте? — спросил мексиканский репортер.

— Я, право, не знаю, — ответил Марчелло. — Но, несомненно, исход станет смертельным для одного из двух участников.

Мексиканец улыбнулся и написал: «Мариелло Полленци убивает, не теряя спокойствия, и относится к грозящей ему самому гибели хладнокровно. В этом мы видим универсальное утверждение «мачизма», мужественности того сорта, когда жизнь постигается только через безусловное принятие смерти...»

— Вы считаете себя жестоким? — спросила американская журналистка.

— Ни в коем случае, — отозвался Марчелло.

Она записала: «Нежелание хвастаться вместе с полной уверенностью в своей силе делает Марчелло Поллетти человеком особым, совершенно приемлемым для американской модели поведения...»

— Вы боитесь, что вас могут убить? — поинтересовался репортер из Японии.

— Конечно, — ответил Марчелло.

«Учение «дзэн», — начал писать репортер, — по крайней мере, с одной авторитетной точки зрения, является искусством видеть вещи такими, каковы они в действительности; Марчелло Поллетти, спокойно воспринимающий страх перед смертью, можно сказать, сумел победить его методом чисто японским. Но сумел ли? Неминуемо встает вопрос, является ли признание Поллетти страха перед смертью великолепным преодо-

лением непреодолимого или простым принятием неприемлемого?»

...Поллетти приобрел довольно широкую известность. В конце концов не каждый день охотник взрывает свою жертву на международной выставке. Дела такого рода становятся сенсацией. Разумеется, имело значение и то, что Поллетти был привлекательным мужчиной, скромным, утратившим вкус к жизни, мужественным и, самое главное, заслуживающим того, чтобы его взгляды интересовали читателей.

Глава 3

Гигантский компьютер жужжал и щелкал, на его панели мелькали красные и синие огни, выключались белые и загорались зеленые. Это был игровой компьютер, огромная машина, аналоги которой находились во всех столицах цивилизованного мира. Именно он занимался судьбами всех охотников и жертв. Он подбирал пары противников, регистрировал результаты их единоборств, присуждал денежные призы победителю или посылал соболезнования семье проигравшего, менял ролями уцелевших игроков, делая охотника жертвой, а жертву охотником, и следил за их непрерывным участием в Охоте до тех пор, пока один из них не достигал желанной цифры — десять убийств.

Правила были просты: к участию в Охоте допускались все мужчины и женщины в возрасте от восемнадцати до пятидесяти лет, независимо от цвета кожи, вероисповедания и национальности. Изъявившие желание участвовать были обязаны пройти все десять Охот, поочередно становясь пять раз охотниками и пять — жертвами. Охотники получали имя, адрес и фотографию жертвы, жертва — всего лишь уведомление, что ее преследует охотник. Все убийства требовалось совершить лично, причем за убийство не того человека следовало суровое наказание. Сумма денежного приза увеличивалась в зависимости от количества совершенных убийств. Победитель, успешно прошедший весь путь, получал в награду практически неограниченные гражданские, финансовые, политические и моральные права. Так просто.

После введения Охот прекратились все крупные войны; их заменили миллионы маленьких войн, количество соперников в которых было сведено к минимуму — двум.

Охота была делом совершенно добровольным, и ее цель отвечала самой практической и реалистичной точке зрения. Если кто-то хочет убить кого-то, гласили аргументы в ее пользу, почему не дать ему такую возможность при условии, что мы сумеем найти кого-то, желающего того же. Таким образом, они могут охотиться друг за другом и оставят нас в покое.

Несмотря на то что создавалось впечатление полной новизны, Охотничьи игры были, в принципе, стары как мир. Это было качественно измененным возвращением к древним, более счастливым временам, когда наемники воевали друг с другом, а гражданские лица оставались в стороне и разговаривали об урожаях.

Для истории характерна цикличность. Когда накапливается слишком много явлений с одним знаком, он неминуемо переходит в противоположный. Время профессиональной — и часто бездействующей — армии прошло, наступил век массовой армии. Фермеры больше не говорили про урожай, вместо этого они воевали за них. Даже если у них не было урожаев, которые следовало защищать, им все равно приходилось воевать. Рабочие оказались вовлеченными в хитроумные византийские интриги в заокеанских странах, а продавцы обувных магазинов с оружием в руках пробирались сквозь сумрачные джунгли и по вершинам гор, покрытым вечными снегами.

Почему они делали это? В те дни все казалось таким ясным. Приводилось множество причин, и каждый находил объяснение, отвечающее его чувствам. Однако то, что казалось столь очевидным, со временем утратило ясность. Профессора истории спорили между собой, эксперты в сфере экономики сомневались, психологи позволяли себе не соглашаться, а антропологи считали нужным напомнить.

Фермеры, рабочие и продавцы обувных магазинов терпеливо ждали, когда кто-нибудь скажет им: с какой стати, собственно, они подвергают свою жизнь опасности. Когда ясного ответа не последовало, они начали испытывать раздражение, недовольство и даже ярость.

Иногда они обращали оружие против правителей своих стран.

Растущая непримиримость народа, дополненная технологической возможностью умертвить всех и все, привела к излишнему накоплению факторов с одним знаком, и тот перешел в противоположный. Этого, конечно, нельзя было допустить.

На исходе пяти тысяч лет человеческой истории люди начали наконец что-то понимать. Даже правители, славившиеся тем, что неохотнее всех соглашались на перемены, осознали их неизбежность.

Войны не приводили ни к чему и не приносили никакой пользы; однако проблема склонности людей к насилию, которую не сумели искоренить долгие годы религиозного принуждения и полицейского обучения, все еще оставалась нерешенной. Решение было найдено в узаконенной в настоящее время Охоте.

Таким было, по крайней мере, одно объяснение возникновения этого явления. Справедливости ради следует отметить, что не все соглашались с подобным толкованием. Как всегда, профессора истории спорили между собой, эксперты в сфере экономики сомневались, психологи позволяли себе не соглашаться, а антропологи считали нужным напомнить.

Таким образом, если принять во внимание их возражения, у нас не остается ничего, кроме непреложного факта существования самой Охоты, — факта такого же странного, как похоронные обряды древних египтян, такого же обычного, как обряды посвящения индейцев племени сиу, и столь же непостижимого, как нью-йоркская фондовая биржа. В результате существование Охоты можно объяснить только ее существованием, поскольку, согласно, по крайней мере одному авторитетному мнению: ничто оправдывает существование чего-нибудь.

Мелькали огни, включались контуры, щелкали реле, вращались диски. Перфокарты мелькали, как белые голуби, — и игровой компьютер соединил две жизни.

Охота АСС1334ВВ: охотник — Кэролайн Мередит, жертва — Марчелло Поллетти.

Глава 4

— Кэролайн, — произнес мистер Фортинбрас, — хочу поздравить вас с весьма изящным убийством.

— Спасибо, сэр, — ответила Кэролайн.

— Оно было, насколько я помню, девятым?

— Совершенно верно, сэр.

— Значит, осталось всего одно, а?

— Да, сэр. Если сумею.

— Сумеете, — заверил ее Фортинбрас. — Сумеете, потому что я, Дж. Уолстон Фортинбрас, говорю, что сумеете.

Кэролайн скромно улыбнулась. Фортинбрас ухмыльнулся. Он был боссом Кэролайн, главой компании «Телеплекс Ампуорк». Обладая небольшим ростом, он пытался найти величие в грандиозном, и его пристрастие к вульгарному отступало только перед наслаждением всем подлым и гнусным. Он откинулся назад, смахнул что-то с рукава куртки, сделанной из настоящей замши, поднес ко рту большую сигару, сплюнул на бесценный бухарский ковер с трехдюймовым ворсом, вытер рот кружевным платком, сплетенным нищими браминами у погребальных костров Ганга, и потер лоб полированным ногтем, стремясь показать, что думает.

Он не думал, разумеется; он пытался — и делал такие попытки на протяжении многих лет — продемонстрировать свой характер. Дело, однако, заключалось в том, что у мистера Фортинбраса характер отсутствовал. Превосходные специалисты трудились годами, стараясь исправить этот недостаток, но тщетно. Это было единственным проклятием в жизни Фортинбраса.

— Сейчас вы будете охотником, верно? — спросил он у Кэролайн.

— Да, сэр.

— А вам уже сообщили, кто является вашей следующей жертвой?

— Сообщили, сэр. Это мужчина по имени Марчелло Поллетти, житель Рима.

— Рима в штате Нью-Йорк?

— Нет, Рима в Италии, — учтиво поправила его Кэролайн.

— Ну что ж, это еще лучше, — заметил Фортинбрас. — Там, наверное, более живописно. Так вот, моя идея заключается в следующем, и я хочу, чтобы вы обдумали ее очень тщательно и сообщили мне свое мнение честно и прямо. Поскольку у нас, в нашей компании, есть потенциальный победитель в десяти Охотах, почему бы не попробовать снять документальный фильм о десятом убийстве? А?

Кэролайн задумчиво кивнула. Кроме нее и Фортинбраса в кабинете находились еще трое мужчин — все молодые, красивые, смышленные и несносные.

— Да, да! — воскликнул Мартин.

Занимая пост старшего исполнительного заместителя продюсера, он был единственным (за исключением самого Фортинбраса), кому разрешалось пользоваться восклицательными знаками.

— Вы попали в самую точку, босс, — тихо заметил Чет.

Насколько он помнил, в прошлом году было снято тридцать семь документальных фильмов о различных аспектах Охоты.

— Лично я не уверен, — произнес Коул.

Будучи самым младшим исполнительным помощником, Коул знал, что на его долю выпал несчастливый долг расходиться во мнениях с шефом, поскольку Фортинбрас испытывал отвращение к людям, во всем поддакивающим ему, и не хотел, чтобы его окружали одни подхалимы. Коул ненавидел свою работу, потому что чувствовал, что Фортинбрас всегда прав. Он мечтал о времени, когда наймут четвертого исполнительного помощника, что позволит ему говорить «да».

— Трое против одного, — сказал Фортинбрас, омерзительно смачивая слюной конец сигары. — Видимо, вы остались в меньшинстве, а, Коул?

— Пожалуй, это к лучшему, — удовлетворенно отозвался Коул. — Я считаю своим долгом выражать собственную точку зрения, но уверяю вас, что я с ней не согласен.

— Мне нравится ваша прямота, — заметил Фортинбрас. — Честность и здравый смысл помогут вам сделать карьеру, пусть у вас не будет сомнений на этот счет. Итак, посмотрим. Что если мы назовем фильм «Момент истины»?

Присутствующие умело скрыли гримасу отвращения. Фортинбрас продолжал:

— Впрочем, это название чисто рабочее; я просто, так сказать, примерял его. А вот еще одно: «Миг откровенности». Как вы считаете?

— Мне очень нравится! — тут же отозвался Мартин. — Прямо в десятку, босс.

— Здорово, очень здорово, — поддержал его Чет, наслаждаясь ужасом названия с полузакрытыми глазами.

— Я считаю, что в названии чего-то не хватает, — произнес Коул несчастным голосом.

— Не хватает? Чего именно? — спросил Фортинбрас.

Коула никогда еще не просили объяснять, почему его точка зрения иная. Он почувствовал, как у него перехватило дыхание и ледяная дрожь прошла через желудок. Он превосходно понимал, что эти симптомы предвещают наступление безработицы.

Мартин, о доброте сердца которого ходили легенды аж до 10-й авеню, пришел на помощь.

— Мне кажется, что Коул имел в виду одно из старомодных забористых названий. Что-то вроде простого названия «Десятый».

— А может быть, он не это имел в виду, — тут же пришел на помощь Мартину Чет.

— Думаю, что-то вроде этого пришло мне в голову, — поспешил поддержать их Коул. — Я понимаю, конечно, что такие короткие забористые названия теперь устарели...

Он замолчал. Фортинбрас, прижавший средний палец правой руки к точке на дюйм выше едва заметных бровей, погрузился в медитацию. Шли секунды. Фортинбрас закрыл глаза неопределенного цвета и снова открыл их.

— «Десятый»... — произнес он еле слышным голосом.

— Старомодно, — заметил Мартин. — Однако такие названия через некоторое время снова обретают звучание.

— «Десятый», — сказал Фортинбрас, смакуя это слово, как леденец.

— В этом что-то есть, — признал Чет, — хотя, конечно, нужно помнить...

— «Десятый»! — раздался торжествующий возглас Фортинбраса. — Да-да, «Десятый»! Это название вызывает ко мне, джентльмены, по-настоящему вызывает. Н-да... — Он снова затянулся своей отвратительной сигарой, затем спросил: — Была хотя бы одна женщина, сумевшая достичь цифры десять?

— Нет, насколько мне известно, — ответил Мартин. — По крайней мере, в Соединенных Штатах.

— Что ж, тогда все, — сказал Фортинбрас. — А вот женщин, убивших девятерых, было несколько, правда?

— Последней была мисс Амелия Брэндоум, — сказал Мартин. — Она добилась этого статуса восемь лет назад.

Он ознакомился с этой информацией прошлым вечером, предвидя сегодняшние события. Мартин стал старшим исполнительным заместителем продюсера именно потому, что умел предвидеть.

— И что с ней стало? — спросил Фортинбрас.

— Ее подвела самоуверенность. Во время десятой попытки жертва прикончила ее. Она, вернее он, потому что жертвой оказался мужчина, воспользовался дробовиком, заряженным кормом для птиц.

— Подобное оружие не кажется мне таким уж смертоносным, — покачал головой Фортинбрас.

— В данном случае оно оказалось смертоносным, — сказал Чет. — Выстрел был произведен с расстояния примерно в два дюйма.

— Надеемся, что вы не проявите такой самоуверенности, Кэролайн, — хихикнул Фортинбрас.

— Да, сэр, я тоже надеюсь, — ответила Кэролайн.

— В противном случае вы окажетесь без работы, — добавил Фортинбрас, делая жалкую попытку пошутить.

— Да и без жизни, — заметила Кэролайн.

Остроумие Кэролайн пришлось всем по вкусу. Когда смех утих, Фортинбрас перешел к делу.

— О'кэй, ребята, — начал он, — приготовьтесь к перелету и действуйте побыстрее. У нас есть свободных полчаса в эфире послезавтра от десяти до половины одиннадцатого утра, так что передача будет вестись напрямую, живьем — или, наоборот, вмертвую? Хе-хе. В общем, ребята, вы знаете, какой тон выбрать для передачи, — абсолютно серьезный, но с легким юмором. Не беспокойтесь о всяких там фонах, просто излагайте ход Охоты в живой впечатляющей манере, но с достоинством и, как я уже сказал, с юмором. Вы ведь знаете, что я имею в виду, правда, Мартин?

— Думаю, что сумею разобраться, сэр, — сказал Мартин.

За последние три года он все время думал за Фортинбраса, с того самого момента, как стал старшим исполнительным заместителем продюсера. К следующему году Мартин надеялся занять место Фортинбраса.

Вряд ли можно было отрицать, что Фортинбрас был действительно глуп; однако он не был абсолютным болваном. Он собирался уволить Мартина сразу после завершения предстоящего задания. Но это оставалось его маленькой тайной, которой он не поделился ни с кем, даже со своим психиатром.

Глава 5

Министерство Охоты в Риме находилось в огромном современном здании, выстроенном в псевдороманском стиле с элементами готики. По его широким белым ступеням из античного камня быстро поднимался Марчелло Поллетти, тот самый Поллетти, который вчера убил барона фон Рихтоффена. Когда он поднялся, от балюстрады отошли какие-то зловещие фигуры, одетые в черное, и окружили его.

— Эй, мистер, — обратился к Поллетти один, — не хотите ли купить карманный металлодетектор?

— Он не сможет обнаружить пистолет из пластика, — ответил Марчелло.

— Между прочим, — заметил второй, — у меня есть детектор и для пластика.

Поллетти улыбнулся, пожал плечами и пошел дальше.

— Извините меня, сэр, но, похоже, вам требуется хороший наблюдатель.

Поллетти, не останавливаясь, покачал головой.

— Но ведь вам нужен наблюдатель, — настаивал мужчина. — Каким образом вы надеетесь опознать своего охотника, если не прибегнете к услугам отлично подготовленного наблюдателя? Что касается меня, я закончил курсы в Палермо и продолжил подготовку, повышая квалификацию, в Болонье. У меня есть письменные рекомендации от многих благодарных клиентов.

Он взмахнул пачкой потрепанных бумаг перед носом Поллетти. Тот пробормотал что-то вроде: «Мне очень жаль...» — и проскользнул мимо. Поллетти подошел к огромным бронзовым дверям Министерства, и мужчи-

ны, одетые в черное, безропотно вернулись на свои места у балюстрады.

Поллетти шел по коридорам мимо пыльных витрин, где были выставлены различные виды оружия, применявшиеся в Охоте, мимо карт мира, отражавших географию Охот, мимо групп туристов и школьников, которым плохо выбритые гиды в мятой, поношенной форме нудно рассказывали про историю Охоты. Наконец он нашел кабинет, который искал.

Войдя, Поллетти пулей устремился к столу, на котором стояла табличка «ВЫПЛАТА». За столом сидел чиновник, ведающий вопросами платежей, специально выбранный для этой работы из-за чопорной, высокомерной манеры поведения и характерной внешности: согбленные плечи, худая шея и очки в стальной оправе.

— Я хочу получить призовые деньги, — сказал Поллетти, вручая чиновнику свое удостоверение. — Вы, может быть, уже слышали о том, как я взорвал барона Рихтоффена на выставке лошадей. Сообщения об этом напечатаны во всех газетах.

— Никогда не читаю газет, — заявил чиновник, — а также не увлекаюсь болтовней о велосипедных гонках, футбольных матчах и Охотах. Как ваше имя?

— Поллетти, — отчетливо произнес Поллетти, слегка оробев.

Чиновник повернулся к шкафу с картотекой, где хранились досье на всех охотников и всех жертв в Риме. Быстрыми пальцами, привыкшими обращаться с бумагами, словно курица, клюющая зерна кукурузы, он перебрал карточки и ловко выхватил ту, что принадлежала Поллетти.

— Да, — наконец произнес он, сравнив фотографию Поллетти на карточке с фотографией на удостоверении и внимательно изучив настоящего (или якобы настоящего) Поллетти, стоявшего перед ним.

— Все в порядке? — спросил Марчелло.

— В полном, — ответил чиновник.

— Значит, я могу получить призовые деньги?

— Нет. Их уже получили.

Поллетти остоленел. Однако он быстро взял себя в руки.

— Кто их получил?

— Ваша жена, сеньора Лидия Поллетти. Она действительно ваша жена?

— Была... — сказал Поллетти.

— Вы развелись?

— Да. Два дня назад.

— Требуется неделя, иногда десять дней, чтобы данные об изменении в семейном положении попали ко мне. Вы, разумеется, можете подать жалобу.

На лице чиновника появилась самодовольная улыбка, и стало ясно, что он думает о шансах Марчелло когда-либо получить эти деньги.

— Теперь это не имеет значения.

Марчелло повернулся и вышел. Бесполезно демонстрировать свои чувства перед чиновником. Однако Марчелло деньги были нужны не меньше, чем самому клерку, может, даже больше. Вот так Лидия! Когда дело касается денег, она действует просто-таки молниеносно.

Выйдя из здания Министерства, Марчелло медленно пошел через улицу. Вдруг какая-то прелестная блондинка подбежала к нему, обняла за шею и страстно поцеловала. Марчелло изумился. Такие вещи случаются нечасто, а когда случаются, то в неподходящем месте и тогда, когда у него нет соответствующего настроения.

Марчелло попытался высвободиться из объятий, но девушка прильнула к нему и зарыдала:

— Пожалуйста, пожалуйста, сэр, проводите меня через улицу до входа в Министерство!

И тут Марчелло понял, что происходит. Он осторожно снял руки девушки со своей шеи и сделал шаг назад.

— Я ничем не могу помочь вам, — произнес он. — Это противоречит закону. Видите ли, я сам принимаю участие в Охоте.

Прелестная юная девушка (ей было лет девятнадцать-двадцать, самое большее — двадцать восемь) посмотрела вслед удалявшемуся Марчелло и поняла, что

осталась один на один со смертельной опасностью на этой широкой солнечной улице. Она повернулась и побежала к Министерству.

Внезапно из переулка выскочил «мазерати» — эту модель еще называли «преследователь», — который помчался прямо на девушку. Она увернулась от автомобиля, как матадор от быка. Но у этого «быка» оказались дисковые тормоза, на которые водитель нажал изо всех сил. В результате машина описала полукруг и остановилась перед девушкой. Ее лицо окаменело. Из сумки на плече она выхватила тяжелый пистолет-пулемет, щелкнула вставшим на место прикладом, перевела предохранитель в положение «огонь» и выпустила по автомобилю длинную очередь.

Тут же стал очевидным печальный факт, что девушка не сочла нужным позаботиться о бронебойных пулях. Ее выстрелы не причинили никакого вреда сверкавшему «мазерати», в то время как водитель, воспользовавшись предоставившейся возможностью, выскочил с другой стороны автомобиля и прямо изрешетил девушку пулями из древнего пулемета системы Стэна.

Когда перестрелка закончилась, из двери неподалеку появился полицейский, вежливо отдал честь, проверил карточку жертвы, затем удостоверение охотника, в котором сделал просечку.

— Поздравляю, сэр, — вежливо произнес он. — Примите также мои извинения. — И протянул мужчине квитанцию.

— А это что? — недоуменно спросил мужчина.

— Штраф за нарушение правил уличного движения, сэр, — объяснил полицейский, сделав жест в сторону «мазерати», стоявшего поперек улицы и мешавшего движению.

— Но, приятель, — запротестовал мужчина, — я не смог бы ее убить, не затормозив мгновенно.

— Возможно, — согласился полицейский. — Но мы не делаем исключений даже для охотников.

— Возмутительно! — воскликнул мужчина.

— Девушка тоже нарушила правила, — заметил полицейский, — поскольку пересекла улицу на красный свет. Но в данном случае мы не можем взыскать штраф, поскольку нарушитель мертв.

— А если бы убили меня? — спросил мужчина.

— Тогда я оштрафовал бы ее, — пояснил полицейский, — оставив без внимания ваше нарушение.

Поллетти пошел дальше. Споры из-за пустяков надоедали ему так же, как и споры по важным вопросам.

Не успел он пройти и квартала, как ярко-красный спортивный автомобиль с опущенным верхом остановился рядом, скрипнув тормозами. Поллетти инстинктивно вздрогнул и оглянулся вокруг, ища убежища. Как всегда, скрыться было некуда. Через несколько секунд он обнаружил, что за рулем машины сидит Ольга.

Это была стройная, темноволосая, элегантная молодая женщина, изящно, хоть и чуть броско, одетая. Ее глаза, большие, черные, светились, как у волка, внезапно освещенного ярким фонарем. Ее можно было бы назвать очень привлекательной, — если вам по душе такой тип женщин, — правильнее всего ее было охарактеризовать как параноидального шизофреника, одержимого манией убийства, с едва уловимыми кошачьими манерами.

Мужчины любят играть с опасностью, но не каждый день. Поллетти играл с Ольгой почти двенадцать лет.

— Я все видела, — произнесла Ольга многозначительно и мрачно.

Она всегда говорила многозначительно и мрачно, за исключением тех случаев, когда ее тон был истерическим.

— Видела? Что же ты видела?

— Все.

Поллетти вымученно улыбнулся.

— Если ты видела все, значит, ты все поняла.

Он хотел коснуться плеча Ольги, но та включила задний ход и отъехала на несколько ярдов. Поллетти опустил руку и пошел за ней.

— Милая, — начал он, — раз ты действительно видела все, то поняла, конечно, что между мной и этой несчастной девушкой нет ничего общего.

— Разумеется, — сказала Ольга. — Теперь.

— Не только теперь, а вообще, — продолжал убеждать Поллетти. — Поверь мне, Ольга, я видел ее впервые в жизни!

— У тебя на лице губная помада, — мрачно заметила Ольга. Она была на грани истерики.

Поллетти поспешно вытер рот тыльной стороной руки.

— Милая, уверяю тебя, что я даже не был знаком с этой несчастной девочкой...

— Тебе всегда нравились такие молодые, правда?

— ...и потому никак не мог встречаться с ней, никак.

— Значит, тебе приходилось только мечтать о таких встречах, а, Марчелло?

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Ольга ждала дальнейших оправданий, которые намеревалась на ходу отвергнуть. Поллетти просто молчал. Его лицо изменилось, на смену ритуальному выражению мольбы пришла гримаса обычной скуки. Мужчина, конечно, в долгу перед женщиной, с которой прожил двенадцать лет, но все же есть предел.

Внезапно он отошел от автомобиля и стал озираться, ища такси. Ольга включила сцепление и направила машину прямо на него, затормозив всего в каких-то двух дюймах.

Не говоря ни слова, Поллетти сел рядом с ней.

— Марчелло, ты лгун и обманщик, — произнесла Ольга.

Поллетти кивнул, закрыл глаза и откинулся на спинку мягкого сиденья.

— Если бы я так тебя не любила, то могла бы убить.

— Не спеши, твоя очередь еще придет, — пробормотал Поллетти, не открывая глаз.

— Весьма вероятно, — согласилась Ольга. — Но сначала ты должен увидеть меня в новом платье. — Она засмеялась и стиснула его руку. — Я уверена, что оно понравится тебе, Марчелло. А в нем и я.

— Не сомневаюсь.

— Почему мужчины такие свиньи?! — воскликнула Ольга.

Не получив ответа, она включила зажигание и помчалась по улице, словно за ней гнался ураган. Поллети молчал, не открывая глаз, погруженный в свои мысли.

Глава 6

В небе над Римом пролетел огромный пассажирский реактивный самолет. Получив команду с земли, он зашел на посадку в аэропорту Фьюмичино. Из гигантских крыльев выдвинулись закрылки, включились воздушные тормоза, выскочил маленький хвостовой парашют, а за ним и большой. Пробежав по взлетной полосе, гигант неохотно остановился. В кабине пилотов слышались благодарственные молитвы.

Двери открылись, и на бетонное поле начали спускаться пассажиры. Среди них выделялась группа, состоявшая из трех странно похожих друг на друга мужчин и поразительно красивой женщины. Стюардесса повела их к стоявшему поблизости вертолету, тогда как остальных пассажиров посадили в автобусы и повезли к зданию аэропорта.

Четверка села в вертолет. Винт тут же пришел в движение, и неуклюжая машина стала карабкаться в небо. Кэролайн заняла место рядом с пилотом, а мужчины уселись на узкое сиденье в хвосте. Мартин, назначенный старшим исполнительным продюсером по съемкам на натуре, — высокий, хотя и временный пост — что-то писал в блокноте. Чет, следующий по старшинству, задумчиво кусал губы. Коул, самый младший, выглядел полным оптимизма и энергии.

Мартин оторвался от записной книжки и взглянул под ноги сквозь прозрачный плексигласовый пол:

— Это что, собор Святого Петра?

— Совершенно верно, — подтвердил Чет.

— Как вы думаете, мы сможем арендовать его на день-другой? Вот если бы нам удалось заснять убийство именно здесь...

— А я могла бы переодеться монашкой, — мечтательно произнесла Кэролайн.

— Боюсь, собор Святого Петра арендовать не удастся, — возразил Чет.

Будучи старшим исполнительным заместителем Мартина по съемкам, он был в курсе многого.

— Я имею в виду не саму церковь, — сказал Мартин. — Нам будет достаточно площади, ну и, может быть, нескольких видов собора для создания атмосферы.

— Нам не позволят этого, — произнес Чет.

— А почему бы не провести съемки в павильоне? — спросил Коул.

Оба старших по должности недовольно посмотрели на него.

— Забудьте об этом раз и навсегда, — произнес Мартин сурово. — Это документальный фильм, ясно? Вы что, забыли? Все должно быть, как в жизни.

— Извините, — сказал Коул. — А это что?

— Фонтан Треви, — ответил Мартин. — Прелестное место. — Он повернулся к Кэролайн. — Как твоё мнение, бэби? Ты убиваешь его у фонтана, наплыв, труп Поллетти в воде, затем на экране снова появляешься ты, на лице торжествующая, но немного грустная улыбка, бросаешь в фонтан пару монет. Тут включаем громкий шум улиц, ты покидаешь площадь, медленно уходя по длинной мощеной улице, изображение затухает.

— Насколько я помню, вокруг фонтана Треви нет мощеных улиц, — заметил Чет.

— Ну и что? Сделаем мощеную улицу, — нетерпеливо произнес Мартин. — А если это не понравится, сразу после съемок булыжник будет убран.

— Действительно, производит впечатление, — задумчиво сказал Чет. — Производит немалое впечатление.

— Классная мысль, — поддержал Коул. — По-настоящему классная.

Все посмотрели на Кэролайн.

— Нет, — ответила девушка.

— Послушай, крошка... — начал Мартин.

— Нет, это ты послушай, — перебила Кэролайн. — Это мое убийство, мое десятое убийство, и я хочу, чтобы все выглядело блестяще. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Блестяще, — повторил Мартин.

Чет задумчиво пожевал губами. Коул по-прежнему выглядел энергичным и полным оптимизма.

— Совершенно верно, блестяще, — подтвердила Кэролайн.

В ее голосе послышались стальные нотки, которые никто раньше не замечал. Такая твердость встревожила Мартина. Ему не нравилась подобная самоуверенность. Стоит женщине совершить несколько убийств, и она начинает думать, что ей позволено все.

— У нас нет времени для подготовки, — объяснил он. — Съёмки будут проводиться завтра утром.

— Это ваша проблема, — бросила Кэролайн.

Мартин приподнял солнечные очки и потер глаза. Работать с женщинами всегда нелегко, а с женщинами-убийцами — просто невозможно.

Раздался нерешительный, тихий голос Чета:

— Э-э, у меня появилась мысль о месте съёмок. Что если мы воспользуемся Колизеем? Вот он, прямо под нами.

Вертолет опустился ниже, и все принялись рассматривать массивный полуразрушенный овал.

— Я не знал, что он такой огромный, — произнес Коул.

— Мне нравится, — сказала Кэролайн.

— Ну конечно, это было бы великолепно, — согласился Мартин. — Но, послушай, бэби, чтобы организовать съёмки в таком месте, нужно время, а его-то у нас и нет. Может быть, ты все-таки согласишься на фонтан Треви или сады Боргезе?

— Я убью его здесь. — Голос Кэролайн звучал непреклонно.

— Но для организации...

— Видишь ли, Мартин, — вмешался Чет, — я подумал, что тебе может понравиться это место, и потому осмелился заранее обо всем договориться. Понимаешь, так, на всякий случай.

— Вот как?

— Да, эта мысль пришла мне в голову вчера вечером. Я, конечно, не хотел делать такой шаг без твоего разрешения, но будить тебя не решился: в конце концов этот план мог оказаться несбыточным. Ну, я позвонил в Рим и обо всем договорился. Поверь, Мартин, поступать так без твоего одобрения...

— Ну что ты, — произнес Мартин, хлопнув его по плечу. — Ты поступил совершенно правильно.

— Ты так думаешь? — озадаченно спросил Чет.

— Ну конечно, совершенно правильно. Кэролайн довольна, мы все тоже, так что давайте приниматься за работу. Поставим съемочные камеры и подумаем, как использовать танцовщиц ансамбля «Рой Белл», а также все остальное. Ну что, ребята, решено?

— Итак, я совершу убийство в Колизее! — На лице Кэролайн появилась блаженная улыбка. — Господи, наконец-то осуществится голубая девичья мечта.

— Обязательно осуществится, — кивнул Мартин. — Только нужно действовать как можно энергичнее, все установить и согласовать, отыскать этого Поллетти, сделать так, чтобы он появился в нужный момент...

— Это я беру на себя, — произнесла Кэролайн.

— Превосходно, — улыбнулся Мартин. — Одно-ко и всем остальным тоже придется немало потрудиться. Эй, шофер, двигай побыстрее!

Вертолет начал снижаться по направлению к Виа Венето. Пассажиры откинулись на спинки, улыбающиеся и довольные. Мартин думал, что пришло время избавиться от Чета, пока Чет не избавился от него. Получение права на использование Колизея, причем без согласия продюсера, было слишком удачной мыслью.

Глава 7

Поллетти двигался в полной темноте. Кроме того, было совершенно тихо. Так тихо бывает в склепе, — эта мысль казалась вполне естественной человеку в его положении. Он чувствовал себя одиноким, ощущал приближение смерти, был испуган, нервничал... и скучал одновременно. Поллетти жевал чуингам и нижнюю губу: увидеть его можно было только через инфраскоп. Согнув руки на уровне бедер, на расстоянии трех дюймов от тела, как предписывалось правилами, он осторожно продвигался вперед, в любой момент ожидая нападения.

Внезапно он уловил едва заметное движение позади и слева от себя. Поллетти стремительно повернулся, стараясь выйти из предполагаемой зоны обстрела. Это был оборонительный маневр номер три, первая часть. В то же время он ударил правой рукой по нагрудному карману, и специальная кобура выбросила ему в ладонь пистолет. Теперь он видел противника — коренастого хмурого мужчину, державшего в вытянутой руке «люгер». Поллетти бросился на землю и несколько раз выстрелил, завершив таким образом вторую часть оборонительного маневра номер один. Ему удалось выполнить все действия в удивительно короткое время. Он был радостно возбужден и испытывал чувство отлично выполненной работы...

Фигура противника исчезла, и над головой вспыхнул свет. Поллетти лежал на пыльном полу гимнастического зала. Перед ним на табуретке рядом с панелью управления сидел старик в грязном комбинезоне. Он скорчил недовольную мину и покачал головой.

— Ну что? — спросил Поллетти, вставая и отряхиваясь. — Как на этот раз? Ведь я ухлопал его, правда?

— Ты отреагировал, — ответил старик, — медленнее почти на десятую долю секунды.

— Я действительно пожертвовал скоростью, — пояснил Поллетти, — ради точности.

— Неужели? — ехидно поинтересовался старик.

— Да, — кивнул Поллетти. — Это мой принцип, профессор.

— В таком случае можешь плюнуть на свои принципы, — заявил профессор Сильвестре. — Ты промахнулся на 3,2 сантиметра.

— Но это очень близко, — заметил Поллетти.

— Недостаточно близко.

— А как мой оборонительный маневр номер три? — спросил Поллетти. — Мне показалось, что я исполнил его очень неплохо.

— Действительно, неплохо, — согласился профессор, — причем именно так, как рассчитывал противник. Даже корова могла бы повернуться быстрее. Он убил тебя первый раз, когда ты поворачивался, и второй раз, когда ты приготовился к стрельбе лежа. Если бы это было не трехмерное объемное изображение противника, а настоящий охотник, ты был бы дважды убит.

— Вы уверены в этом?

— Посмотри на показания приборов.

— Подумаешь, — пожал плечами Поллетти. — Это же не настоящая Охота.

— Разумеется, — саркастически промолвил профессор. — Когда решающий момент наступает на самом деле, человек действует еще медленнее. Ты помнишь, сколько раз выстрелил противник?

— Два, — тут же ответил Поллетти.

— Пять, — поправил его профессор.

— Неужели?

— Так говорят приборы. Я сам установил последовательность действий.

— Значит, меня сбило с толку эхо, — с горечью заметил Поллетти. — В таком помещении невозможно отличить выстрелы от эха.

Профессор Сильвестре поднял правую бровь так высоко, что она коснулась бы волос, если бы они у

профессора были. Он потер небритый подбородок и встал с табурета. Профессор был невероятно мал ростом и походил на безобразного гнома. Даже его лучший друг, — если бы он у него был, — не мог бы считать Сильвестре привлекательным человеком.

У многих преподавателей техники защиты и нападения на теле имелись следы, говорившие о том, как они приобретали свой опыт. У профессора Сильвестре их было больше, чем у других. Его правая рука была сделана из нержавеющей стали; кроме того, профессор имел дюралюминиевый подбородок, пластмассовую левую щеку, а также серебряную пластинку в черепе и коленную чашечку из золота пятьдесят восьмой пробы. Ходили слухи, что и некоторые другие, не столь заметные, части его тела были сделаны из заменителей.

Долгое время психологи придерживались мнения, что люди, утратившие значительную часть своих органов, склонны к цинизму. Сильвестре не был исключением.

— Как бы то ни было, — заключил Поллетти, — мне кажется, что я совершенствуюсь. Неужели вы не согласны со мной, профессор?

Профессор попытался поднять правую бровь, но обнаружил, что она уже поднята, тогда он опустил ее и закрыл левый глаз. Стало ясно, что профессор воздерживается от выражения своей точки зрения.

— А теперь, — деловито заявил он, — переходим к следующему экзамену.

Он нажал одну из кнопок на панели управления. В стене открылся люк, оттуда выскочил миниатюрный бар и остановился так резко, что поддожины бокалов для шампанского попадали на пол и разбились. Поллетти вздрогнул.

— Я ведь просил механика, чтобы он смягчил остановку, — покачал головой профессор Сильвестре. — Сейчас никто не заботится о качестве работы. Итак, Поллетти, приступаем к следующему испытанию.

Он искусно смешал коктейль, наливая понемножку из разных безымянных бутылок и подвинул стакан к Поллетти.

Тот осторожно понюхал жидкость, задумчиво нахмурился и произнес:

— Джин с ангостурой, немного соуса табаско.

Профессор молча смешал еще один коктейль и подал Поллетти.

— Водка с молоком и лимоном, — заявил Поллетти, — пара капель уксуса из эстрагона.

— Ты уверен?

— Совершенно.

— Тогда выпей.

Поллетти поднял стакан, взглянул на Сильвестре, еще раз понюхал и поставил стакан на стол.

— И правильно, — согласился профессор. — То, что тебе показалось запахом уксуса, было запахом мышьяка — его в коктейле солидная порция.

Поллетти смущенно улыбнулся, обнаружив, что переминается с ноги на ногу, как школьник, и сказал:

— У меня сегодня насморк. Разве можно надеяться...

Профессор взглядом заставил его замолчать, затем нажал кнопку на панели. Из стены выскочил диван и едва не снес стену. Оба сели.

После короткой, но многозначительной паузы Сильвестре произнес:

— Марчелло, до сих пор ты удачно избегал смерти.

— Разве это не относится к большинству людей? — быстро возразил Поллетти. — Я хочу сказать, что природа самой жизни случайна и необъяснима...

Профессора невозможно было отвлечь от выбранной темы.

— В первый раз тебе повезло — жребий оказался счастливым: ты стал охотником, а в жертвы компьютер выбрал слабоумного англичанина.

— Он был не слабоумным, — возразил Поллетти, — а рабом своих привычек.

— Неважно... Англичанин оказался легкой добычей, — продолжал Сильвестре, — мечтой любого охотника. Затем ты стал жертвой, а твоим охотником был девятнадцатилетний юноша, страдавший от безответной любви. И снова убийство не составило для тебя особых трудностей; между прочим, по-моему, бедный мальчуган просто искал такой способ самоубийства, против которого не возражало бы общество.

— Ничего подобного, — ответил Поллетти. — Юноша оказался немного рассеянным.

— А когда ты стал охотником в третий раз, в качестве жертвы тебе попался этот нелепый немецкий барон, думавший только о лошадях.

— Действительно, справиться с ним было нетрудно, — признался Поллетти.

— Справиться со всеми было нетрудно! — воскликнул Сильвестре. — Неужели ты думаешь, что так будет продолжаться вечно? А теория вероятности? Просто тебе еще ни разу не попался хороший противник! Больше ты не сможешь одерживать победы, не используя умственные способности, быстроту реакции, интуицию, без тщательной подготовки.

— Послушайте, профессор, я не так уж плох. Смотрите, уже почти двадцать четыре часа, как я являюсь жертвой в своей четвертой Охоте, и еще ничего не произошло.

— За тобой уже наверняка следят, — заметил Сильвестре. — Твой охотник изучает тебя, манеру твоего поведения, выбирает наилучший момент для нанесения удара. А ты даже не подозреваешь об этом.

— Очень в этом сомневаюсь, — возразил Поллетти с чувством достоинства.

— Вот как? Он сомневается! Ну что ж, посмотрим, как ты справишься с опознанием.

Профессор Сильвестре снова нажал кнопку. В зале стало темно. Он нажал на другую кнопку. У противоположной стены возникли пять человеческих фигур. Четверо из них были подставные «ангелы», по терминологии Охоты, — многие выражения сохранились со времен легендарной второй мировой войны. Один был убийцей, и Поллетти предстояло его опознать.

Поллетти внимательно посмотрел на фигуры. Они изображали полицейского, швейцарскую стюардессу, священника-иезуита, носильщика из отеля и иорданского араба. Они медленно подошли к дивану и исчезли.

Сильвестре включил свет.

— Ну? Кто из них был охотником?

— Нельзя ли взглянуть еще раз? — попросил Поллетти.

Профессор отрицательно покачал головой.

— Я и так дал лишнюю секунду.

Марчелло потер подбородок, взъерошил волосы и нерешительно произнес:

— Араб показался мне каким-то подозрительным...

— Неправильно!

Сильвестре снова нажал кнопку, и у дальней стены возник иезуит, фигура которого в освещенном зале казалась прозрачной, но была хорошо видна.

— Взгляни, — сказал Сильвестре. — Иезуит, вне всякого сомнения, не тот, за кого пытается выдать себя. Буква «И», первая буква в названии его ордена, видна как на правой, так и на левой стороне груди. Ведь это сразу его выдает!

— Я никогда не обращал внимания на иезуитов, — пробормотал Поллетти, вставая и звеня монетами в кармане.

— Но в Риме они попадаются на каждом шагу! — воскликнул Сильвестре.

— Именно поэтому я никогда не обращал на них внимания.

— Как раз поэтому ты должен был замечать их! — В голосе Сильвестре звучало возмущение. — Фальшивая деталь в традиционной одежде — самый верный признак и сразу должна вызвать подозрение. — Он печально покачал головой. — Когда я принимал участие в Охоте, мы обращали на подобные вещи особое внимание. Ничто не ускользало от моего взгляда.

— Ничто, кроме банана со взрывчаткой, — подхватил Поллетти.

— Верно, — согласился профессор. — Этот парень из Нигерии узнал о моем пристрастии к тропическим фруктам.

— Насколько я помню, у вас были и некоторые другие ошибки, — уколол учителя Поллетти.

— А я и не скрываю, — голосом, полным достоинства, произнес Сильвестре. — Мне всегда не везло, поэтому теперь я стараюсь научить других избегать моих ошибок. У меня были весьма способные ученики. Боюсь, Марчелло, ты к ним не относишься.

— Пожалуй, — согласился Поллетти.

— Ты закончил полный курс обучения. Нельзя сказать, что у тебя начисто отсутствуют способности. Но

какое-то глубоко засевшее безразличие, равнодушие, мешает тебе вложить душу и сердце в самое благородное занятие человека — Охоту!

— Пожалуй, вы правы, — признался Поллетти. — Почему-то интерес к этому у меня быстро исчезает.

— Наверное, в твоём характере есть какой-то серьёзный недостаток, — печально произнес профессор Сильвестре. — Какая судьба ждёт тебя, мой мальчик?

— По-видимому, я умру, — заметил Поллетти.

— Да, пожалуй, — согласился Сильвестре. — Но тут возникает другой вопрос: как ты умрешь? Будет ли твоя смерть великолепной, как гибель камикадзе, или жалкой, как у загнанной в угол крысы?

— Не вижу особой разницы.

— Что ты! Между этими смертями колоссальная разница! — воскликнул профессор. — Раз уж ты не можешь хорошо убивать, сумей, по крайней мере, красиво умереть. В противном случае ты навлечешь позор на свою семью, друзей и на школу тактики жертв профессора Сильвестре. Никогда не забывай лозунг нашей школы: «Умирай не хуже, чем убиваешь!»

— Постараюсь запомнить. — Поллетти встал.

— Мой мальчик! — Сильвестре тоже поднялся и положил стальную руку на плечо Поллетти. — Твое кажущееся равнодушие — всего лишь прикрытие глубоко скрытого мазохизма. Ты должен бороться не только с охотником, угрожающим твоей жизни, но и с более опасным врагом внутри себя.

— Постараюсь. — Поллетти попытался подавить зевоту. — Но сейчас я должен спешить, у меня назначена встреча...

— Конечно, конечно, — сказал профессор. — Однако нам следует решить небольшую проблему платы за обучение; этим можно заняться прямо сейчас. После сегодняшнего урока сумма составляет триста тысяч лир. Если ты можешь...

— В данный момент не могу, — поспешно ответил Поллетти, заметив, что рука профессора из нержавеющей стали находится всего в дюйме от его сонной артерии. — Но завтра утром, как только откроются банки, я заплачу все.

— Ты мог бы сейчас выписать мне чек, — предложил Сильвестре.

— К сожалению, у меня нет чековой книжки.

— К счастью, у меня есть.

— Мне очень жаль, но я не могу выписать чек сейчас, потому что деньги хранятся в банковском сейфе.

Сильвестре пристально посмотрел на упрямого ученика, пожал плечами и снял стальную руку с плеча Поллетти.

— Хорошо, — сказал он. — Завтра? Честное слово?

— Честное слово, — подтвердил Поллетти.

— Закрепим наше джентльменское соглашение рукопожатием. — И профессор протянул свою стальную руку.

— Пожалуй, не стоит, — возразил Поллетти.

Профессор улыбнулся и протянул здоровую руку. Поллетти с чувством пожал ее. Внезапно Сильвестре отдернул руку и уставился на ладонь. На ней красовалась капля крови.

— Видите? — Марчелло показал крошечный блестящий шип, прикрепленный к ладони. — Как вы справедливо заметили — фальшивая деталь... Если бы этот шип был смазан ядом кураре...

Добродушно посмеиваясь, он направился к выходу.

Сильвестре сел и поднес к губам раненую руку. Он чувствовал себя несчастным. Этому Поллетти с его дурацкими выходками наверняка предстоит скорая встреча с кладбищем. Но, напомнил себе профессор, такая же судьба ожидает всех людей, тогда как его, профессора Сильвестре, отвезут скорее всего на свалку металлолома.

Глава 8

В бальном зале Борджиа римского «Хилтона» Кэролайн репетировала танец, который собиралась исполнить сразу после убийства Полметти с танцовщицами ансамбля «Рой Белл». В зале царила полная тишина, изредка прерываемая возгласами вроде: «Я просила включить розовый направленный прожектор, а не яркий верхний свет! Неужели тебе это не ясно, тупой, ни на что не способный кретин?»

Мартин, Чет и Коул сидели в первом ряду спешно выстроенного зрительного зала, задумчиво теребя верхние губы. Они видели, что Кэролайн далеко не Павлова, но этого от нее и не требовалось. Недостаток способностей она компенсировала подлинным женским обаянием, которое прямо-таки обволакивало зрителей. Танцовщицы ансамбля искусно изображали различных женщин, тогда как Кэролайн не требовалось ничего изображать, — она была Женщиной, обладающей каким-то особым магнетизмом. Иногда она казалась вампиром, иногда — валькирией. Ее стройное тело было не способно на неуклюжее движение или жест, а длинные светлые волосы ниспадали на плечи подобно золотому дождю.

— Как танцовщица она ничем не выделяется, — произнес Мартин, дергая себя за верхнюю губу, — зато какая женщина!

— Просто удивительно, — кивнул Чет. — Глядя на нее, видишь то вампира, то валькирию.

— Это верно, — поддакнул Коул, убрав пальцы от верхней губы. — А вы обратили внимание, что ее стройное тело кажется не способным на неуклюжее

движение или жест и как ее длинные светлые волосы ниспадают на плечи подобно золотому дождю?

— Цыц! — проворчал Мартин, не переставая тереть верхнюю губу.

Он собирался произнести именно эти слова, и какой-то молокосос опередил его. Он решил уволить Коула вместе с Четом. Мартину не нравились умники.

Танец закончился. Слегка запыхавшись, Кэролайн сошла со сцены и опустилась в кресло рядом с Мартином.

— Ну? — спросила она. — Как?

Трое мужчин начали восторженно бормотать комплименты.

— В Колизее все готово к завтрашнему утру? — Кэролайн повернулась к Мартину.

— Абсолютно, — уверил ее Мартин. — Освещение, сцена, микрофоны с дистанционным управлением, пять кинокамер и две запасных. Есть даже специальный микрофон узконаправленного действия, чтобы записать предсмертный хрип жертвы.

— Прекрасно. — Кэролайн на мгновение задумалась, и ее лицо, в танце походившее на лицо вампира или валькирии, стало лицом Дианы, безжалостной богини охоты. — А теперь давайте взглянем на фотографии этого Поллетти.

Мартин передал ей пачку цветных снимков, восемь на десять дюймов, сделанных несколько часов назад и уже проявленных, обработанных, увеличенных и доставленных сюда благодаря магической силе денег.

Кэролайн внимательно рассматривала фотографии.

— Сколько ему лет? — внезапно спросила она.

— Около сорока, — ответил Мартин.

— Под каким знаком он родился?

— Под знаком Близнецов, — тут же сказал Чет.

— Он хитер, — объявила Кэролайн. — Вот эти морщинки вокруг глаз...

— Мне кажется, он прищурился, когда наш человек начал фотографировать, — робко заметил Коул.

— Морщины есть морщины, — безапелляционно заявила Кэролайн. — Но мне нравятся его руки. Вы обратили внимание? Его пальцы расширяются на концах кроме левого безымянного.

— Ты совершенно права, — согласился Мартин. — Раньше я как-то не заметил.

— Вы, наверное, не спрашивали мнения френолога?

— Господи, мисс Кэролайн, — произнес Коул, — у нас просто не было времени.

— Разве так уж важно, какие шишки у него на голове? — спросил Мартин. — От тебя требуется всего лишь убить этого парня.

— Мне хочется побольше знать о людях, которых я убиваю, — объяснила Кэролайн. — Это делает мою работу более увлекательной.

Мартин недовольно покачал головой. Ох уж эти женщины! Они все время пытаются притянуть чувства. Он решил уволить Кэролайн, как только займет должность Фортинбраса; но с легким чувством тревоги осознал, что после десятого убийства Кэролайн станет настолько влиятельной, что без труда сумеет настоять на увольнении его самого.

— Я понимаю тебя, — заметил Мартин, поспешно перенося недовольство девушкой на себя самого. — Действительно, интересно знать что-то о жертве, и, если бы у нас была возможность получить заключение френолога относительно Поллетти, Чет, несомненно, придумал бы, как это сделать.

Кэролайн хотела ответить, по-видимому, что-то язвительное, но ее прервал металлический голос из небольшого монитора, стоявшего у ног Чета.

— Алло, алло, — донесся голос. — Это передвижная камера три, мы движемся примерно на юго-юго-запад и находимся в точке к западу от Виа Джулия. Вы слышите меня, центральный командный пункт, вы слышите меня?

— Да, мы слышим вас хорошо, — ответил Мартин. Он ненавидел скучные формальности почти так же, как и неформальную фамильярность.

— Вижу объект на расстоянии примерно в тридцать семь и четыре десятых фута. Считаете ли вы необходимым, чтобы я приблизился на максимально близкое расстояние, или начинать действовать отсюда, вопрос.

— Начинать действовать? — воскликнула Кэролайн. — Он что, не знает, кто охотник?

— Он имеет в виду не стрельбу, — пояснил Мартин. — Он всего лишь спрашивает, вести ли ему телевизионную передачу с расстояния, на котором находится, или приблизиться. Я не выношу этих бывших командиров эсминцев, однако Фортинбрас берет их на работу целыми экипажами. — Он щелкнул переключателем на мониторе. — Сохраняйте позицию, передвижная камера три, и ни под каким видом — повторяю, ни в коем случае — не приближайтесь к объекту. Начинать передачу с того места, на котором находитесь.

— Понятно, приступаю к исполнению, — послышался голос из монитора, такой решительный, что, казалось, все увидели, как ошетинились рыжие усы говорившего.

Серый экран монитора стал белым, затем красным с извилистыми зелеными и малиновыми полосами. Наконец экран прояснился, и на нем появились прелестная грустная девушка и трое усатых мужчин. Голос диктора произнес по-итальянски: «А сегодня мы покажем очередной эпизод из странных запутанных жизней...»

— Эй, передвижная камера три, в чем дело? — крикнул Чет.

— Извините, сэр, — ответила третья камера. — Небольшая путаница при всенаправленном приеме.

— Вы считаете это оправданием? — грозно спросил Мартин.

— Никак нет, сэр. Просто объясняю. Приступаем, сэр.

Экран стал черным, затем снова ожил. Теперь на нем был отчетливо виден Марчелло Поллетти, который медленно брел по улице, опустив плечи.

— Налицо внешние признаки хронической депрессии, — тут же заметил Чет.

— Может быть, он просто устал, — высказала предположение Кэролайн, внимательно разглядывая Поллетти.

— Он кажется мне идеальной жертвой, — произнес Коул с мальчишеским энтузиазмом.

— Идеальная жертва — это мертвая жертва, — холодно сказала Кэролайн. — Думаю, он просто лентяй.

— Это хорошо? — спросил молодой Коул с надеждой в голосе.

— Нет, плохо. Ленивые люди непредсказуемы. — Не отрываясь от экрана, она еще несколько секунд изучала Поллетти. — Но в нем есть что-то еще: не лень, не депрессия и не усталость. Он не пытается спрятаться или скрыться от слежки, как это делает большинство жертв. Он идет по оживленной улице, представляя собой идеальную цель.

— Действительно, странно, — согласился Мартин.

— Ты уверен, что он получил официальное уведомление?

— Сейчас проверю.

Мартин щелкнул пальцами. Чет нетерпеливо махнул рукой, Коул вскочил, бросился к ящику с оборудованием, принес телефонную трубку и подключил ее.

Мартин набрал телефон Министерства Охоты в Риме, некоторое время пытался преодолеть своим английским поток итальянских слов и наконец беспомощно повернулся к помощникам.

— Э-э, знаете, шеф, — сказал Чет, — я прошел курс гипнообучения итальянскому языку в течение одной ночи, полагая, что это может пригодиться. Так что, если хотите...

Мартин передал ему трубку. Заговорив на безупречном итальянском языке с флорентийским акцентом, Чет быстро выяснил, что В.2738, Марчелло Поллетти, действительно получил лично официальное уведомление о том, что в этой Охоте он является жертвой.

— Странно, — недоумевающе произнес Мартин. — Определенно странно. Куда он идет?

— Входит в дом, — сказала Кэролайн. — Ты полагаешь, он станет весь день разгуливать по улицам, чтобы облегчить работу твоей съёмочной группы?

Поллетти вошел в подъезд, и на экране монитора появилась закрытая дверь.

Мартин нажал кнопку на панели монитора.

— Все в порядке, камера три. Объект скрылся из виду, так что можете пока выключиться. Вы сумеете держать под наблюдением дом объекта на протяжении часа или двух, не возбуждая подозрений?

— Так точно, — прохрипел голос из динамика на панели монитора. — Я действую с заднего сиденья

«фольксвагена». До сих пор, как мне кажется, никто даже не взглянул в мою сторону.

— Превосходно, — отозвался Мартин. — Назовите адрес дома. ...Хорошо, записал. Через час, максимум через два, мы вас сменим. Оставайтесь в машине; если заметите, что вызываете подозрение, немедленно уезжайте. Понятно?

— Так точно.

— Пока.

— Конец связи.

Мартин нажал кнопку на панели монитора и повернулся к Кэролайн.

— Ну что ж, милочка, мы нашли твоего парня и узнали, где он живет. Сейчас три часа тридцать четыре минуты и тридцать секунд дня. Тебе нужно привести его в Колизей к завтрашнему утру. Справишься? Это не самая простая работа в мире.

— Думаю, что справлюсь, — произнесла Кэролайн сладким голосом. — А ты как считаешь?

Мартин взглянул на нее, затем задумчиво потеревил верхнюю губу.

— Да, — кивнул он, — пожалуй, ты сможешь сделать это. Знаешь, Кэролайн, а ты здорово изменилась.

— Я тоже это заметила, — согласилась Кэролайн. — Может быть, это влияние Рима, или моего десятого убийства, или того и другого. Или чего-то еще. Я буду поддерживать с вами связь, мальчики.

Она повернулась и величественно вышла из бального зала Борджиа.

Глава 9

Квартира Марчелло Поллетти была яркой, шикарной... и временной, как и сам хозяин. Мебель была низкой, удобной, но не стильной, да и ценность ее была сомнительной. В квартире находились три внутренние лестницы; одна вела на террасу, другая в спальню, а третья почему-то упиралась в белую кирпичную стену. Это как нельзя лучше отражало характер хозяина квартиры.

Поллетти вытянулся на щегольской малиновой тахте. На груди у него сидела маленькая красно-синяя игрушечная обезьянка (на транзисторах, перезаряжающиеся батарейки, пятилетняя гарантия, можно мыть в ванне, доставляет удовольствие всей семье!). Он рассеянно почесывал ее за ухом, и механическая обезьянка вздрагивала от удовольствия и оживленно болтала. Потом Поллетти перестал почесывать обезьянку и принялся за глубокое дыхание, однако после трех циклов «вдох-выдох» бросил тренировку, потому что, как и от многих других вещей, от этого у него кружилась голова и начинало подташнивать. К тому же он знал, что должен радоваться тому, что вообще еще дышит. В его ситуации глубокое дыхание было проявлением излишней самонадеянности, поскольку должно было основываться на том, что у Поллетти сколько угодно времени для дыхания.

По лицу Поллетти пробежала легкая улыбка: он придумал афоризм.

У противоположной стены на кронштейне, вделанном в стену, стоял телевизор. Рядом находился низкий кофейный столик, где лежали шесть книг, газета, пят-

надцать комиксов, бутылка виски, револьвер «смит-вессон» с алюминиевым корпусом — модель ХСВ-3, известная под названием «Мститель», — заряженный, но без бойка. (Поллетти уже давно собирался заняться его ремонтом.) Здесь же валялся хитроумный небольшой крупнокалиберный пистолет, однозарядный, длиной всего 1,2 дюйма, исключительно удобный, отличавшийся точным боем на расстоянии, не превышающем три фута. Рядом с ним лежали еще два пистолета сомнительного происхождения и не менее сомнительной практической ценности. На угол стола был повешен пуленепробиваемый жилет, самая последняя модель, изготовленная два года назад фирмой «Хайтри и Оулди» (производитель пуленепробиваемых жилетов, поставщик двора Ее Величества Королевы). Жилет весил двадцать фунтов и защищал от любой пули, за исключением новых «Супер Пенитрекс 9 мм. Магнум», выпущенных в прошлом году компанией «Маршлэндс оф Фиддлерс Корт» (производитель боеприпасов, поставщик двора Его Величества Короля). Патронами «Супер Пенитрекс» пользовались теперь все охотники.

Рядом с жилетом валялись три смятые пачки из-под сигарет и пачка «Рэдджиз», где еще были сигареты. На самом краю стола стояла недопитая чашка кофе.

В заданное время таймер включил телевизор. Начинаясь программа «Международный час Охоты», которую нужно было обязательно смотреть, чтобы знать, кто убивает, кого и как.

Сегодняшняя передача велась из Далласа, штат Техас. В этом городе проживает больше «охотничьих птиц», как их любовно называют, на душу населения, чем в любом другом мегаполисе мира. По этой причине Даллас славится раем для убийц и является чем-то вроде Мекки для любителей насилия.

Диктором был приветливый молодой американец. Его манеру говорить, сочетавшую в себе естественное дружелюбие и непринужденную фамильярность, трудно копировать и легко невзлюбить.

«Привет, ребята, — произнес он. — Я особенно рад приветствовать всех агрессивных мальчишек и девчонок, которые станут в будущем охотниками и жертвами. Вам, ребята, мне хочется сообщить нечто осо-

бенное. Я не буду читать нравоучения, а просто напому вам, мальчишки и девчонки, что с моральной точки зрения, не следует убивать своих родителей, даже если вам кажется, что у вас для этого есть веские причины. Кроме того, это преследуется законом. Так что, ребята, серьезно, не делайте этого. Пойдите лучше к своему преподавателю физкультуры, и он устроит для вас схватку с кем-нибудь вашего роста и веса, с использованием дубинок, кастетов или булав, в зависимости от вашего возраста и успехов в учебе. Я знаю, что это еще не всерьез, понимаю, что многие из вас думают, будто несколько сломанных костей и сотрясение мозга — для молокососов. Однако поверьте мне, это все-таки настоящий спорт, он поможет вам вырасти крепкими и сильными, развить рефлекс и снимет излишнюю агрессивность. Я знаю, многие из вас, ребята, придерживаются точки зрения, что лишь пистолет или граната настоящее оружие. Такие мысли возникают у тех, кто никогда не пользовался чем-то другим. Позвольте напомнить вам, что древние гладиаторы в Риме дрались кастетами, а ведь их никто не считал маменькиными сыночками. В средние века рыцари умели драться на булавах, и вряд ли кто-нибудь смеялся над ними. Так что, ребята, попробуйте, а? Вдруг вам это понравится».

— Как бы мне хотелось снова стать ребенком, — пробормотал Поллетти.

— Ты и есть ребенок, — раздался замогильный голос откуда-то сверху.

Поллетти не оглянулся: он знал — это Ольга. Она тихо спускалась по лестнице.

«А теперь последние новости и сообщения из мира Охоты, — раздавался голос диктора. — В Индии возрождается древний культ удушения. Это официально подтверждено Министерством иностранных дел в Дели. Представитель правительства заявил сегодня..»

— Марчелло, — произнесла Ольга.

Поллетти нетерпеливо махнул рукой. На экране появились виды Бомбея.

«...что практиковавшееся на протяжении многих веков удушение с помощью шелкового или, в крайнем случае, хлопчатобумажного шарфа...»

— Марчелло, — повторила Ольга, — я хочу попросить прощения.

Она стояла на середине лестницы, тяжело опираясь на перила.

«...является одной из немногих форм убийства, доступных для представителей всех слоев общества и не нарушающих заповедь, недвусмысленно запрещающую проливать кровь. Такая заповедь существует почти во всех крупнейших религиях мира. Различные буддистские секты в Бирме и на Цейлоне проявили интерес к этой концепции, тогда как представитель советского правительства, выступая в Кремле, охарактеризовал ее как — цитирую — «сущую казуистику». Эта точка зрения, однако, вызвала протест правительства Китайской Народной Республики. Его представитель назвал, по сообщению Телеграфного агентства Нового Китая, удушающий шарф (или шейный воротник «тсингтао») настоящим народным оружием, и потому...»

— Марчелло!

Поллетти нехотя повернул голову. Ольга стояла на нижней ступеньке лестницы. Ее распущенные черные волосы ниспадали на плечи и напоминали змей на голове Медузы Горгоны; губы, покрашенные малиновой помадой, имели прямоугольную форму, как диктовала новая мода, а огромные черные глаза казались безжизненными и тусклыми, как у волка, раненного в живот.

— Марчелло, — произнесла она, — ты можешь простить меня?

— Разумеется, — быстро ответил Поллетти и снова повернулся к телевизору.

«...Недавно избранный президент Бразилии Гильберт открыл второй этап Мировых Олимпийских игр торжественным заявлением. Обращаясь к миллионам зрителей, собравшимся на Центральном стадионе Рио, он сказал, что подлинный эмоциональный катарсис, должным образом направляемый в процессе Охоты, еще недоступен всем, тогда как олимпийские состязания гладиаторов, представляющие собой наиболее чистую и мощную форму вторичного эмоционального катарсиса, доступны многим. Далее он заявил, что присутствие на Играх является долгом каждого гражданина, искренне желающего не допустить массовой гибели

людей, как во время войн прошлого. Вежливые аплодисменты были ответом на его выступление. Первая схватка сегодня проходила между Антонио Абруцци, трехкратным чемпионом Европы в боях своеобразного стиля на боевых топорах, и известным финским бойцом-левшой Аэзиром Дрнги, одержавшим победу в прошлогодних полуфинальных боях северо-европейской зоны. Все указывало на то, что приближается сенсация...

— Я была вынуждена так поступить, — сказала Ольга. Ее колени вдруг начали подгибаться, а рука, стискивавшая перила, побелела от напряжения. — Извини меня, Марчелло, я так виновата перед тобой.

Правая рука Ольги соскользнула с перил, а из левой выпал коричневый флакончик, в содержании которого не приходилось сомневаться. Поллетти сразу узнал его: там Ольга хранила снотворное — точнее раньше хранила, потому что сейчас в нем не было пробки, и пустая коричневая бутылочка покатилась по полу.

Стало ясно, что бог сна Морфей вступил в смертоносный союз со своим братом Танатосом, демоном смерти.

— Я приняла большую дозу снотворного, — произнесла Ольга, чтобы избежать ненужных вопросов. — Думаю... думаю...

Несчастливая замолчала и безвольно опустилась на темно-серый ковер.

«...тогда как в схватках на палашах Николай Гроупопополис из Греции добился решительной победы, нанеся смертельный удар снизу вверх претенденту на победу Эдуарду Комт-Куше из Франции, смелому, но явно уступающему ему в мастерстве. В соревнованиях по удушению в среднем весе неожиданную победу одержал Ким Сил Кул из республики Центральная Корея».

— Извини меня, — виновато произнес Поллетти, отворачиваясь от экрана. — Ты сказала, что не можешь уснуть?

«В группе В классической борьбы с применением двойных стилетов была объявлена ничья между Хуанито Ривера из Оаксака, Мексика, и Джулио Карерри из Палермо, Сицилия, тогда как...»

— Я сказала, — произнесла Ольга слабым, но отчетливым голосом, — что приняла большую дозу снотворного.

«...В соревнованиях по метанию гранат, средний вес, Майкл Борнштейн из Омахи, Небраска, несмотря на растяжение мышц плеча, взорвал своего соперника...»

— Я не раскаиваюсь, — продолжала Ольга. — Это ты, Марчелло, довел меня до этого своим равнодушием, и ты, если в твоей бесчувственной душе сохранились остатки совести, будешь испытывать мучения худшие, чем те, что я испытываю сейчас, и когда-нибудь поймешь, что бездействие является искаженной формой действия, а отсутствие внимания — это своего рода внимание; и когда наступит этот день...

— Ольга, — перебил ее Поллетти.

— Да? — спросила она; ее голос был едва слышен на фоне дыхания Чейн-Стокса.

— Извини меня, но я забыл получить в аптеке твое снотворное по рецепту.

Ольга грациозно встала с пола, взяла сигарету со столика и закурила. Она глубоко затянулась, выпустила к потолку облако дыма и спросила:

— Марчелло, почему ты все время забываешь выполнять мои просьбы? Вчера ты проходил мимо аптеки.

Поллетти наморщил лоб. Он всегда восхищался способностью Ольги выходить из самой неловкой ситуации без малейшего смущения.

«...а в соревнованиях специальных бронированных автомобилей "Астон-Мартин Вулкан-5" первым добился исключительно точного и поразительно удачного попадания в фаворита состязаний "Мерседес-Бенц Мертвая Голова-32"».

Ольга подошла к вазе с искусственными розами и несколькими легкими умелыми движениями создала отвратительную композицию из цветов. Она почти все делала с блеском, несмотря на то что делала почти все не так, как следует.

— Марчелло, — ее голос звучал игриво и небрежно, как всякий раз, когда Ольга начинала говорить о самых серьезных проблемах, — почему бы нам не пожениться? Это было бы так хорошо, честное слово, Марчелло, очень хорошо.

— Я женат, — ответил Поллетти.

— Но если бы ты не был женат?

— Тогда мы смогли бы рассмотреть этот вопрос с более реалистической точки зрения, — заметил Поллетти с осторожностью, приобретенной за двенадцать лет, прожитых с одной и той же любовницей.

Ольга печально улыбнулась и стала подниматься по лестнице, ведущей на террасу. На верхних ступенях она остановилась.

— У меня создалось впечатление, что ты больше не женат. Ведь ты уже получил извещение о расторжении брака, правда, Марчелло?

— К сожалению, не получил, — ответил Поллетти серьезным, честным и мужественным тоном, к которому прибегал, когда требовалось очень правдоподобно солгать. — В таких вещах нельзя торопить власти. Да и вообще брак могут не расторгнуть.

— Но его уже расторгли! Признайся.

Марчелло отвернулся и принялся играть со своей маленькой электронной обезьянкой. Она напоминала ему его самого. На телевизионном экране демонстрировали третий круг состязаний на выбывание в групповых рукопашных схватках: по шесть человек с рапирами и в кожаных доспехах с каждой стороны. Испанцы, по-видимому, одерживали верх над немцами.

Ольга поднялась еще на одну ступеньку и подошла к тяжелой терракотовой вазе, которую поставила здесь накануне. Вид этой вазы и лежавшего на тахте Поллетти почему-то привел ее в ярость.

— Скотина! Свинья! Буйвол! — закричала она, схватила вазу и швырнула вниз.

Поллетти даже не пошевелился. Ваза пролетела в дюйме-двух от его головы и разбилась. Бедняжка всегда промахивалась. Ей не везло: с попаданием в цель, с преданной любовью, мужьями, свиданиями, встречами со своим психоаналитиком — ей не везло всегда. Доктор Хоффгауэр сказал ей, что она является ярко выраженной мазохисткой, пытающейся компенсировать стремление к самоуничтожению псевдоспонтанными садистскими действиями, которые, разумеется, никогда не осуществляются благодаря ее явно выраженной жажде смерти. Это очень плохо. Однако, напомнил доктор,

Поллетти находится в еще худшем положении, поскольку его жажда смерти не смягчается, по-видимому, импульсами садизма, помогающими удержать ее в разумных рамках.

«Международный час Охоты» закончился, и таймер выключил телевизор. Поллетти, спокойный обладатель ничем не ограниченной гипотетической жажды смерти, встал, смахнул с головы терракотовую пыль и пошел к двери.

— Куда ты собрался? — строго спросила Ольга.

— Подышу свежим воздухом, — ответил Поллетти.

— Тогда возьми меня с собой.

— Не могу. Я иду в клуб охотников. Туда пускают только зарегистрированных охотников или жертв.

— Туда можно заходить всем!

— Только не в зал номер один, он лишь для членов клуба, — возразил Поллетти, — а я направляюсь именно туда.

— Но ведь ты только что заявил, что хочешь подышать свежим воздухом.

— Совершенно верно. После того как подышу свежим воздухом, я пойду в клуб.

— Свинья! — крикнула Ольга.

— Чао! — ответил Поллетти и вышел на улицу.

Глава 10

— Передвижная камера один вызывает Центральную. Вы слышите меня, Центральная, вы слышите меня? Прием.

— Слышу вас хорошо, — ответил Мартин.

Это он был Центральной. Едва ли не первое, что они сделали после прибытия в Рим, — организовали командный пункт. Ему всегда хотелось этого — иметь командный пункт, в котором он будет главным под кодовым наименованием «Центральная». И вот он осуществил свою мечту: в его распоряжении находилось радио- и телевизионное оборудование стоимостью в четверть миллиона долларов, размещенное в углу балльного зала Борджиа. Он сидел среди этого оборудования с микрофоном в одной руке и сигаретой в другой, с наушниками на голове и был очень доволен.

— Докладывает передвижная камера два. Но мне не о чем докладывать.

— Тогда продолжайте действовать как раньше, — строго распорядился Мартин.

Танцовщицы ансамбля «Рой Белл», закончив очередную репетицию, отдыхали на сцене, пили черный кофе и обсуждали различные способы предохранения ногтей от трещин. Кэролайн читала книгу об уходе за коккер-спаниелями. Положив книгу, она подошла к командному посту Мартина.

— Передвижная камера три включается.

— Вы хотите сказать, докладывает, — поправил Мартин.

— Извините. Передвижная камера три докладывает о том, что докладывать не о чем.

— Понятно, — коротко бросил Мартин, затягиваясь сигаретой и вытирая лоб.

Наушники немилосердно жали ему уши, но он не собирался снимать их из-за такой мелочи. Ерунда, Мартин знал, что другим приходилось выдерживать кое-что похуже.

— Докладывает передвижная камера четыре. Послушай, Мартин, как относительно...

— Не Мартин, — перебил Мартин. — Мой позывной «Центральная».

Он раздраженно покачал головой. Это был Чет. По-видимому, он недоволен, что ему приходится работать в качестве наблюдателя, к тому же четвертого. Но это было необходимо, иногда такое в жизни случается. К тому же Чет не должен был пользоваться преимуществами их двенадцатилетней дружбы и фамильярно обращаться к нему по имени, особенно после того, как Мартин разъяснил всем необходимость использования позывных в подобной операции.

— Докладывайте, передвижная четыре! — рявкнул Мартин.

— Не о чем докладывать, Центральная, — сообщил Чет. — Передвижная камера четыре просит разрешения сделать перерыв на обед.

— В разрешении отказано, — твердо заявил Мартин.

— Ну послушайте, Центральная, у меня не было времени даже на завтрак...

— А вот чтобы арендовать Колизей время нашлось, — заметил Мартин.

— Послушай, я ведь уже все объяснил. Я не собираюсь...

— В просьбе отказано! — завопил Мартин. И более спокойным голосом добавил: — Я чувствую, что сейчас должно что-то произойти. В такой обстановке отпустить вас на обеденный перерыв не могу, передвижная четыре, никак не могу.

— Ну хорошо, — ответил Чет, или передвижная четыре. — Буду вести наблюдения до тех пор, пока не поступят иные указания. Связи конец. То есть, я хочу сказать «конец связи».

Мартин судорожно сжал микрофон. Господи, как он ненавидел легкомыслие, разболтанность, фамильярность, неповиновение и все такое! До сегодняшнего дня он не задумывался над этим, но теперь, когда он возглавил доверенную ему операцию, положение изменилось. Он даже немного сочувствовал мистеру Фортинбрасу.

— Смотри-ка, сколько здесь всякого оборудования, — произнесла Кэролайн голосом, в котором полностью отсутствовал интерес.

— Это только самое необходимое, — пояснил Мартин. — Нельзя руководить такой крупной операцией с помощью двух консервных банок и куска бечевки.

Он попытался мужественно затянуться сигаретой, но обнаружил, что раздавил ее, когда стиснул микрофон. Он достал другую сигарету, закурил и мужественно затянулся.

— Что это за прибор слева? — спросила Кэролайн.

Мартин не имел ни малейшего представления, но сразу же ответил:

— Это многофазовый реостат переменной нагрузки.

— Вот как? — произнесла Кэролайн. — Он играет важную роль?

Мартин широко улыбнулся, и на его лице появилась мужественная улыбка.

— Важную? Да вся эта панель, собранная на скорую руку, разлетится на части без многофазового реостата. Так что я действительно назвал бы его важной частью всей системы.

— А почему панель может разлететься на части? — не унималась Кэролайн.

— Главным образом из-за непостоянства фактора резонанса линейного напряжения, — объяснил Мартин. — Вообще-то здесь имеет место очень интересное физическое явление. Если интересно, я мог бы объяснить подробнее.

— Не стоит, — сказала Кэролайн.

Мартин кивнул. Иногда ему казалось, что он может покорить весь мир.

— Говорит передвижная камера один! — послышался вопль в наушниках. — Объект выходит из дома! Повторяю, объект...

— Не повторяйте, я понял, — произнес Мартин. — И не кричите так в микрофон, а то я оглохну.

— Извините, Центральная. Просто после стольких часов ожидания я взвинчен до предела.

— Ну хорошо, хватит. Другие группы заметили его?

— Докладывает передвижная камера четыре. Я вижу его.

— Докладывает передвижная камера три. Объект нами не замечен.

— Передвижная камера два: то же самое.

— Что значит «то же самое»?! — рявкнул Мартин.

— То же, что у передвижной камеры три. То есть я тоже не вижу объекта.

— Все в порядке, — вздохнул Мартин. — Камеры два и три, оставайтесь на месте. Передвижная камера один, вам нужно...

— Вызывает Си Кью, вызывает Си Кью, — послышался в наушниках Мартина четкий, ясный голос.

Мартин никогда не слышал этого голоса, очень удивился и тут же заподозрил шпионаж или контрразведку.

— В чем дело? — ответил он быстро.

— Привет, — послышался голос. — Это станция 32Z0Z4321, зовут меня Боб, мне тринадцать лет, я веду передачу по любительскому каналу из Веллингтона, Новая Зеландия, с помощью реконструированного передатчика «Хаммарлунд 3BBC21», работающего через восьмидесятифутовую антенну типа Аркейн с механическим приводом, снабженную устройством Дормейстера, использующим принцип узкого луча, отражающегося от слоев стратосферы. Я буду рад вести радиопереговоры со всеми коллегами-радиолюбителями, хотя особенно интересуюсь радиолюбителями из Бухары, Каира и Мукдена, с которыми хочу обменяться позывными и вообще поболтать. Как слышите меня? За последнее время у меня возникли трудности с устройством Дормейстера, но мне кажется, что причиной являются возмущения на Солнце. Прием.

— Немедленно покиньте эту частоту! — разъяренно заорал Мартин.

— У меня не меньше прав на радиосвязь, чем у вас, — с достоинством ответил 32Z0Z4321.

— Вы влезли на специально выделенную коммерческую частоту, — заявил Мартин, — и глушите меня в критически важный момент. Прием.

Наступила короткая пауза.

— Извините, мистер, вы правы! Мой ЗВВС21 — отличный передатчик, но иногда уходит с установленной частоты. Это объясняется главным образом тем, что я не мог позволить себе приобрести настоящие детали. Прошу прощения, мистер, вы уж извините меня. Прием.

— Ничего страшного, я сам когда-то был мальчишкой. А теперь, пожалуйста, покиньте мою частоту. Прием.

— Ухожу с вашей частоты. Извините, мистер, надеюсь вы не станете никуда сообщать об этом недоразумении. Прием.

— Не буду, если вы сейчас же уйдете с этой частоты. Прием.

— Ухожу, мистер. Большое спасибо. Скажите, как было меня слышно? Прием.

— Слышно было отлично. Конец связи, — ответил Мартин.

— Спасибо, сэр. Конец связи.

— Конец связи, — повторил Мартин.

— Конец связи, — тут же отозвалась первая передвижная камера.

— Нет, не с вами! — воскликнул Мартин.

— Но вы сказали...

— Не имеет значения, что я сказал. Как там с объектом?

— Вижу его, — сообщила первая передвижная камера. — Он идет по Виа Кавур... подошел к ее пересечению с Виа дей Фори Имперiali... остановился... Черт побери! Его загородил от меня автобус.

— Докладывает передвижная камера четыре, — заговорил Чет. — Вижу его. Он все еще стоит на углу. Руки в карманах, и плечи опущены. Он смотрит вверх, очень пристально...

— На что? — выкрикнул Мартин.

— На облако, — сообщила передвижная камера четыре. — Больше на небе ничего нет.

— С чего бы это ему смотреть на облако? — спросил Мартин у Кэролайн.

— Может быть, ему нравятся облака, — пожала плечами Кэролайн.

— Докладывает передвижная камера три. Я вижу его, Центральная! Объект идет по улице с неразборчивым названием в направлении на северо-северо-восток, пересекает Форум Траяна, который был спроектирован Аполлодорусом из Дамаска и отлично сохранился после тысячи восьмисот лет различных злоключений.

— Передавайте мне только те сведения, которые относятся к делу, передвижная камера три, — потребовал Мартин. — Но мне нравится ваше рвение.

— Докладывает передвижная камера три. Вижу его! Эта улица с неразборчивым названием — Виа Куаттро Новембре. Объект остановился приблизительно в тридцати семи ярдах от Санта Мария ди Лорето.

— Принято, — сказал Мартин.

Быстро повернувшись к огромной настенной карте Рима и окрестностей, он провел жирную черную линию, отметив маршрут Поллетти, и пунктиром красного цвета набросал возможные направления его движения.

— Докладывает передвижная камера один. Вижу объект. Он все еще стоит на месте.

— Что он делает? — спросил Мартин.

— Мне кажется, чешет нос.

— Надеюсь, вы уверены в достоверности своих докладов, — зловещим голосом произнес Мартин.

— Передвижная камера два докладывает. Мы подтверждаем сведения передвижной камеры один. Объект, видимый через бинокль фирмы «Цейсс» 8х50, установленный на треноге, действительно почесывает нос... Дополнительные данные: объект только что прекратил указанное действие.

— Докладывает передвижная камера два. Объект снова движется в направлении к северу по Виа Пессина к перекрестку с Виа Сальваторе Томмаса.

Мартин снова повернулся к карте, сердито посмотрел на нее, прищурился и вернулся к микрофону.

— Не могу обнаружить на карте этих улиц, передвижная камера два. Сообщите названия еще раз.

— Слушаюсь. Объект идет... Извините, Центральная, кто-то положил передо мной не ту карту. Улицы,

которые я называл, находятся в Неаполе. Не могу представить, как это могло случиться...

— Успокойтесь, — произнес Мартин. — Сейчас не время для паники. Кто-нибудь видит его?

— Си Кью, Си Кью, вызывает Си Кью, это 3ZZOZ4321...

— Вы снова сбились со своей частоты! — завопил Мартин.

— Прошу прощения, — произнес 3ZZOZ4321. — Конец связи.

— Докладывает передвижная камера четыре. Он свернул на Виа Бабуино.

— Как он мог попасть туда? — спросил Мартин, посмотрев на карту. — У него что, крылья, или еще что-то?

— Вношу поправку. Я имел в виду Виа Барберини.

— Принято. Но как он попал в тот район?

— Докладывает передвижная камера один. Объект подвез маленький, толстый, лысый мужчина, сидевший за рулем синего автомобиля марки «альфа-ромео», модель ХХУ-1, с открывающимся верхом, тройными хромированными выхлопными трубами и турбонаддувом Моррисона — Чалмерса. Объект и маленький, толстый, лысый мужчина казались друзьями или, по крайней мере, знакомыми. Они подъехали к Площади Испании, где объект вышел из машины.

— Иногда они двигаются очень быстро, — пробормотал себе под нос Мартин, помечая на карте новые координаты объекта.

— А что после этого делал маленький, толстый, лысый мужчина? — произнес он в микрофон.

— Он уехал в направлении Виа Венето.

— Кто-нибудь следит сейчас за объектом?

— Докладывает передвижная камера два. Я вижу его. В данный момент он стоит прямо перед или, точнее, слегка слева от здания «Американ Экспресс».

— Что он делает?

— Смотрит на плакат в витрине. Плакат представляет собой рекламу туристической поездки в Грецию, конкретно: Афины, Пирей, Гидра, Корфу, Лесбос, Крит...

— Греция! — простонал Мартин. — Он не имеет права так меня подвести. Я ничего там не подготовил. Нам придется...

— Докладывает передвижная камера четыре. Объект двигается вновь. Он прошел несколько ярдов и сидит теперь на ступеньках Испанской лестницы.

— Вы уверены в этом? — быстро спросил Мартин.

— Абсолютно. Он сидит на седьмой снизу ступеньке и с подчеркнутым вниманием смотрит на двух блондинок, расположившихся соответственно на пятой и четвертой ступеньках.

— Он хитрее, чем кажется с первого взгляда, — произнес Мартин. — Теперь никто не ходит к Испанской лестнице. Неужели он пытается...

— Докладывает передвижная камера три! Объект встал и пересекает Площадь Испании... Я потерял его из виду. Нет, вот он. Теперь объект на Виа Маргумма, прошел примерно половину квартала, остановился и вошел в здание.

— Что за здание?! — крикнул Мартин.

— Клуб охотников, — сообщила третья камера. — Нужно ли мне следовать за ним?

Кэролайн следила за поисками, глядя на экран монитора. Теперь она взяла микрофон из рук Мартина и скомандовала:

— Всем передвижным камерам оставаться на местах! Я сама найду его в клубе охотников.

— По-твоему, это правильный шаг? — спросил ее Мартин.

— Может быть, и нет, — заметила Кэролайн, — зато интересный.

— Послушай, бэби, этот парень вооружен и опасен.

— И очень привлекателен, — добавила Кэролайн. — Я хочу лично посмотреть, что представляет собой этот Поллетти.

— Мистеру Фортинбрасу это может не понравиться, — сказал Мартин.

— Мистеру Фортинбрасу не нужно никого убивать, — бросила Кэролайн. — А мне придется.

Ответить на такое замечание было нечего. Когда Кэролайн вышла из зала, Мартин пожал плечами. Затем он мужественно усмехнулся и устало откинулся на

спинку вращающегося кресла. Ему приходится иметь дело с примадоннами и неумелыми сотрудниками — людьми, которым не по силам выбраться из бумажного мешка, не говоря уж о том, чтобы решать сложные задачи. Он должен сам заботиться обо всем. И что получает в награду? Ничего! Совершенно ничего, кроме удовлетворения от хорошо выполненной работы.

— Всем передвижным группам! — передал Мартин. — Приступайте к выполнению плана «Изи Бейкер», повторяю, плана «Изи Бейкер». Конец связи.

Он встал и пошел прочь от передатчика, все еще мужественно улыбаясь. Потухшая сигарета свисала из угла его рта.

Танцовщицы ансамбля «Рой Белл» давно уехали, и огромный бальный зал был пуст. Передатчик тихо жужжал, затем что-то щелкнуло. Прошло несколько секунд, и из приемника послышался голос:

— Говорит 32ZOZ4321, вызываю Си Кью. Меня зовут Боб. Слышит меня кто-нибудь?

В огромном зале царила тишина, в нем никого не было.

Глава 11

Римский клуб охотников размещался в изящном здании неовенецианского стиля. Поллетти вошел, миновал холл и поднялся на лифте на третий этаж. Здесь он подошел к двери, на которой висела табличка: «Вход только членам клуба (мужчинам)». Это было одно из немногих мест в Риме, где мужчина мог сбросить напряжение, покурить, почитать газеты, поговорить, обсудить различные проблемы Охоты и даже выпасться, будучи уверенным, что в помещение неожиданно не ворвется его жена. Более того, мужчина всегда мог заявить, что провел время здесь, — неважно, где он находился на самом деле. В помещении не было телефонов, а лояльность члены клуба считали величайшей из добродетелей.

Охотники-женщины постоянно жаловались на это стремление мужчин к уединению и обособленности, поэтому клуб выделил и для них собственное помещение на первом этаже, на двери которого красовалась надпись: «Вход только членам клуба (женщинам)». Это их не удовлетворило вообще-то, но, как однажды заметил Вольтер, что может удовлетворить женщину?

Поллетти опустился в удобное кресло и ответил на приветствия шести-семи друзей. Их интересовало, как происходит Охота, и Поллетти совершенно откровенно ответил, что не имеет ни малейшего представления.

— Это плохо, — констатировал Витторио ди Люкка, седой миланец, на счету которого было восемь убийств.

— Может быть, — ответил Поллетти и добавил: — Но я все-таки еще жив.

— Действительно, — согласился Карло Савицци, толстый молодой мужчина, который учился с Поллетти в школе. — Но это вряд ли твоя заслуга, правда?

— Пожалуй, ты прав, — сказал Поллетти. — Однако едва ли я могу что-нибудь предпринять.

— Ты много чего можешь сделать, — заявил здоровенный широкоплечий старик с поседевшими черными волосами и лицом, напоминавшим плохо выдубленную кожу.

Поллетти и остальные замолчали. Этот старик был Джулио Помбелло — единственный, сумевший достичь цифры десять охотник, которым мог сейчас похвастаться Рим. К охотнику, убившему десять соперников, следовало относиться с уважением, даже если он нес чепуху, что обычно и делал старый Помбелло.

— Прежде всего нужно организовать оборону, — произнес Помбелло, взмахнув правой рукой, словно защищаясь. — Существует немало схем надежной обороны, равно как и много отличных тактических схем их преодоления охотниками. Разумеется, главным является правильный выбор; жертва не должна прибегать к тактике охотника, равно как и охотник допустит ошибку, полагаясь на оборону. Вы считаете это правильным, или я ошибся в оценке ситуации?

Раздался шепот, выразивший единодушное мнение, что слова маэстро (Помбелло нравилось, когда его так называли) верны и удивительно точно соответствуют действительности. Но в глубине души у каждого появилось страстное желание, чтобы Помбелло лишился дара речи или был немедленно вызван по телефону, к примеру, на Корсику.

— Таким образом, мы разложили проблему на составные элементы, — продолжал маэстро. — Вот ты, Поллетти, жертва, поэтому нуждаешься в защите. Нет ничего проще. Нам остается решить, какие из наиболее надежных методов защиты лучше всего использовать в твоем случае.

— Вообще-то я не слишком стремлюсь к защите, — заметил Поллетти. — Да и о нападении как-то не очень задумывался, — добавил он, помолчав.

Маэстро привычно не обратил ни малейшего внимания на его слова, поскольку всегда игнорировал высказывания собеседников.

— Лучше всего, — заявил он, — если ты возьмешь на вооружение метод глубинной последовательности концентрических полей Хартмана.

Присутствующие одобрительно закивали. Старый Помбелло действительно неплохо разбирался в Охоте и имел в этом деле глубокие познания.

— Что-то не припомню такого метода, — возразил Поллетти.

— В нем нет ничего сложного, и разобраться в этом методе очень просто, — произнес маэстро. — Сначала выбираешь большую деревню или, может быть, город. Следует предварительно убедиться, что ни твой охотник, ни его родственники не живут там, в противном случае оборона утрачивает свою эффективность. Но отыскать нужный город не так уж сложно.

— Это верно, — вмешался Витторио. — Как раз на прошлой неделе я читал...

— Отыскав такой город, — невозмутимо продолжал маэстро, — ты селишься там и живешь в течение недели или месяца, пока твой охотник не узнает, где ты находишься. И как только он решает нанести удар, ты убиваешь его. Проще некуда.

Все дружно закивали в знак согласия.

— А что если охотник найдет меня первым, или сумеет подкрасться, предварительно переодевшись, или...

— А-а, я упустил из виду решающую деталь метода глубинной последовательности концентрических полей Хартмана. — Маэстро улыбнулся своей рассеянностью. — Охотник не сможет найти тебя первым, какой бы искусной ни была его маскировка. Не сможет он и подкрасться незамеченным. Стоит ему появиться в городе — и он в твоих руках.

— Почему? — спросил Поллетти.

— А потому, — пояснил маэстро, — что ты предварительно заплатишь каждому мужчине и ребенку в городе, каждой женщине, и они станут твоими наблюдателями; более того, ты обещаешь премию тому, кто

первым обнаружит охотника. Остроумно, правда? Вот и все.

Маэстро откинулся на спинку кресла, самодовольно улыбаясь. Среди присутствующих послышался одобрителный шепот.

— Значит, нужно заплатить всем мужчинам, женщинам и детям, живущим в городе, — произнес Поллетти. — Но для этого потребуется немало денег. Даже если город совсем небольшой, или деревня с тысячей обитателей, понадобится...

Маэстро нетерпеливо махнул рукой.

— Думаю, нужно будет заплатить несколько миллионов лир. Но что такое деньги по сравнению с жизнью?

— Ничего, — согласился Поллетти. — Но у меня нет нескольких миллионов лир.

— Это печально, — заметил маэстро. — Последовательность Хартмана является, по моему мнению, лучшей системой защиты от любого охотника.

— Может быть, если удастся получить кредит...

— И все-таки не следует впадать в отчаяние, — подбодрил его маэстро. — Мне кажется, я припоминаю, что статическая защита Карра показала себя с лучшей стороны, хотя сам я никогда не прибегал к ней.

— Как раз на прошлой неделе я читал о ней, — вступил в разговор Витторио. — При статической защите Карра ты запираешься в комнате, полностью сделанной из стали; у тебя есть источник кислорода, вода, получаемая по замкнутому циклу, большой запас продовольствия и книг. Фирма «Аберкромби и Фитч» продает полный комплект, причем стены выполнены из трехдюймовой гиперстойкой стали, безусловно гарантированной от любых внешних вторжений вплоть до ядерного взрыва мощностью в мегатонну.

— Я смогу купить такую комнату в рассрочку? — спросил Поллетти.

— Сможешь, пожалуй, — сказал Карло. — Но должен предупредить тебя, что компания «Фортнум и Мейсонс» пустила в продажу мультиволновой вибратор, гарантирующий уничтожение всего живого, находящегося внутри такой комнаты. — Он вздохнул и потер лоб. — Именно это случилось с моим несчастным ку-

зеном Луиджи в самый первый раз, когда он был жертвой.

Раздался шепот сожаления.

— Что касается меня, — произнес маэстро, — мне никогда не нравилась статическая защита. Она слишком статическая; ей не хватает гибкости. А вот мой племянник воспользовался однажды очень любопытной защитой, основанной на открытости.

— Никогда не слышал о таком методе, — покачал головой Поллетти.

— Вообще-то это восточная форма защиты, — пояснил маэстро. — Японцы называют ее «неуязвимость, основанная на кажущейся уязвимости». Китайцы говорят о ней как о «сантиметре, вмещающем десять тысяч метров». По-моему, у нее есть и индийское название, только сейчас я не могу припомнить его.

Наступило молчание. Все ждали. Наконец маэстро сказал:

— Ладно, название не имеет значения. Суть этой защиты, как объяснил мне племянник, заключается в открытости. Да, в открытости!

Все кивали и подались вперед.

— Для своей защиты мой племянник арендовал несколько квадратных миль пустыни в Аbruцци, заплатив до смешного мало. В середине этого участка он установил палатку, откуда мог видеть все на несколько миль вокруг. Взял напрокат у одного из своих друзей радиолокационную установку и купил у торговца подержанным оружием батарею зенитных орудий. Ему даже не пришлось платить за оружие наличными: он просто обменял их на свой автомобиль. По-моему, он где-то нашел прожекторы и в течение двух дней сумел установить все. Ну как, Марчелло, а?

— Весьма хитроумно, — задумчиво произнес Поллетти. — Похоже, что это действительно надежная защита.

— И мне так казалось, — кивнул маэстро. — К сожалению, охотник, преследовавший моего племянника, проявил коварство, купил у фирмы «Арамко», торгующей излишками военного имущества, землеройную машину, прокладывающую туннели, пробил подземный ход прямо под палатку племянника и взорвал его.

— Да, это очень печально, — вздохнул Витторио.

— Какой удар для всей нашей семьи! — произнес маэстро. — Однако сама идея разумна. Видишь, Марчелло, если ты воспользуешься ею, слегка модернизируешь — ну, скажем, возьмешь в аренду участок, расположенный на гранитном плато вместо песчаной равнины, установишь сейсмографическое оборудование, — такая защита может оказаться весьма эффективной. Разумеется, у нее останутся определенные недостатки: старые зенитные орудия не смогут устоять против современных ракетопланов. К тому же охотник может купить гаубицу или танк, и в таком случае достоинства принципа открытости защиты станут его недостатками.

— Это верно, — согласился Поллетти. — К тому же я вряд ли успею вовремя все подготовить.

— А как ты относишься к засаде? — спросил Витторио. — Я знаю несколько отличных схем засад. Лучшие из них требуют много времени на подготовку и денег, разумеется...

— У меня нет денег. — Поллетти встал. — Да и времени, по-видимому, тоже. Но мне хочется поблагодарить всех за предложения, в особенности вас, маэстро.

— Не стоит, не стоит, — ответил маэстро. — Так что же ты собираешься предпринять?

— Ничего, совершенно ничего, — сказал Поллетти. — В конце концов следует оставаться верным своей природе.

— Марчелло, ты сошел с ума! — воскликнул Витторио.

— Отнюдь нет. — Поллетти остановился в дверях. — Я просто пассивен. До свидания, джентльмены, желаю хорошо провести вечер.

Он вежливо поклонился и вышел. Оставшиеся некоторое время молчали, глядя друг на друга с выражением ужаса и жалости.

— У него появилась жажда смерти, — заявил наконец маэстро. — Это, по моему мнению, типичное душевное состояние римлян, против которого нужно бороться всеми силами. Симптомы этого заболевания совершенно очевидны для опытного глаза; они заключаются в следующем...

Присутствующие слушали его, устремив перед собой тупые, бессмысленные взгляды. Витторио страстно желал, чтобы великого старца сбил автомобиль, желательно «кадиллак», и чтобы старик провел следующие год или два на больничной койке. Карло заснул с широко открытыми глазами, но даже в этом состоянии он ухитрялся бормотать «гм-м» всякий раз, когда маэстро делал паузу, и даже затягивался сигаретой. И никто не знал, как он это делает.

Глава 12

Кэролайн посмотрела на часы. Ручные часы «Дик Трэси» со встроенным радио были семейной реликвией, переходившей от одного поколения Мередитов к другому. Ей предлагали сменить часы, приобрести новые, поменьше размером, более совершенные, более надежные в эксплуатации. Но Кэролайн категорически отказывалась расстаться с дорогой сердцу вещью. Шли они прекрасно, к тому же Кэролайн испытывала к часам sentimentalную привязанность.

— Мартин, — прошептала она в часы, — что значит «Беллеца ди Адам»?

— Одну минуту, сейчас узнаю. — Голос Мартина едва доносился из крохотного динамика часов. Ответ последовал почти сразу. — Чет говорит, что это значит «Косметический кабинет Адама», вроде тех, что есть у нас в Нью-Йорке. Он говорит, что Поллетти заходит сюда каждые два дня, чтобы побрить кисти. После этого он обедает в баре или выпивает коктейль.

— Чет знает очень много, — заметила Кэролайн.

— Совершенно верно, — согласился Мартин. — Между прочим, есть люди, которые считают, что он знает слишком много. Но почему ты спрашиваешь об этом Адаме?

— Потому что сейчас там находится Поллетти, — объяснила Кэролайн. — Я подошла к клубу охотников в тот самый момент, когда он выходил на улицу, и дошла с ним до «Адама». Однако женщинам неприлично заходить в мужской косметический кабинет, правда?

— Да, по крайней мере в тот, где бреют кисти. Но бар открыт для всех посетителей.

— Отлично, — ответила Кэролайн. — Я зайду в бар и взгляну на него.

— Ты считаешь это необходимым? — спросил Мартин. — Я хочу сказать, может быть, это не так уж необходимо. У нас появились кое-какие соображения относительно того, как заманить этого парня завтра утром в Колизей.

— Я хорошо знакома с вашими соображениями, — произнесла Кэролайн, — и, если говорить откровенно, не принимаю их всерьез. Я сама приведу Поллетти. К тому же мне хочется взглянуть на него поближе. И, если удастся, познакомиться с ним.

— Зачем?

— Затем, что так будет гораздо приятнее, — ответила Кэролайн. — За кого ты меня принимаешь, Мартин? За патологического убийцу? Мне хочется знать человека, которого я убиваю. Это цивилизованный способ, и он мне нравится.

— О'кэй, бэби, ты играешь главную роль. Но будь осторожна: он может прикончить тебя раньше, чем ты его. Ты шутишь с огнем.

— Да, я знаю. Но в этом и заключается особый интерес.

Кэролайн выключила часы-радио и вошла в «Беллеца ди Адам». Она миновала кабинет, где бреют кисти, и в баре-закусочной сразу увидела Поллетти. Он только что закончил обедать и теперь сидел в кресле с чашкой кофе и журналом комиксов.

Кэролайн села за соседний столик, заказала тарелку тушеного мяса с водорослями по-милански, достала сигареты, поискала спички в сумочке и обернулась к Поллетти со смущенной улыбкой.

— У меня, похоже, нет спичек, — произнесла она извиняющимся тоном.

— Попросите официанта, он принесет, — ответил Поллетти, не отрываясь от комиксов.

Он увлеченно хихикал и быстро перелистывал страницы, торопясь узнать, чем кончается история в картинках.

Кэролайн нахмурилась. Она выглядела очаровательно, когда хмурилась, как, впрочем, и в любое другое время. Однако ее красота не производила впечатления

на мужчину, который прилип к своим комиксам. Она вздохнула и вдруг заметила, что на каждом столе стоит телефон. Загадочно улыбнувшись, — это ей всегда удавалось великолепно, — Кэролайн набрала номер столика Поллетти.

Однако Поллетти, казалось, не замечал звонившего телефона. Наконец он обернулся и посмотрел прямо на Кэролайн.

— Я ведь сказал вам, что официант принесет спички.

— Видите ли, я просто хотела поговорить с вами, — ответила Кэролайн, очаровательно краснея. — Дело в том, что я американка и хочу познакомиться с мужчиной-итальянцем.

Поллетти сделал рукой небрежный жест, словно говоря, что Рим полон мужчин-итальянцев, и снова склонился над журналом.

— Меня зовут Кэролайн Мередит, — вкрадчиво произнесла Кэролайн.

— Ну и что? — Поллетти по-прежнему не отрывался от комиксов.

Кэролайн не привыкла к такому обращению, но тем не менее продолжала:

— Вы свободны сегодня вечером?

— По-видимому, сегодня вечером я буду мертв, — ответил Поллетти.

Он достал из кармана карточку и, не поднимая головы от журнала, протянул Кэролайн.

На карточке было написано: «ОСТОРОЖНО! Я ЖЕРТВА!». Это было стандартное предупреждение, напечатанное на шести языках.

— Господи, Боже мой! — воскликнула Кэролайн. — Вы жертва и сидите так спокойно и не прячетесь. Поразительно смелый поступок!

— А я ничего не могу предпринять, — ответил Поллетти. — У меня нет денег, чтобы защищаться.

— А вы не могли бы продать свою мебель? — спросила Кэролайн.

— Ее увозят, — сказал Поллетти. — Я не смог выплачивать взносы. — Он перевернул страницу, и на его лице появилась широкая улыбка.

— Ну что вы, — заметила Кэролайн, — должен же быть какой-то выход...

Вдруг раздался какой-то шум, и Кэролайн умолкла. В бар вбежал маленький мужчина с лицом, как у крысы. Он пересек зал и остановился у стены. Он был так чем-то напуган, что у него тряслись даже бакенбарды. Через несколько мгновений появился еще один, очень высокий и худой. Его длинное морщинистое лицо было настолько обветренным, что напоминало цветом перуанское седло. На нем была очень большая белая шляпа, узкий черный галстук, кожаный жилет, джинсы и ковбойские сапоги. А по бокам висели два револьвера системы «кольт» в открытых кобурах.

— Ну что ж, Блэки, — вкрадчиво произнес высокий. — Вижу, нам довелось встретиться снова.

— Действительно, — согласился мужчина с крысиным лицом.

Его бакенбарды перестали дрожать, однако страх не исчезал с неприятного лица.

— Я думаю, — продолжал высокий мужчина, — что мы можем решить нашу маленькую проблему прямо здесь, раз и навсегда.

Кэролайн, Поллетти и остальные посетители немедленно полезли под столы.

— Но нам нечего решать, Дюк, — дрожащим голосом ответил маленький мужчина. — Абсолютно нечего.

— Ты так считаешь? — произнес худой как палка Дюк. Притворная вкрадчивость его голоса уже никого не могла обмануть. — Ну что ж, может быть, у нас просто различные представления о жизни. Я, например, слишком старомоден и не люблю, когда через мое лучшее пастбище прокладывают железную дорогу, а моя невеста выходит замуж за хилого бостонского банкира с крысиными бакенбардами и медовой речью, который к тому же выигрывает все мои деньги в карты, которые, между прочим, крапленые. Вот как я смотрю на жизнь, Блэки, и потому стараюсь предпринять что-то, чтобы исправить положение.

— Подожди, Дюк! — взмолился Блэки. — Я все объясню!

— Хватит, — произнес Дюк. — Ну ты, трусливый умник, берись за оружие!

— Дюк, пожалуйста! У меня ведь даже нет револьвера!

— Вижу, мне не остается ничего иного, как первым взяться за него.

Правая рука Дюка начала опускаться к рукоятке кольта.

В это мгновение бармен оправился от испуга и закричал:

— Нет, сэр, нет! Только не здесь!

Дюк обернулся и нарочито вежливо ответил:

— Сынок, советую тебе не совать свой длинный нос в чужие дела; в противном случае какой-нибудь очень нервный гражданин может оторвать его.

— Я совсем не хочу вмешиваться в ваши личные дела, сэр, — с достоинством произнес бармен. — Мне просто хочется сообщить вам, что в нашем баре убивать запрещено.

— Послушай, мальчуган. — Мягкость исчезла из голоса незнакомца. — Я являюсь официально утвержденным охотником, а эта дрожащая крыса, вон та, — моя официально одобренная жертва. Мне пришлось потратить немало времени и пойти на хитрости, чтобы добиться этого, но теперь все бумаги оформлены должным образом, так что прошу тебя уйти отсюда, чтобы не попасть под пули.

— Сэр, прошу вас! — воскликнул бармен. — Я не подвергаю сомнению ваш статус охотника. Каждому с первого взгляда ясно, что вы достойный джентльмен и имеете полное право убивать. К сожалению, наш бар объявлен местом, где запрещены все убийства, юридически оформленные или нелегальные.

— Разрази меня гром! — воскликнул Дюк, не скрывая раздражения. — Сначала запрещают убивать в церкви, затем в ресторане, потом объявляют запрещенной территорией парикмахерские, и вот теперь — закулочные. Видимо, скоро наступит время, когда мужчине не останется ничего другого, как сидеть дома и ждать смерти от старости!

— Мне кажется, пока дело не так уж плохо, — произнес бармен, стараясь успокоить охотника.

— Может быть, пока, сынок, но все быстро идет к тому. Скажите, у вас не будет возражений, если я прикончу этого мерзкого хорька в переулке у черного хода?

— Мы сочтем это за честь, сэр, — ответил бармен.

— О'кэй. — На лице Дюка появилась зловещая улыбка. — Блэки, у тебя есть время обратиться к Создателю в последний раз, перед тем как... А куда делся Блэки?

— Он смылся, пока вы разговаривали с барменом, — сказал Поллетти.

— Он скользкий, как уж, этот Блэки. — Дюк раздраженно щелкнул пальцами. — Ничего, я его найду.

Он повернулся и бросился к выходу. Посетители закусочной вылезли из-под столов и снова расселись по местам. Поллетти опять взялся за журнал. Бармен принялся готовить двойной martini.

Зазвонил телефон на столе Поллетти. Он сделал жест Кэролайн, предлагая ей ответить на звонок. Довольная, что ей удалось достичь хотя бы такого уровня близости со своей загадочной жертвой, она сняла трубку.

— Алло? Минутку, пожалуйста. — Она повернулась к Поллетти. — Вызывают Марчелло Поллетти. Это вы?

Поллетти перевернул последнюю страницу журнала и спросил:

— Это мужчина или женщина?

— Женщина.

— Тогда скажите, что я только что ушел.

— Мне очень жаль, но он только что ушел, — сказала Кэролайн в трубку. — Да, совершенно верно, здесь его нет. Что значит «вы лжете»? Зачем мне лгать? Что? Как меня зовут? Это не ваше дело. А как вас зовут? Что вы сказали? И тебе то же самое, сестричка, совковой лопатой! До свиданья! Что? Да, он действительно только что ушел.

Кэролайн с негодованием бросила трубку и повернулась к Поллетти. Но его кресло было пустым.

— Куда он делся? — спросила она бармена.

— Он только что ушел, — был ответ.

Глава 13

Поллетти сидел за рулем автомобиля «бьюик-оливетти ХХУ», который позаимствовал у щедрого племянника одного из приятелей своей сестры. Ему не нравился автомобиль, потому что был ярко-пурпурного цвета, а у Поллетти этот цвет почему-то ассоциировался с брюшным тифом. И все-таки им пришлось воспользоваться, потому что только эту машину удалось достать.

В двух милях от Рима Поллетти остановился у заправочной станции. Небрежным жестом он велел наполнить бак, затем открыл дверцу и вышел из машины.

Вдруг за спиной раздался дикий визг тормозов. Поллетти стремительно обернулся — прямо на него мчался «лотус» кофейного цвета. От неожиданности Поллетти застыл на месте.

Не снижая скорости, спортивный автомобиль обогнул его идеальным иммельманом и остановился как вкопанный. Из кабины вышла Кэролайн. Аромат ее духов пробивался сквозь запах горелой резины.

— Привет, — сказала она.

На подобное заявление можно было найти немало остроумных ответов, но Поллетти не воспользовался ни одним из них.

— Почему вы преследуете меня? — прямо спросил он. — Что вам от меня нужно?

Кэролайн подошла ближе, запах ее духов действовал на раздраженного Поллетти как парфянский мед *. Заметив это, он тут же вернулся в свой автомобиль.

— Вы не могли бы уделить мне пару минут? — спросила Кэролайн.

* Алкогольный напиток, приготовляемый из меда и воды.

— Нет.

— Одну минуту?

— Я опаздываю, у меня нет времени, — ответил Поллетти, расплатившись со служителем и включая двигатель.

— Послушайте...

— Позвоните мне на будущей неделе.

— Тогда будет слишком поздно, — заметила Кэролайн. — Видите ли, я приехала в Рим, чтобы провести исследование сексуальных привычек итальянских мужчин. Моя фирма интересуется всеми необычными явлениями...

— Тогда вы обратились не по адресу, — прервал ее Поллетти.

— ...но мы, разумеется, проявляем еще больший интерес ко всем обычным явлениям, — быстро добавила Кэролайн.

Поллетти нахмурился.

— Исследование проводится в узких рамках индивидуальной специфики, разумеется, — пояснила Кэролайн. — Именно по этой причине я и заинтересовалась вами. Оно будет заключаться в телевизионном интервью в Колизее. Я буду задавать вам вопросы...

— Одному мне? — спросил Поллетти.

Кэролайн кивнула.

— Но вы сказали, что это исследование.

— Да, индивидуальное исследование, — сказала Кэролайн. — Глубокий научный анализ мужской сексуальности вместо поверхностного подхода.

Поллетти недоуменно моргнул.

— Не понимаю, почему именно я потребовался вам для этого исследования.

Кэролайн улыбнулась и опустила взгляд. В ее голосе зазвучало смущение.

— Потому что вы привлекаете меня, — сказала она. — В вас есть что-то, какая-то едва уловимая слабость, дразнящая хрупкость...

Поллетти понимающе кивнул и улыбнулся. Кэролайн протянула руку к дверце автомобиля. Поллетти мгновенно включил сцепление, и машина с ревом сорвалась с места.

Глава 14

Поллетти мчался по старой прибрежной дороге, ведущей к Чивитавеккиа. Справа от дороги тянулся бесконечный ряд кипарисов, слева — побережье, усеянное камнями. Водитель яростно давил ногой на педаль газа «бьюика-оливетти ХХУ» и не собирался останавливаться перед каким-либо препятствием, одушевленным или нет. Тот факт, что старый автомобиль был не способен развить скорость больше тридцати одной мили в час, выводил Поллетти из себя.

Наконец он подъехал к участку побережья, огороженному забором из проволочной сетки. Над воротами красовалась надпись: «ПОКЛОННИКИ СОЛНЕЧНОГО ЗАКАТА». Появился служитель и открыл ворота с таким глубоким поклоном, что это выглядело насмешкой. Поллетти кивнул и въехал на участок.

Он затормозил перед небольшим домиком из готовых панелей. На берегу моря стояли трибуны, на которых собралось множество людей. Над морем, почти касаясь поверхности воды, висело огненно-красное солнце. Поллетти взглянул на часы. Шесть часов сорок две минуты. Он вошел в домик.

За столом сидел его компаньон Джино и что-то считал.

— Сколько на этот раз? — спросил Поллетти.

— Четырнадцать тысяч двести тридцать три посетителя, оплативших входные билеты, — ответил Джино. — И еще пять полицейских, двадцать три бойскаута и шесть племянниц Витторио — все по контрамаркам.

— Придется сказать Витторио, чтобы он сократил число племянниц, — решил Марчелло. — Я занима-

юсь этим делом не ради развлечения. — Он сел на складной стул. — Значит, всего четырнадцать тысяч? Этого едва хватит, чтобы заплатить за аренду трибун.

— Не то что в прежнее время, — согласился Джино. — Помню, когда...

— Ладно, неважно, — сказал Поллетти. — Ты проверил: ни у кого нет с собой оружия?

— Конечно, — кивнул Джино. — Мне совсем не хочется видеть, как тебя прикончат во время работы.

— Мне тоже, — пробормотал Поллетти, мрачно глядя вдаль.

Наступила непродолжительная неловкая пауза.

— Уже шесть часов сорок семь минут, Марчелло, — нарушил молчание Джино.

— Неужели? — язвительно отозвался Поллетти.

— Тебе скоро выходить. Осталось меньше пяти минут. Как ты себя чувствуешь?

Поллетти молча состроил зверскую гримасу.

— Знаю, знаю, — сказал Джино. — Ты всегда так чувствуешь себя перед выходом к аудитории. Но мы ведь можем легко справиться с этим настроением, правда? Проглоти вот это.

Он протянул Поллетти стакан воды и крошечную овальную красную таблетку. Это был лимниум, один из новых наркотиков, способных усиливать так называемый «фактор экспансивности» в человеческой психике.

— Мне он не нужен... — запротестовал Поллетти, однако проглотил таблетку и запил водой.

Затем, примирившись с судьбой, проглотил таблетку с пурпурно-белыми полосами Гнейя-Па — недавно созданный препарат для повышения обаяния, выпускаемый фабриками концерна «Фарбен». Далее последовали: маленький золотой шарик «дармаоида» — средство ограничения человеческого общения, производимого лабораториями Хайдарабада, затем тщательно рассчитанная по времени действия ампула «лакримола» в форме слезы и, наконец, капсула «гипербендикс» в виде фигурки волка — новейшее лекарство, повышающее психическую энергию.

— А теперь как ты себя чувствуешь? — спросил Джино.

— Как-нибудь справлюсь, — ответил Поллетти.

Он наморщил лоб и взглянул на часы. Принятые лекарства начали действовать. Он вскочил со стула и бросился к гримировальному столику в углу домика. Там он снял костюм и натянул белую пластиковую тогу, повесил на шею копию барельефа Солнца индейцев майя, сделанную из металла, имитирующего бронзу, и надел белый кудрявый парик.

— Как я выгляжу? — бодро спросил он.

— Великолепно, Марчелло. Ты выглядишь просто великолепно, — ответил Джино. — Откровенно говоря, ты еще никогда не выглядел так хорошо.

— Это ты серьезно?

— Клянусь всем, что мне дорого в жизни, — привычно произнес Джино и посмотрел на часы. — Осталось меньше минуты! Иди, Марчелло, и потряси всех!

— Мне кажется, сегодня я произведу настоящую сенсацию, — заметил Марчелло и величественной поступью двинулся к двери.

Джино смотрел ему вслед, чувствуя, как у него перехватывает горло. Он знал, что видит перед собой настоящего бойца; кроме того, его беспокоили болезненные спазмы, предвещающие расстройство желудка.

Поллетти торжественно шествовал к своей аудитории. Его взгляд был спокоен, шаги неторопливы. Слышались нежные звуки «O Sole Mio», дополняющие атмосферу ожидания.

Перед трибунами стояла красная кафедра. К ней и направился Поллетти. Поднявшись на нее и поудобнее приладив микрофон, Поллетти с пафосом произнес:

— Сегодня, на закате дня, так похожего и так не похожего на другие дни, в хрупкой ладье, мы, смертные, путешествуем по бурным водам вечности и думаем о будущем...

Слушатели, загипнотизированные его словами, склонили головы. И вдруг Поллетти увидел, что с первого ряда ему улыбается Кэролайн. Он смешался, несколько раз моргнул, но сразу оправился и продолжал:

— Эти последние лучи умирающего, но бесконечно возрождающегося солнца приходят к нам с расстояния

в сто сорок девять миллионов километров. О чем это говорит? Такое расстояние является божественным и непостижимым, неумолимым и одновременно иллюзорным, потому что разве можно предположить, что наш огненный отец не вернется к нам?

— Вернется, обязательно вернется! — послышался хор голосов.

Поллетти печально улыбнулся.

— А когда он вернется, встретим ли мы его здесь, чтобы наслаждаться его животворным великолепием?

— Кто может сказать? — мгновенно откликнулась аудитория.

— Действительно, кто? — спросил Поллетти. — И все-таки нас утешает мысль, что наш дорогой отец не умер; нет, сейчас он мчится по собственной орбите к Лос-Анджелесу.

Солнце тонуло в морских волнах. Слушатели на трибуне плакали. Только несколько человек, которые всегда встречаются в такой толпе, спорили о различных аспектах доктрины солнечного круговорота. Казалось, проповедь произвела сильное впечатление даже на Кэролайн. Произнося заключительную часть проповеди на греческом языке, Поллетти тоже пустил слезу.

Уже совсем стемнело. Под радостные возгласы и проклятия Поллетти спустился с кафедры.

В темноте его вдруг схватила чья-то рука. Это оказалась Кэролайн. Ее лицо было мокрым от слез.

— Марчелло, это было так прекрасно! — воскликнула она.

— Пожалуй, действительно неплохо, — ответил Поллетти, все еще заливаясь слезами, — если тебе нравятся солнечные закаты.

— А тебе не нравятся?

— Не то чтобы очень, — пожал плечами Поллетти. — Мне приходится этим заниматься, — ведь я проповедник.

— Но ты тоже плачешь! — воскликнула Кэролайн.

— Это реакция, вызванная медицинскими препаратами, — объяснил Поллетти и вытер глаза. — Скоро пройдет. В таком деле нужно переживать вместе с клиентами, а это непросто, если не испытываешь аналогичных чувств. Впрочем, это всего лишь бизнес.

— Ну и как бизнес в сфере солнечных закатов? — спросила Кэролайн.

— Так себе. Раньше было куда лучше, — ответил Поллетти. — Но теперь... — Он замолчал и посмотрел на нее. — А почему ты спрашиваешь? Это связано с интервью или всего лишь праздное любопытство?

— Пожалуй, и то и другое.

— Ты все еще хочешь провести свое исследование? — внезапно спросил Поллетти.

— Ну конечно, — отозвалась Кэролайн.

— Хорошо, я согласен, — ответил Поллетти. — За соответствующий гонорар, разумеется.

— Скажем, триста долларов, — предложила Кэролайн.

Поллетти недоуменно посмотрел на нее, повернулся и пошел к домику. Кэролайн последовала за ним.

— Пятьсот, — сказала она.

Поллетти продолжал идти. Кэролайн повысила цену до тысячи.

— Сколько времени на это потребуется?

— Час, от силы два.

— И когда?

— Завтра утром, в десять часов, в Колизее.

— Хорошо, — кивнул Поллетти. — По-моему, я свободен в это время. Но мне следовало бы получить аванс.

Удивленная, Кэролайн открыла сумочку, достала новенькую хрустящую банкноту в пятьсот долларов и вручила Поллетти. Тот снял парик, расстегнул замкомолнию в подкладке и сунул туда деньги.

— Спасибо. Увидимся позже. — И Поллетти спокойно вошел в домик.

Глава 15

Поллетти переоделся и минут десять сидел, рассматривая правый указательный палец. Раньше он никогда не замечал, что указательный палец у него гораздо длиннее безымянного. Подобная асимметрия в другое время просто позабавила бы его, но на этот раз вызвала раздражение. Раздражение привело к депрессии, и ему вдруг стали мерещиться гильотины, топоры с зазубренными краями, кривые ятаганы, бритвенные лезвия с пятнами крови...

Он резко потряс головой, взял себя в руки, проглотил солидную дозу инфрадекса — лекарства, предназначенного для смягчения последствий приема наркотиков. И через несколько секунд Поллетти превратился в прежнего унылого себя. Это привело его в равновесие, и он вышел из хижины почти спокойным.

И в темноте вдруг почувствовал, как что-то или кто-то коснулся его рукава. Молниеносно отреагировав, он стремительно обернулся, выполняя оборонительный маневр номер три, часть первую. Правой рукой он попытался выхватить из кобуры пистолет. Но в этот момент споткнулся о корень кипариса и так сильно грохнулся на землю, что порвал пиджак.

Вот и все, подумал Поллетти. Всего одно мгновение, потеря бдительности — и смерть, которую он ждал так долго, наступила так неожиданно! В этот ужасный момент, беспомощно распростершись на земле, Поллетти понял, что невозможно приготовиться к собственной

смерти. Смерть опытна и коварна, она застаёт людей неожиданно и лишает самообладания.

Оставалось только умереть с достоинством. Поллетти вытер губы и жалко улыбнулся.

— Боже мой, — раздался голос Кэролайн, — я совсем не хотела напугать тебя. Ты не ушибся?

— Ничто не пострадало, кроме чувства собственного достоинства, — произнес Поллетти, вставая и отряхиваясь. — Тебе не следует неожиданно наталкиваться на жертву — может убить.

— Ты прав, пожалуй, — согласилась Кэролайн. — Если бы ты выхватил пистолет и не упал... Какой ты неуклюжий.

— Лишь в тех случаях, когда теряю равновесие, — улыбнулся Поллетти. — А почему ты здесь околачиваешься, а?

— Я не хочу объяснять, — ответила Кэролайн.

— Понятно, — с циничной улыбкой заметил Поллетти.

— Нет, совсем не по той причине, о которой ты подумал.

— Разумеется, — еще циничнее улыбнулся он.

— Мне просто хотелось поговорить с тобой.

Поллетти кивнул и улыбнулся самым циничным образом, затем, поскольку ненавидел крайности в поведении, пожал плечами и равнодушно произнес:

— Хорошо, давай поговорим.

Они пошли рядом по пляжу вдоль кромки воды. Небо на востоке стало сине-черным. На западе угасающее солнце спускалось в стальные волны Тирренского моря. В темном небе уже кое-где вспыхнули звезды.

— Смотри, какие прелестные звезды, — сказала Кэролайн с непривычной застенчивостью. — Особенно вон та, маленькая и странная, слева.

— Это альфа Цефея, — пояснил Поллетти. — Вообще-то это двойная звезда, и основная звезда в связке принадлежит к типу В, что соответствует температуре поверхности порядка пятнадцати тысяч градусов.

— Я этого не знала, — сказала Кэролайн, садясь на влажный песок.

— А вот у маленького спутника альфы Цефея, — продолжал Поллетти, — температура поверхности всего шесть тысяч градусов, плюс-минус несколько градусов. — Он сел рядом с девушкой.

— Мне это кажется почему-то печальным, — заметила Кэролайн.

— Да, пожалуй, — согласился Поллетти.

Он испытывал какое-то странное чувство. Может быть, потому, что звезда, которую он так уверенно назвал альфой Цефея, была на самом деле бетой Персея, известной также под названием Алгол — звезды демонов, чье влияние осенью на людей с определенным темпераментом слишком хорошо известно.

— Звезды такие красивые, — задумчиво произнесла Кэролайн.

Подобное замечание Поллетти в другое время считал бы банальным, но сейчас оно показалось ему милым.

— Да, пожалуй, — согласился он. — Так приятно видеть их на небе каждую ночь... Послушай, мы пришли сюда не для того, чтобы беседовать о звездах. О чем ты хочешь поговорить со мной?

Кэролайн ответила не сразу. Она задумчиво смотрела на море. Длинная прядь светлых волос упала ей на щеку, смягчая точеные черты лица. Она мечтательно зачерпнула пригоршню песка, и тонкие песчаные струйки побежали между ее длинными пальцами. Законченный циник, Поллетти внезапно почувствовал какую-то странную боль, словно укол иглы, проникший в самую глубину его души. Почему-то вспомнились маленький домик с соломенной крышей в горах близ Перуджи и полная седая улыбающаяся женщина, стоящая у двери, вокруг которой вилась лоза, с глиняным кувшином в руке. Он видел мать только раз, на фотографии, которую прислал ему Витторио. Тогда это не произвело на него впечатления, но теперь...

Кэролайн повернулась к нему, и в ее огромных глазах отразился последний розовый отблеск умирающего солнца. Поллетти вздрогнул, несмотря на то что температура воздуха и воды была семьдесят восемь

градусов по Фаренгейту * и с юго-запада дул ласковый бриз со скоростью пять миль в час.

— Мне хочется узнать о тебе побольше, — произнесла Кэролайн.

Поллетти заставил себя рассмеяться.

— Обо мне? Я самый простой человек и прожил самую обычную жизнь.

— Расскажи о ней, — попросила Кэролайн.

— Мне нечего рассказывать, — ответил Поллетти.

И вдруг он заговорил о своем детстве и первом опыте в сексе и убийстве; о своей конфирмации; страстной любви к Лидии, поначалу безмятежной и счастливой, но превращенной женитьбой в невыносимую скуку; о том, как он встретил Ольгу и стал жить с ней, как узнал, что ее странное поведение вызвано врожденной неустойчивостью характера, а не страстной независимостью, но было уже слишком поздно.

Кэролайн сразу поняла, что жизненный опыт принес Поллетти горечь и разочарование. Те радости, которые в юности казались ему редкими и недостижимыми, став доступными, превратились в бесконечную вереницу безотрадных и отчаянно скучных повторений. И тогда, увидев изнанку радужных надежд, он забрался в скорлупу мрачных переживаний. Печально, подумала она, но не безнадежно.

— Вот и все, больше нечего рассказывать, — как-то неловко закончил Поллетти.

Лишь теперь он понял, что болтал, как чокнутый, как мальчишка. И тут же подумал, что это не имеет значения, что его не интересует мнение Кэролайн о нем.

Кэролайн молчала. Она повернула к нему лицо, такое таинственное в темноте, окруженное ореолом светлых волос. Ее черты, всегда казавшиеся классическими и холодными, сейчас были живыми и теплыми. Кэролайн поразительно красива, но в темноте она казалась еще более привлекательной.

* Около 25 °С.

Поллетти беспокойно пошевелился, вспомнив, что люди, утратившие иллюзии, часто легко поддаются зову романтики. Он закурил и сказал:

— Пошли отсюда. Может быть, сумеем найти местечко, где можно что-нибудь выпить.

Этой сухой прозаической фразой он хотел нарушить очарование вечера. Но этого не случилось, потому что Алгол все еще ярко сиял на южном небе.

— Марчелло, мне кажется, что я люблю тебя. — Голос Кэролайн был едва слышен в шуме прибора.

— Не говори глупостей, — буркнул Поллетти, стараясь казаться равнодушным и скрывая за грубостью волнение.

— Я люблю тебя, — повторила она.

— Не валяй дурака, — сказал Поллетти. — Эта сцена на берегу очень романтична, но давай не будем заходить слишком далеко.

— Значит, ты тоже любишь меня?

— Это не имеет значения, — ответил Поллетти. — В данную минуту я могу сказать что угодно и даже поверить этому, — но только на минуту. Кэролайн, любовь — это чудесная игра, которая начинается с веселья и счастья и заканчивается женитьбой.

— Разве это плохо?

— Судя по моему опыту, да, очень плохо, — отозвался Поллетти. — Семейная жизнь убивает любовь. Я никогда не женюсь на тебе, Кэролайн. Не только на тебе, а вообще. По-моему, весь институт брака является фарсом, пародией на человеческие отношения, злой шуткой с зеркалами, абсурдной ловушкой, в которую люди сами загоняют себя...

— Почему ты так много говоришь? — вдруг спросила Кэролайн.

— Я разговорчив по натуре, — ответил Поллетти. Внезапно ему захотелось обнять девушку. — Я так люблю тебя, Кэролайн, — сказал он. — Я обожаю тебя, несмотря на то что мой внутренний голос предостерегает меня от этого.

Он поцеловал ее, сначала нежно, затем страстно. И тут понял, что действительно любит ее; это удивило его, наполнило бесконечной радостью и глубокой печалью. Он знал, что любовь — это отклонение от нормы, одна

из форм временного безумия, непродолжительное состояние самовнушения.

Любовь представляет собой состояние, которого умные люди благоразумно стараются избегать. Но Поллетти никогда не считал себя особенно умным, да и благоразумие не относилось к числу его добродетелей. Он потакал себе во всех желаниях, что само по себе было своеобразной мудростью. По крайней мере, он так думал.

Глава 16

В Колизее царила глубокая ночь. Она, словно водоросли, льнула к древним камням. Ее благоговейная целостность нарушалась светом дуговых ламп, установленных в несколько рядов.

Внизу, на песке арены, впитавшем когда-то так много крови, полдюжины операторов хлопотали у своих кинокамер. Танцовщицы ансамбля «Рой Белл», расположившись на специально выстроенной сцене, отдыхали после репетиции и обсуждали животрепещущую проблему — как избежать сечения волос. Недалеко от них, в автобусе, набитом приборами и аппаратурой, сидел Мартин, в последний раз проверяя углы захвата съемочных камер. В этот новый командный пункт он перебрался из бального зала Борджиа. В зубах у Мартина была зажата тонкая черная сигарета. Время от времени он вытирал слезившиеся глаза.

Позади него у маленького столика сидел Чет. Он раскладывал пасьянс, что свидетельствовало о колоссальном нервном напряжении.

Коул сидел за спиной Чета. Свидетельством его колоссального нервного напряжения было то, что он беспокойно дремал в своем кресле. Внезапно он проснулся, потер глаза и спросил:

— Где она? Почему не поддерживает с нами связь?

— Успокойся, малыш, — произнес Мартин, не оборачиваясь.

Он уже в сотый раз проверял углы действия своих съемочных камер, и это свидетельствовало о нервном напряжении, ничуть не меньшем, чем у других, менее значительных людей.

— Но она уже давно должна была выйти на связь! — раздраженно сказал Коул. — Тебе не кажется...

— Мне ничего не кажется, — перебил его Мартин и велел камере номер три отодвинуться назад на полтора дюйма.

— Клади черную десятку на красного валета, — подсказал Чет Коул.

— Тебе не кажется, что не следует совать свой нос в мои дела? — заметил Чет ласково-зловеще.

— Успокойтесь, парни, — добродушно произнес Мартин.

Прирожденный руководитель, он инстинктивно чувствовал, когда следует ободрить подчиненных, а когда осадить. Спокойным голосом он распорядился наклонить камеру один на полтора градуса.

— Но ведь она должна была уже выйти на связь! — повторил Коул. — Она не докладывала о развитии событий с момента приезда на пляж поклонников солнечного заката. С тех пор прошло шесть или семь часов! Она не отвечает на вызовы. Что угодно могло с ней произойти, поверьте мне, что угодно! Вам не кажется...

— Возьми себя в руки, — холодно скомандовал Мартин.

— Извините, — пробормотал Коул, поднося дрожащие руки к бледному лицу и потирая глаза. — Это все из-за напряжения, ожидания... Со мной будет все в порядке. Я сразу приду в себя, как только начнется работа.

— Разумеется, малыш, — согласился Мартин, — на всех нас влияет ожидание, — и рявкнул в микрофон: — Прекратите наклон, камера один, и поднимитесь ровно на полдюйма! И, черт побери, двигайтесь медленно!

— Красная двойка на черную тройку, — подсказал Коул Чет.

Чет не ответил. Он уже принял решение убить Коула сразу после того, как добьется увольнения Мартина. Кроме того, он решил убить мистера Фортинбраса и Кэролайн, а также своего шурина в Канзас-Сити, который без конца изводил его: «Ну, как дела у создателя образов?». Кроме того, он решил...

Дверь автобуса открылась, и вошла Кэролайн.

— Здравствуйте, парни! — произнесла она приветливо.

— Здорово, малышка! — небрежно отозвался Мартин. — Как дела?

— Все прошло гладко, — ответила Кэролайн. — Я сразу раскусила его, поговорила с ним, и он согласился на телевизионное интервью утром.

— И никаких трудностей? — равнодушно поинтересовался Чет.

— Никаких. Он согласился почти без уговоров, с самого начала все шло по-деловому. Аванс — пятьсот долларов и пятьсот долларов утром перед началом съемки.

— Отлично, просто великолепно, — обрадовался Мартин. — Но чем ты занималась после этого? Я хочу сказать, что прошло пять часов с момента, когда ты должна была выйти на связь, и мы, вполне естественно, беспокоились о тебе.

— Дело было так, — начала Кэролайн. — Я уже собиралась уходить, но решила познакомиться с ним поближе, поэтому и вернулась. Мы выпили по коктейлю, затем пошли на прелестный маленький пляж, сидели, разговаривали и смотрели на звезды.

— Очень хорошо, — улыбнулся Мартин. Угол его левого глаза начал подергиваться в нервном тике. — Какое у тебя создалось о нем впечатление после близкого знакомства, а?

— Он чудесный человек, — произнесла Кэролайн с мечтательным выражением на лице. — Видишь ли, он пытался расторгнуть свой брак в течение двенадцати лет, а тем временем жил с этой безумной Ольгой, а теперь, когда брак расторгнут, он не хочет жениться на Ольге.

— Очень интересно, — сказал Мартин.

— Между прочим, он не хочет больше ни с кем вступать в брак, — сообщила Кэролайн, — даже со мной.

Чет выпрямился так внезапно, что рассыпал карты.

— Что ты сказала? — спросил он.

— Я сказала, что это похоже на любовь, — ответила Кэролайн.

— Что значит «любовь»? — произнес Чет. — В твоём контракте четко и ясно сказано, что тебе запре-

щается влюбляться в кого бы то ни было во время подготовки и осуществления твоего десятого убийства. Более того, там особо оговорено, что тебе запрещается влюбляться в свою жертву.

— Любовь, — спокойно заметила Кэролайн, — существовала задолго до появления контрактов.

— Зато контракты, — вмешался Мартин, не скрывая ярости, — обладают гораздо большей юридической силой, чем любовь. А теперь послушай, бэби, ведь ты не собираешься подвести нас, правда?

— Нет, наверное, — покачала головой Кэролайн. — Он сказал, что тоже любит меня... Но, если он не собирается на мне жениться, ему лучше умереть.

— Вот что значит сила воли! — одобрительно отозвался Мартин. — Только никогда больше не забывай об этом, ладно?

— Не забуду, можешь не беспокоиться, — холодно бросила Кэролайн. — Но тебе не кажется...

— Мне ничего не кажется, — сказал Мартин. — Послушай, давай немного поспим, чтобы к утру быть свежими и отдохнувшими. Согласна? Вот и хорошо.

Никто не возражал. Мартин отдал распоряжения, и дуговые лампы медленно погасли. Операторы и танцовщицы уехали. Мартин, Чет, Коул и Кэролайн разместились в «роудраннере XXV», взятом Мартином напрокат, и отправились в отель.

Черная непроницаемая ночь нависла над Колизеем. Мрак пронизывали только редкие лучи рогатой луны, приближавшейся к полнолунию, которые проникали сквозь облака. Из древних камней сочилась тишина, и ощущение неминуемой смерти окутывало арену, которое будто поднималось от песка, давным-давно пропитанного кровью гладиаторов.

Из сводчатого прохода вышел Поллетти. Его лицо было суровым. Следом шел Джино.

— Ну? — спросил Поллетти.

— Все ясно, — ответил Джино. — Она — твой охотник. В этом нет сомнений.

— Разумеется. Я убедился в этом, когда она шла за мной к морю. Убийство перед телевизионными камерами!.. Какая реклама! Очень по-американски.

— Я слышал, что так поступают теперь и в Милане, — заметил Джино. — И, конечно, немецкие охотники, особенно в Руре...

— Знаешь, что она сказала мне сегодня? — спросил Поллетти. — Она сказала, что любит меня. А сама все время думала о моем убийстве.

— Женское вероломство общеизвестно, — сказал Джино. — А что ты сказал ей?

— Я ответил, что тоже люблю ее, — ответил Поллетти.

— А ты случайно не любишь ее на самом деле?
Поллетти задумался.

— Тебе это может показаться странным, но она действительно очень мила. Хорошо воспитанная девушка, очень застенчивая.

— Она убила девять человек, — напомнил ему Джино.

— Стоит ли винить ее в этом? Такие нынче времена.

— Может быть, ты и прав, — согласился Джино. — Но что ты собираешься предпринять, Марчелло?

— Попробую осуществить контрубийство, в точности, как запланировал, — ответил Поллетти. — Интересно, удалось ли Витторио организовать рекламу?

— У него было очень мало времени, — покачал головой Джино.

— Ничего не поделаешь. Думаю, он сумеет отыскать одного-двух спонсоров.

— Да, ему, наверное, что-то все-таки удастся сделать, — согласился Джино. — Но, послушай, Марчелло, а вдруг она догадается, что тебе все известно? Ее поддерживает крупная организация, богатая и могущественная... Может быть, стоит убить ее при первой возможности и не рисковать?

Поллетти достал из кармана пиджака револьвер, проверил патроны и сунул обратно.

— Не беспокойся, — сказал он. — Завтра в девять утра она придет ко мне для репетиции. Как ты думаешь, она подозревает меня?

— Не знаю, — пожал плечами Джино. — Мне известно лишь одно: женское вероломство безмерно.

— Ты уже говорил это. Но мужское вероломство ничуть не уступает женскому. Все будет именно так, как я запланировал. Очень жаль, что она такая милая.

— Женская прелесть, — заявил Джино, — как раз скрывает за собой вероломство.

— Пожалуй, — кивнул Поллетти. — Как бы то ни было, я возвращусь. Мне нужно выспаться. А ты позаботься, чтобы Витторио ничего не напутал с подготовкой.

— Ладно, — ответил Джино. — Спокойной ночи, Марчелло, — и желаю удачи.

— Спокойной ночи, — ответил Марчелло.

Они расстались. Марчелло сел в машину и поехал обратно на пляж, а Джино направился к ближайшему ночному кафе.

Наконец Колизей опустел. Луна скрылась за облаками, стало совсем темно. Спустился белый туман, и на песчаной арене, казалось, появились призрачные тени, души погибших гладиаторов. Над пустыми трибунами носился ветер. В его порывах слышались приглушенные голоса: «Убей его!»...

Наконец сквозь неясный мрак на востоке стал проступать утренний свет.

Начался новый неведомый день.

Глава 17

Марчелло крепко спал в сборном домике. Он не услышал, как дверь медленно, с тихим скрипом, приоткрылась. Не увидел он и длинный, странной формы ствол, просунувшийся в приоткрытую щель и направленный ему в лицо. Послышалось шипение, из дула вырвалась едва видимая струя газа, — и сон Поллетти стал еще глубже.

Прошло несколько секунд, и в домик вошла Кэролайн. Она коснулась плеча Поллетти, потом потрясла его. Поллетти продолжал спать. Кэролайн подошла к открытой двери и сделала кому-то знак, после чего вернулась к кровати и села рядом со спящим.

Вдруг домик начал раскачиваться, словно утратил под собой опору и повис в воздухе. Он резко наклонился в сторону, и Кэролайн пришлось придержать Поллетти, чтобы тот не упал на пол. Через несколько секунд тряска прекратилась.

Поллетти продолжал спать. Кэролайн приоткрыла дверь и выглянула. Мимо проносились улицы Рима. Она бы удивилась, если бы не знала, что домик, вместе с ней и Поллетти, стоит в кузове грузовика, который Мартин ведет к Колизею. Часы показывали восемь часов сорок шесть минут.

Спустя полчаса Поллетти зашевелился, протер глаза и сел.

— Сколько времени? — спросил он у Кэролайн.

— Двадцать две минуты десятого, — ответила она.

— Боюсь, что я проспал.

— Это не имеет значения.

— Но у нас еще есть время для подготовки? — спросил Поллетти.

— Думаю, мы справимся и без нее, — сообщила Кэролайн.

Ее лицо было непроницаемым, и говорила она спокойно, без всяких эмоций. Отвернувшись от собеседника, она достала крошечный туалетный прибор и занялась своей внешностью. Поллетти зевнул и протянул руку к телефону. И вдруг увидел, что провода перерезаны. Кэролайн следила за ним в зеркальце пудреницы. Поллетти потянулся, стараясь казаться совершенно спокойным, и достал из кармана пиджака, висевшего на спинке стула, сигареты и спички. При этом он незаметно провел рукой по нагрудному карману. Револьвера на месте не было.

Закурив, Поллетти ласково улыбнулся Кэролайн. Не получив ответа, он улегся на кровать и глубоко затаился. Потом он опустил руку и нашел на полу свою маленькую электронную обезьянку. Какое-то время он машинально гладил ее, размышляя, затем быстро встал, надел брюки и спортивную рубашку, снова лег на кровать и взял на руки обезьянку.

Кэролайн так и не повернулась к нему. Она следила за его движениями в зеркальце.

Поллетти вытянулся на кровати.

— Знаешь, о чем я сейчас думаю? — спросил он. — Мне пришла в голову мысль: почему бы нам с тобой не поехать куда-нибудь? Только ты и я. Мы могли бы отлично жить вдвоем, Кэролайн. Могли бы даже пожениться, если бы ты захотела.

Кэролайн захлопнула пудреницу и повернулась. Она держала палец на замочке пудреницы, словно на спусковом крючке. Это несомненно пистолет, подумал Поллетти. Сейчас трудно найти что-нибудь не являющееся пистолетом.

— Тебе не интересно мое предложение? — спросил он.

— Я не в восторге от твоей лжи, — ответила Кэролайн.

Поллетти кивнул, продолжая играть с обезьянкой.

— Да, — согласился он, — я слишком часто лгал в жизни. И не потому, что любил обманывать, уверяю тебя, просто этого требовали обстоятельства. Но с тобой, Кэролайн, я хочу быть честным. Я могу говорить правду, все еще могу. Может быть, мне даже удастся доказать свою искренность.

Кэролайн покачала головой.

— Слишком поздно.

— Отнюдь нет, — возразил Поллетти. — У меня есть друзья, готовые поручиться за меня. Например, — он показал электронную обезьянку, — ты еще не познакомилась с Томмасо?

— Это именно тот свидетель, который может поручиться за тебя? — спросила Кэролайн.

— Томмасо — очень искренний маленький зверь, — сказал Поллетти.

Он поставил обезьянку на пол. Электронный зверек тут же попытался вскарабкаться по ее ноге.

— Твой Томмасо не интересует меня.

— Ты несправедлива к нему. Посмотри, какой он ласковый. Мне кажется, ты ему нравишься. Томмасо очень разборчив в выборе друзей.

Кэролайн улыбнулась, подняла обезьянку и посадила себе на колени.

— Погладь его, — попросил Поллетти. — И потрогай за нос. Ему это очень приятно.

Кэролайн погладила электронного зверька и осторожно тронула его носик.

Внезапно животное перестало двигаться. В следующее мгновение на его груди открылась панель, за которой скрывалось дуло крупнокалиберного револьвера.

— Ты знал об этом? — спросила Кэролайн.

— Конечно, — улыбнулся Поллетти. — Я знаю и еще кое-что: ты мой охотник.

Кэролайн застыла и, не мигая, уставилась на Поллетти.

— Это доказательство моей искренности. То, что я показал тебе, где спрятан револьвер, доказывает, что я честен с тобой... что я не хочу убивать тебя.

Кэролайн закусил губу и крепко стиснула револьвер внутри электронной обезьянки.

В это мгновение стены домика затряслись, отделились от пола и стали подниматься вверх. Кэролайн даже не пожелала взглянуть на необычное зрелище. Ее пристальный взгляд был по-прежнему устремлен на Поллетти. А тот с нескрываемым интересом следил, как стены взмывают в воздух, и за ними открывается вид на древние развалины.

— Это потрясающе, Кэролайн, — произнес он. — Просто здорово.

Верхняя часть домика взлетела куда-то вверх. Подняв голову, Поллетти увидел, что стены на прочном тросе «найлорекс», уносит в небо вертолет, окрашенный в красный, белый и светло-коричневый цвета компании «Телеплекс Ампуорк».

Операторы в бейсбольных шапочках нацелили на Марчелло свои камеры, над головой повисли микрофоны, словно связка бананов. Танцовщицы «Рой Белл» получили команду приготовиться. Красные огоньки аппаратуры мигали, словно злобные глаза циклопов. Раздавался голос Мартина, отдававшего распоряжения на таком техническом жаргоне, что один Чет понимал его и переводил тем, кому они были адресованы.

Поллетти восторженно наблюдал за этим зрелищем, не веря своим глазам. Он повернулся к Кэролайн и легкомысленно поинтересовался:

— Мне не следует сказать несколько слов в микрофон?

Кэролайн мрачно взглянула на него. Ее глаза были похожи на молочное вулканическое стекло.

— Тебе следует лишь умереть!

Револьвер в ее руке был направлен прямо на Поллетти. Это был тот самый револьвер, который Кэролайн вытащила из кармана пиджака Поллетти, пока он спал.

Оркестр, — а для такого случая был специально приглашен Загребский филармонический оркестр, — заиграл зловещий пасодобль. Танцовщицы прекратили дискуссию о лаке для волос и отчаянном танце. Камеры двигались вперед и назад на длинных операторских кранах, похожие на гигантских жуков-богомолов.

Последовала новая команда. Из-за полуразрушенной арки служитель выкатил маленький столик на колесах, на котором стояли чайник и чашка. То и другое выгля-

дело самым обыкновенным, кроме искусственного пара, поднимающегося из чашки. У арены служитель столкнулся со стройной, темноволосой, элегантной молодой женщиной, изящно, хотя и чуть броско, одетой, с большими черными глазами, светившимися, как у волка, внезапно освещенного ярким фонарем в темноте.

— Типичный параноидальный шизофреник, одержимый манией убийства, с едва уловимыми кошачьими манерами, — пробормотал служитель.

Этой женщиной была Ольга. Диагноз, поставленный Ольге служителем, был удивительно точен.

— Чай! — воскликнул Поллетти, когда служитель подкатил к нему столик. — Мне что, нужно его выпить?

— Это она будет его пить, — прошептал служитель. — А ты стой рядом, постарайся умереть, как подобает, и не умничай.

Он повернулся и ушел; служитель был большим профессионалом в своей области и не выносил легкомысленных шуток.

«Потрясающий чай дяди Минга! — раздался громогласный голос диктора с другой стороны Колизея. — Дамы и господа! Потрясающий чай дяди Минга является единственным чаем, который обожает вас, и готов вступить с вами в брак, и воспитывать маленькие пакетики чая, — если дядя Минг согласится».

Поллетти рассмеялся. Он не слышал этой рекламы, которая в прошлом году завоевала тройной золотой приз рекламного совета за благопристойность, вкус, остроумие, оригинальность и массу прочих достоинств.

— Что так развеселило тебя, Марчелло? — прошептала Кэролайн, словно гадюка с Центрального Борнео.

— Здесь все так забавно, — ответил Поллетти. — Я говорю, что люблю тебя, что хочу на тебе жениться, а ты собираешься меня убить. Неужели тебе это не кажется смешным?

— Кажется, — кивнула Кэролайн, — если ты не обманываешь.

— Нет, конечно, — произнес Поллетти, — но пусть это тебе не мешает.

«...И вот из глубин своей мучительной, безнадежной любви потрясающий чай дяди Минга взывает к вам: "Пей меня, мистер Потребитель, пей меня, пей меня,

пей меня!"» — закончил диктор. Он замолчал, стало тихо, через несколько секунд раздались записанные на пленку неуверенные хлопки, и наконец разразилась единодушная овация, также записанная на пленку.

— Две горсти до приводнения! — объявил Мартин.

— Осталось десять секунд, — перевел Чет. — Девять, восемь, семь...

Кэролайн застыла как изваяние, и только едва заметное дрожание руки, сжимавшей оружие, выдавало ее волнение.

...Шесть, пять, четыре...

Поллетти стоял, спокойно улыбаясь, словно находил забавным то, что по непонятным причинам оказался главным действующим лицом чужой человеческой драмы. Его лицо выражало одновременно не свойственное ему терпение и врожденное достоинство, несмотря на то что застрявший в зубах кусочек телятины ужасно действовал ему на нервы.

...Три, два, один. Огонь!

Кэролайн вздрогнула всем телом и медленно, словно сомнабула, подняла револьвер. Дуло смотрело прямо в лоб Поллетти. Палец Кэролайн застыл на спусковом крючке.

— Приводнение! Приводнение! — завопил Мартин.

— Огонь! Огонь! — закричал Чет.

— Осуществить немедленно! — взревел Мартин.

— Стреляй сейчас же! — подхватил Чет.

Но ничего не изменилось. Напряжение, царившее на арене, не поддавалось описанию. Впечатлительный молодой Коул упал в обморок; у Чета вдруг схватило судорогой бицепс, трицепс и боковой разгибатель правой руки; даже Мартин, закаленный профессионал, почувствовал резкую боль в горле, что было признаком начала жестокой изжоги.

Ждали режиссеры и операторы, танцовщицы ансамбля «Рой Белл» и музыканты Загребского филармонического оркестра; ждала и огромная телевизионная аудитория во всем мире, кроме тех неисправимых, кто отправился на кухню за банкой пива. Ждал Поллетти, а растерянная Кэролайн обнаружила, что ждет своих собственных действий.

Трудно сказать, как долго продлилась бы эта сцена, если бы внезапно в ситуацию не вмешался неожиданный элемент. Из-под арки выбежала Ольга, пробралась сквозь толпу обеспокоенных киношников, вспрыгнула на пол домика и выхватила у Кэролайн револьвер.

— Итак, Марчелло, — сказала она, — я снова стала тебя с другой женщиной!

Ответить на это безумное обвинение было нечего, к тому же в нем, — как это часто бывает у душевнобольных, — была доля правды.

— Ольга! — воскликнул Поллетти, не зная, что сказать.

— Я двенадцать лет ждала! — взвизгнула Ольга. — А ты так поступаешь со мной! — И она направила дуло револьвера прямо ему в лоб.

— Пожалуйста, Ольга, не стреляй! — взмолился Поллетти. — Ты пожалеешь, если выстрелишь. Давай поговорим спокойно.

— Я уже говорила сегодня — с Лидией! — заявила Ольга. — Твоя бывшая жена призналась, что документы о разводе оформлены — не сегодня, не вчера, а три дня назад!

— Да знаю я, знаю, — ответил Поллетти. — Но позволь мне объяснить...

— Потом объяснишь! — воскликнула Ольга и нажала на спусковой крючок.

Грохнул револьверный выстрел. Ольга замерла, потом покачнулась, поднесла слабеющую руку к груди, недоумевающе посмотрела на окровавленные пальцы, — упала на землю и замерла, как птеродактиль за стеклом музея.

— Это трудно будет объяснить, — пробормотал Поллетти.

Кэролайн села на кровать и схватилась руками за голову. Коул пришел в себя и с гордостью подумал: «Смотри-ка, я и впрямь потерял сознание». Чет запустил в эфир программу «Величайшее телешоу 1999 года» с участием Ле Мар де Вилля, Роджера и Лэсси.

К домику подошел Мартин и все понял с первого взгляда.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Откуда-то взялся полицейский, который не сумел разобраться в происшедшем с первого взгляда, и спросил:

— Кто здесь охотник?

— Я, — сказала Кэролайн и, не поднимая головы, протянула свое удостоверение.

— А жертва?

— Я, — ответил Поллетти, также протягивая свое удостоверение.

— Значит, эта мертвая женщина не имеет отношения к Охоте?

— Не имеет, — подтвердил Поллетти.

— В таком случае почему вы убили ее?

— Я? Я никого не убивал, — возразил Поллетти. Он наклонился и поднял револьвер. — Смотрите! — Он показал полицейскому небольшое отверстие под курком.

— Ну и что?

— Это отверстие и есть настоящее дуло револьвера, — объяснил Поллетти. — Револьвер стреляет не вперед, а назад, понимаете? Это мое изобретение. Я сам сконструировал эту штуку.

Кэролайн вскочила. Ее глаза метали молнии.

— Ах ты скотина! — воскликнула она. — Ты подстроил, чтобы я забрала револьвер из твоего пиджака! Ты подбросил его мне, чтобы я убила себя!

— Только в том случае, если бы ты попыталась убить меня, — напомнил Поллетти.

— Болтун! — выкрикнула Кэролайн. — Да разве я могу верить тому, что ты говорил мне?

— Давай обсудим это позже, — предложил Поллетти. — Милая, все это легко объяснить...

— Сначала вы объясните все мне, — прервал его полицейский, — а потом будете оскорблять эту молодую леди. — Он галантно улыбнулся Кэролайн, взглянувшей на него с раздражением. — Но сначала я сообщу о происшедшем в участок. — Он отстегнул от пояса портативную рацию. — А потом выслушаю ваши объяснения.

Но ему так и не удалось осуществить свои намерения, поскольку началось светопрествление, и полицейско-

му пришлось приложить все усилия, чтобы сохранить хотя бы видимость порядка.

Первыми в Колизей прорвались туристы, сломив сопротивление охраны. Они были настроены решительно и во что бы то ни стало желали увидеть, что происходит, и сделать снимки на память. Следом откуда ни возьмись появились несколько десятков адвокатов и сразу стали угрожать судебным преследованием Поллетти, Кэролайн, компании «Телеплекс Ампуорк», Мартину, Чету, танцовщицам ансамбля «Рой Белл», Коулу, римской полиции и всем остальным участникам события. Наконец прибыли шесть представителей «Хант Интернэшнл» — компании, организовывающей Охоту. Они потребовали немедленного ареста Кэролайн и Поллетти, обвиняя их в незаконном отказе от убийства.

— Ну хорошо, хорошо, — бормотал полицейский, окончательно сбитый с толку. — Сначала самое важное. Я арестую так называемого охотника и так называемую жертву. Где они?

— Они были здесь всего пару секунд назад, — произнес Коул. — А вы знаете, я действительно потерял сознание.

— Но где они сейчас? — спросил полицейский. — Почему никто не следил за ними? Быстро перекрыть все выходы! Они не могли далеко уйти!

— А почему они не могли далеко уйти? — поинтересовался Коул.

— Не путайте меня! — рявкнул полицейский. — Скоро выясним, далеко ли они убежали.

И скоро — но не очень скоро — он это выяснил.

Глава 18

Управляемый умелыми руками Кэролайн маленький вертолет, до этого незаметно стоявший в углу огромной арены Колизея, рядом с аркой Траяна, летел высоко над Римом. Желто-серый овал Колизея остался позади. Узкие извилистые улицы Вечного города уступили место пригородам, затем внизу показались деревни. Наконец и они остались позади.

— Ты великолепна! — заявил Поллетти. — Скажи, ты задумала все это с самого начала, верно?

— Разумеется, — ответила Кэролайн. — Это показалось мне разумной предосторожностью на случай, если ты действительно говорил правду.

— Милая, ты не представляешь, как я тобой восхищен! — воскликнул Поллетти. — Ты спасла нас обоих от смерти и суда, и теперь мы летим в великолепном воздушном пространстве к девственной природе, где нет электрических бритв и холодильников...

Он посмотрел вниз и увидел, что вертолет начинает снижаться над унылой, пустынной местностью.

— Скажи, мое сокровище, нас еще что-то ожидает? — спросил Поллетти.

Кэролайн весело кивнула и умело посадила вертолет на полянку у подножья горы.

— Главным образом вот это. — Она обняла Поллетти и поцеловала его с энтузиазмом и страстью, которыми отличались многие ее поступки.

— М-м-м, — пробормотал Поллетти. Внезапно он поднял голову и прислушался. — Странно...

— Что странно? — спросила Кэролайн.

— Должно быть, слышалось... Как будто звон церковных колоколов.

Кэролайн отвела взгляд в сторону с забавным намеком на кокетство, характерным даже для самых простых ее жестов.

— Да, звон колоколов! — воскликнул Поллетти. — Вот, снова!

— Пошли посмотрим, — предложила Кэролайн.

Они выбрались из вертолета и, держась за руки, обогнули выступающую скалу. Ярдах в двадцати под нависающим гранитным утесом стояла маленькая церковка. В дверях церкви виднелась черная фигура священника. Он улыбнулся и приветливо махнул рукой.

— Как интересно! — Кэролайн потянула Поллетти за руку.

— Очаровательно, потрясающе, необычно, — отзывался Поллетти. В его голосе было меньше энтузиазма, чем раньше. — Да, интересно, — добавил он более уверенным тоном, — но вряд ли заслуживает доверия.

— Пошли-пошли, — сказала Кэролайн.

Они вошли в церковь и приблизились к алтарю. Девушка встала перед священником на колени, после недолгого колебания Поллетти последовал ее примеру. Откуда-то слышалась органная музыка. Священник просиял и начал церемонию.

— Согласна ли ты, Кэролайн, взять этого мужчину, Марчелло, себе в мужа?

— Да, — пылко ответила Кэролайн.

— А ты, Марчелло, согласен взять эту женщину, Кэролайн, себе в жены?

— Нет, — убежденно отзывался Поллетти.

Священник опустил Библию. Поллетти увидел, что он заложил нужную страницу дулом автоматического кольта сорок пятого калибра.

— Согласен ли ты, Марчелло, взять эту женщину, Кэролайн, себе в жены? — повторил святой отец.

— Да... пожалуй, — ответил Поллетти. — Я хотел лишь подождать несколько дней, чтобы на церемонии могли присутствовать мои родители.

— Мы еще раз устроим венчание для твоих родителей, — заявила Кэролайн.

— *Ego conjugo vos in matrimonio...** — начал священник.

Кэролайн быстро подала Поллетти кольцо, и они обменялись кольцами в классической старинной церемонии, которая всегда казалась Поллетти такой трогательной.

За стеной стонал и жаловался ветер пустыни; Поллетти молчал и улыбался.

* Соединяю вас в браке... (лат.).

**КОРПОРАЦИЯ
„БЕССМЕРТИЕ,,**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Уже потом Томас Блейн, размышляя о своей смерти, жалел, что она не была более эффектной. Почему он не погиб под сокрушительным натиском тайфуна, или в схватке с тигром, или карабкаясь по отвесному горному склону, овеваемому ледяными ветрами? Почему на его долю выпала такая пресная, банальная, бесславная смерть?

И тут же он понял, что любая необычная, любая неординарная смерть не соответствовала бы его характеру. Нет никаких сомнений в том, что ему было суждено умереть быстрой, заурядной, кровавой и безболезненной смертью — в точности так, как это и произошло. Должно быть, его конец был сформирован и предопределен всей предшествующей жизнью — смутные детские ощущения стали более ясными в молодости и превратились в абсолютную уверенность к тридцати двум годам.

И все-таки какой бы банальной ни была смерть, она остается самым интересным событием в жизни человека. Блейн думал об этом со страстным любопытством. Ему так хотелось побольше узнать о тех минутах, о тех последних драгоценных секундах, когда смерть поджидала его на темном шоссе в Нью-Джерси. А не упустил ли он какой-то знак, предзнаменование? Что сделал — или не сделал? О чем думал?

Эти последние секунды были так важны для него. Как же все-таки он погиб?

Блейн ехал по прямому пустынному шоссе, свет фар высвечивал перед ним белый коридор, а темнота все

отступала и отступала. Стрелка спидометра указывала семьдесят пять миль в час. Странно. Ему казалось, что скорость не превышает сорока. Где-то очень далеко мелькнул свет фар встречного автомобиля, первого за несколько часов...

Блейн возвращался в Нью-Йорк после недельного отпуска, проведенного в загородном коттедже на берегу Чесапикского залива. Там он ловил рыбу, купался и дремал под солнечными лучами на неотесанных досках причала. Как-то раз он отправился на своей парусной лодке в Оксфорд и остался танцевать в яхт-клубе до ночи. Там он встретил какую-то глупую девчонку со вздернутым носом, одетую в синее платье, которая сказала ему, что он похож на искателя приключений из южных морей — такой же загорелый и высокий. На следующее утро Блейн вернулся обратно в свой коттедж. Там он снова нежился на солнце и думал о том, как хорошо было бы бросить все, нагрузить парусную лодку запасом пресной воды, консервами и отправиться на Таити. О, Раиатеа, горы Мурее, свежие пассаты...

Однако между ним и Таити лежал целый континент, океан и масса других препятствий. Мечты о далеких островах захватили его только на час, и никаких действий он уж точно не собирался предпринимать. И теперь Блейн возвращался в Нью-Йорк, чтобы снова заняться проектированием яхт в знаменитой старой фирме «Мэттисон и Питерс», где работал младшим дизайнером.

...Свет фар встречного автомобиля приближался. Блейн сбавил скорость до шестидесяти миль...

Несмотря на то что он считался дизайнером, Блейну почти не приходилось заниматься проектированием. Обычными крейсерскими яхтами занимался старый Том Мэттисон, а его брат Рольф, талантливый специалист по прозвищу «Волшебник морских парусов», создал себе международную известность, проектируя океанские гоночные яхты и стремительные парусные суда, конструкции которых никогда не повторялись. И что оставалось на долю младшего дизайнера?

Блейну приходилось заниматься чертежами, палубными планами, а также рекламой и публикацией объявлений. Такая работа тоже была важной и приносила

некоторое удовлетворение, но все же не могла сравниться с проектированием.

Он понимал, что следует создать собственное дело, однако дизайнеров было так много, а спрос на яхты так невелик. Однажды он сказал Лауре, что это все равно что создавать арбалеты и катапульты: работа интересная, творческая, — но кто все это будет покупать?

— Ты мог бы найти покупателей для своих яхт, — заявила девушка с резкой прямоотой. — Почему бы не попытаться?

На лице Блейна появилась обаятельная мальчишеская улыбка.

— Я не человек действия. Моей сильной стороной являются размышления — и последующие сожаления.

— Короче говоря, ты просто ленив.

— Отнюдь нет. Это все равно что говорить, будто ястреб не умеет как следует скакать галопом, а лошадь плохо летает. Нельзя сравнивать разные вещи. У меня отсутствует предприимчивость. Мечты, размышления, замыслы и планы, возникающие в моем уме, — вот мой талант. Их осуществление я отдаю другим.

— Не люблю, когда ты так говоришь, — вздохнула девушка.

Вообще-то Блейн и впрямь преувеличивал, но суть от этого не менялась. У него хорошая работа, приличное жалованье, положение в обществе. Он имел удобную квартиру в Гринвич Виллидж с отличной стереосистемой и массой пластинок. Ему принадлежал небольшой коттедж у Чесапикского залива, автомобиль, парусная лодка, а также привязанность Лауры... и нескольких других девушек. Может быть, как выразилась Лаура, повторив эту избитую фразу, он действительно попал в водоворот, тогда как главное в жизни проходит мимо... Ну и что? Из плавного медленного водоворота интереснее наблюдать за тем, что тебя окружает...

Ослепительные фары встречного автомобиля были уже близко. С изумлением Блейн заметил, что незаметно для себя увеличил скорость до восьмидесяти миль в час, и отпустил педаль газа. И тут его автомобиль неожиданно резко повернул навстречу приближающимся фарам.

Что случилось? Лопнула шина? Или вышло из строя рулевое управление? Он резко повернул руль, вернее, попытался повернуть. Руль не поворачивался, словно его заклинило. Колеса автомобиля наткнулись на бетонный разделительный бордюр между северной и южной полосами шоссе, и машина подпрыгнула высоко в воздух. Руль под руками Блейна свободно повернулся, и двигатель заревел, работая вразнос.

Автомобиль, несущийся навстречу, попытался отвернуть, но было поздно. Сейчас они столкнутся лоб в лоб.

«Да, — промелькнула мысль в голове Блейна, — я — один из них, один из этих глупых кретинов, о которых пишут в газетах, чьи автомобили теряют управление и убивают невинных людей. Боже милосердный! Современные автомобили, современные дороги, высокие скорости — и все те же замедленные рефлексy...»

Внезапно, по какой-то необъяснимой причине, руль снова заработал — спасение, избавление от смерти в последнюю долю секунды. Но Блейн не обратил на это внимания. В то мгновение, когда ослепительный свет фар встречного автомобиля ударил ему в ветровое стекло, его отчаяние внезапно сменилось ликованием. Он жаждал столкновения, стремился к нему, приветствовал боль, разрушение, мучение и смерть.

И тут два автомобиля врезались друг в друга. Чувство эйфории исчезло с той же молниеносной быстротой, как и появилось. Блейна охватило острое сожаление о том, что не успел сделать, о морях, по которым ему так и не довелось проплыть, о фильмах, которые он уже не увидит, о книгах, оставшихся непрочитанными, о девушках, которых он никогда больше не обнимет. Машины столкнулись, его бросило вперед, и руль сломался у него в руках. Колонка руля пронзила грудь, сломала позвоночник, а голова пробила триплекс ветрового стекла.

В это самое мгновение он понял, что умирает.

Еще миг — и наступила смерть, заурядная, нелепая и безболезненная.

Глава 2

Он очнулся на белой кровати в белой комнате.

— Смотрите, он пришел в себя, — слышался чей-то голос.

Блейн открыл глаза. Над кроватью склонились над ним двое мужчин в белых халатах — по-видимому, врачи. Один — бородатый маленький старик, другой — мужчина лет пятидесяти с неприятным багровым лицом.

— Как вас зовут? — резко спросил старик.

— Томас Блейн.

— Возраст?

— Тридцать два года. Но...

— Семейное положение?

— Холост. В чем...

— Видите? — произнес старик, поворачиваясь к своему багроволицему коллеге. — Он в полном сознании, без сомнения.

— Вот никогда бы не поверил, — покачал головой багроволицый.

— А я не вижу в этом ничего странного. Травма смерти преувеличена. Сильно преувеличена; это будет отражено в моей будущей книге.

— Гм-м. Однако депрессия при новом рождении...

— Чепуха, — решительно оборвал его старик. — Блейн, вы себя хорошо чувствуете?

— Да. Но мне хотелось бы узнать...

— Видите?! — торжествующе заявил старый врач. — Он снова живой и в полном рассудке. Вы согласны подписать отчет вместе со мной?

— Пожалуй, у меня нет иного выхода, — согласился багроволицый.

Врачи вышли. Блейн посмотрел им вслед, не понимая, о чем они говорили.

Приветливо улыбаясь, к нему подошла толстая медсестра.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Превосходно, — произнес Блейн. — Однако я не понимаю...

— Извините, — перебила его медсестра, — пока никаких вопросов. Так распорядился врач. Выпейте вот это лекарство, оно взбодрит вас... Вот и молодец. Не беспокойтесь, все будет в порядке.

Женщина вышла. Ее ободряющие слова напугали Блейна. Что она имела в виду, заявив, что все будет в порядке? Значит, что-то было не в порядке? Что же, что не в порядке? И как он оказался в больнице? Что случилось?

Бородатый врач вернулся, на этот раз в сопровождении молодой женщины.

— С ним все в порядке, доктор? — спросила она.

— Он здоров и рассуждает здраво, — ответил старик. — Я бы назвал это очень успешным переходом.

— Значит, можно начинать интервью?

— Разумеется. Хотя я не могу гарантировать его поведение. Травма, вызванная смертью, хоть и крайне преувеличена, но все-таки способна...

— Да-да, понимаю.

Девушка подошла к кровати и склонилась над Блейном. Хорошенькая, — заметил он. Точеные черты лица, свежая, словно светящаяся, кожа. У девушки были длинные блестящие каштановые волосы, гладко зачесанные назад, от нее едва уловимо пахло духами. Она могла бы быть прелестной, но ее портила неподвижность черт, какая-то нарочитая напряженность тела. Трудно было представить ее смеющейся или плачущей, и уж совсем невозможно — вообразить рядом с собой в постели. В ней было что-то фанатичное, нечто преданно революционное. Впрочем, Блейну показалось, что причина таится в ней самой.

— Здравствуйте, мистер Блейн, — сказала она. — Меня зовут Мэри Торн.

— Здравствуйте, — приветливо улыбнулся Блейн.

— Мистер Блейн, как по-вашему, где вы сейчас находитесь?

— Похоже на больницу. Полагаю...

Он замолчал, заметив у нее в руке маленький микрофон.

— Итак, что вы полагаете?

Она сделала едва заметный жест. В палату вошли мужчины и стали расставлять вокруг кровати какое-то громоздкое оборудование.

— Продолжайте, — сказала Мэри Торн. — Скажите нам, что вы полагаете.

— Убирайтесь к черту, — мрачно проворчал Блейн, глядя на мужчин, устанавливающих рядом с ним какие-то сложные приборы. — Что все это значит? Что здесь происходит?

— Мы хотим помочь вам, — объяснила Мэри Торн. — Разве не в ваших интересах оказать нам содействие?

Блейн кивнул. Ему захотелось, чтобы она улыбнулась. Внезапно он почувствовал какую-то тревогу. Выходит, с ним что-то случилось?

— Вы помните, что с вами произошел несчастный случай? — спросила она.

— Какой несчастный случай?

— Разве вы не помните об аварии?

Блейн вздрогнул, вспомнив ослепительные фары, летящие навстречу, ревущий двигатель, удар — и смерть.

— Да. У меня в руках сломался руль. Затем рулевая колонка пронзила мне грудь, и я ударился головой.

— Посмотрите на свою грудь, — тихо сказала девушка.

Блейн расстегнул пижаму. На груди не было никаких следов.

— Но этого не может быть! — воскликнул он.

Его голос звучал глухо, словно доносился издалека. Блейн заметил, что люди вокруг кровати о чем-то разговаривали, склонившись над своими приборами; они казались ему похожими на тени, плоские и прозрачные. Их тонкие голоса напоминали жужжание мух у оконного стекла.

«Прекрасная первая реакция!»

«Действительно».

— Вы ничуть не пострадали, — заметила Мэри Торн, обращаясь к Блейну.

Он взглянул на свое здоровое тело — и вспомнил об аварии.

— Я не верю этому! — выкрикнул он.

«Идеальное поведение».

«Превосходное сочетание неуверенности и осознания реальности».

— Потихе, пожалуйста, — обратилась к ним Мэри Торн. — Продолжайте, мистер Блейн.

— Я помню катастрофу, — медленно произнес Блейн. — Помню, как мы врезались друг в друга. И помню, что... умер.

«Ты только послушай, черт возьми! Это настоящее представление».

«Совершенно спонтанная сцена».

«Фантастика! Да все они сойдут с ума!»

— Не так громко, прошу вас, — попросила девушка. — Мистер Блейн, вы действительно помните, что умерли?

— Да-да, я умер!

«Посмотри на его лицо!»

«Нелепое выражение только усиливает убедительность происходящего».

«Будем надеяться, что и Рейли придерживается такой же точки зрения».

— Внимательно посмотрите на себя, мистер Блейн. Вот зеркало. Взгляните на свое лицо, — произнесла Мэри Торн.

Блейн взглянул в зеркало и задрожал как в лихорадке. Он коснулся стекла, затем дрожащими пальцами провел по лицу.

— Но это не мое лицо! Где мое лицо? Куда вы дели мое тело и мое лицо?

Это был ночной кошмар, и он никак не мог проснуться. Его окружали неосязаемые люди-тени с голосами как у мух, бьющихся в оконное стекло, склонявшиеся над своими картонными машинами; от них исходила какая-то смутная угроза, и в то же время они были к нему странно равнодушны, почти его не замечали.

Мэри Торн наклонилась над кроватью, приблизив к Блейну прелестное бесстрастное лицо. Красные губы

маленького рта выговаривали тихие слова, наполнявшие Блейна непередаваемым ужасом.

— Ваше тело мертво, мистер Блейн, оно погибло во время автомобильной катастрофы. Вы помните, как умирали. Однако нам удалось спасти самую важную часть вашего существа. Мы спасли ваш разум, мистер Блейн, и поместили его в новое тело.

Блейн открыл рот, чтобы закричать, но сумел овладеть собой.

— Я не верю этому, — тихо произнес он.

Жужжание мух возобновилось:

«Сдержанное высказывание».

«Да, конечно. Маниакальное состояние не может продолжаться вечно».

«Я думал, что он будет более выразителен».

«Напрасно. Его высказывание еще более усугубляет затруднительное положение, в котором он пребывает».

«Может быть, если исходить из чисто внешних проявлений. Однако взгляните на проблему реалистично. Бедняга только что узнал, что погиб во время автомобильной катастрофы и возродился в другом теле. Каковы же его первые слова? Он говорит: «Я не верю этому». Черт возьми, он реагирует на шок недостаточно остро!»

«Вы ошибаетесь, потому что пытаетесь домысливать за него».

— Тише, пожалуйста! — снова попросила девушка. — Продолжайте, мистер Блейн.

Блейн, погруженный в глубину своего кошмара, не замечал тихих жужжащих голосов.

— Я действительно умер? — спросил он.

Девушка кивнула.

— И меня воскресили, но в теле другого человека?

Она снова кивнула, ожидая, что будет дальше.

Блейн посмотрел на нее и на тени, суетившиеся у своих картонных машин. Почему им понадобился именно он? Разве они не могли выбрать какого-нибудь другого мертвеца? Труп нельзя заставить отвечать на вопросы. Смерть — это древняя привилегия человека, его вечный пакт, заключенный с жизнью, дарованный как рабу, так и аристократу. Смерть — утешение человека и его право. Но, может быть, это право отменили,

и теперь нельзя ускользнуть от ответственности даже после смерти.

Все ждали, когда он снова заговорит. А Блейн размышлял, не спятил ли он. Ну что ж, это легко выяснить.

Однако безумие достается не всякому. Самообладание вернулось к Блейну. Он посмотрел на Мэри Торн.

— Мне трудно описать свои чувства, — медленно произнес он. — Я умер и теперь обдумываю создавшееся положение. Не думаю, что есть люди, полностью верящие в свою смерть. В глубине души они считают себя бессмертными. Смерть может настичь других, но никогда не коснется тебя самого. Это все равно что...

«Выключайте запись. Он принялся рассуждать».

— Пожалуй, вы правы, — согласилась Мэри Торн. — Я очень вам благодарна, мистер Блейн.

Мужчины, внезапно обретшие плоть, ставшие теперь самыми обычными, стали выкатывать из больничной палаты оборудование.

— Подождите, — сказал Блейн.

— Не беспокойтесь, — успокоила его девушка. — Все остальное мы запишем позже. В данный момент нам хотелось зарегистрировать только вашу спонтанную реакцию на происшедшее.

«Ладно, этого хватит».

«Мечта коллекционера!»

— Подождите! — крикнул Блейн. — Я ничего не понимаю. Где я? Что произошло? Как...

— Я все объясню завтра утром, — сказала Мэри Торн. — Извините меня, мистер Блейн, но сейчас нужно как можно скорее подготовить этот материал для мистера Рейли.

Техники с аппаратурой уже исчезли. Мэри Торн ободряюще улыбнулась и поспешила за ними.

Блейн с удивлением почувствовал, что готов заплакать. Он быстро заморгал, и в этот момент в палату вошла толстая медсестра.

— Выпейте вот это, — произнесла она. — Это поможет вам заснуть... Вот и хорошо, молодец. А теперь успокойтесь. У вас был трудный день — подумать только, вы успели умереть, возродиться и все такое.

Две большие слезы скатились по щекам Блейна.

— Боже мой, — спохватилась медсестра, — как жаль, что здесь нет камеры. Это самые искренние слезы, которые мне приходилось когда-либо видеть. Много трагических и неожиданных сцен довелось мне видеть в этой больнице, и, уж поверьте мне, я могла бы порассказать этим заносчивым молокососам с их записывающими приборами, что такое настоящие эмоции. И они еще думают, что знакомы со всеми тайнами человеческой души!

— Где я? — пробормотал Блейн сонным голосом. — Куда я попал?

— Вы, наверное, назвали бы это будущим, — ответила медсестра.

— А-а, — прошептал Блейн и уснул.

Глава 3

Через несколько часов он проснулся свежим и отдохнувшим, оглянулся вокруг, увидел белую постель, белую комнату и вспомнил...

Он погиб во время автомобильной катастрофы и заново родился в будущем. Здесь был врач, по мнению которого последствия травмы, полученной в момент смерти, явно преувеличены, и люди, которые записывали его спонтанные реакции и пришли к выводу, что все это мечта коллекционера, а также хорошенькая девушка, черты которой являли прискорбное отсутствие эмоций.

Блейн зевнул и потянулся. Итак, он мертв. Умер в тридцать два года.

Как жаль, подумал он, что его молодая жизнь утасла в самом расцвете. Вообще-то Блейн был неплохим парнем, и перед ним открывались неплохие перспективы...

Ему не понравилось свое легкомысленное отношение к столь важному предмету. Не следует себя так вести. Он попытался вспомнить потрясение, которое, по его мнению, следовало испытывать.

«Итак, — твердо напомнил он себе, — еще вчера я был дизайнером яхт, возвращающимся домой из Мэриленда. А сегодня превратился в человека, заново рожденного в будущем. В будущем! Заново рожденного!»

Бесполезно, слова не оказывали на него должного воздействия. Он успел привыкнуть к этой мысли. Человек привыкает к чему угодно, даже к собственной смерти. Можно, наверное, рубить человеку голову три раза в день на протяжении двадцати лет, и он привыкнет к этому, причем привыкнет настолько, что будет плакать, как ребенок, если этот процесс прекратится...

Ему не понравились подобные рассуждения, и он выбрал другую тему.

Он стал думать о Лауре. Станет ли она оплакивать его? А может, напьется с горя? Или всего лишь почувствует себя подавленной и примет успокоительную таблетку? Как воспримут сообщение о его смерти Джейн и Мириам? Да и узнают ли они о катастрофе вообще? Вряд ли. Пройдут месяцы, прежде чем они задумаются, почему он перестал звонить.

Хватит. Все это осталось в прошлом. Теперь он в будущем.

Но все, что он увидел в будущем, — это лишь белая постель в белой палате, врачи и медсестра, техники со своей записывающей аппаратурой и хорошенькая девушка. Пока особых отличий от времени, в котором он жил раньше, не было. Однако они существуют, в этом не приходится сомневаться.

Он вспомнил журнальные статьи и книги о будущем, которые читал. Сегодня, возможно, существует бесплатная атомная энергия, подводные фермы, всеобщий мир, международный контроль за рождаемостью, межпланетные путешествия, свободная любовь, полная десегрегация, лекарства от всех болезней, плановое общество, в котором люди глубоко дышат воздухом свободы.

Да, именно так и должно быть, подумал Блейн. Однако существовали и менее приятные возможности развития. Может быть, жестокий олигарх стиснул Землю железной хваткой, тогда как маленькое, но сплоченное подполье бьется за свободу. Или человеческую расу поработили маленькие студенистые инопланетяне с труднопроизносимыми именами. Возможно, новая ужасная болезнь пронеслась по планете, или Земля, опустошенная в результате термоядерной войны, с трудом пытается восстановить технологический уровень прежней цивилизации, пока по разрушенным городам бродят жестокие банды отчаявшихся людей, или человечество постигли другие катастрофы.

Однако, подумал Блейн, население Земли на протяжении тысячелетий проявляло поразительную способность избегать крайностей как в несчастьях, так и в полном блаженстве. Сколько раз предсказывали хаос и

предрекали утопию, — однако ни то ни другое не наступило.

В конце концов Блейн пришел к выводу, что и в этом будущем следует ожидать определенного улучшения по сравнению с прошлым, но предположил, что не обойдется и без новых проблем; кое-какие старые исчезнут, но их место займут другие.

«Короче говоря, — сказал себе Блейн, — вероятно, это будущее будет таким же, каковыми были все будущие времена по сравнению с их прошлым. Это не очень определено, но я не предсказатель и не провидец».

Его размышления прервала Мэри Торн, которая быстро вошла в палату

— Доброе утро, — поздоровалась она. — Как вы себя чувствуете?

— Словно заново родился, — ответил Блейн совершенно серьезно.

— Отлично. Подпишите вот это, пожалуйста.

Девушка протянула ему заполненный бланк и ручку.

— Вы удивительно расторопны, — заметил он. — Что мне надо подписать?

— Прочтите, — велела Мэри Торн. — Это документ, освобождающий нас от всякой юридической ответственности, связанной с вашим спасением.

— Вы действительно спасли мне жизнь?

— Разумеется. Иначе каким образом вы оказались бы здесь?

— Я об этом не подумал, — признался Блейн.

— Мы спасли вас. Однако закон запрещает спасать людей без предварительного письменного согласия потенциальной жертвы. Юристы «Рекс Корпорейшн» не сумели заранее получить ваше согласие, поэтому нам хотелось бы защитить себя теперь.

— А что это за «Рекс Корпорейшн»?

Девушка посмотрела на Блейна с раздражением.

— Неужели вы ничего еще не знаете? Вы находитесь в штаб-квартире нашей корпорации. «Рекс Корпорейшн» сейчас так же знаменита, как компания «Флайер Тизсс» в ваше время.

— А что такое «Флайер Тиэсс»?

— Неужели не знаете? Ну, тогда, скажем, «Форд».

— «Форд»? Понятно. Итак, «Рекс Корпорейшн» пользуется такой же известностью, как «Форд». И что же она производит?

— Энергетические установки, — объяснила девушка, — которые обеспечивают энергией космические корабли, аппаратуру переселения душ, потустороннюю жизнь и тому подобное. С помощью энергетической установки «Рекс» вас выхватили из автомобиля через мгновение после смерти и перенесли в будущее.

— Путешествие во времени, — кивнул Блейн. — Но как?

— Боюсь, объяснить это непросто, — ответила она. — У вас нет необходимой научной подготовки. Но я все-таки попытаюсь. Вы знаете, что время и пространство суть одно и то же, различные аспекты одного явления.

— Вот как?

— Да. Нечто вроде энергии и массы. Уже в ваше время ученые поняли, что энергия и масса взаимозаменяемы, они сумели понять процессы распада и синтеза материи, происходящие внутри звезд. Однако воспроизвести данный процесс в то время им оказалось не под силу: для этого требовалось колоссальное количество энергии. Лишь после того как ученые овладели необходимыми знаниями и получили в свое распоряжение мощные источники энергии, они смогли расщеплять атомы при помощи деления и создавать новые в результате ядерного синтеза.

— Мне это известно, — произнес Блейн. — А путешествие во времени?

— Оно происходило аналогичным образом. В течение длительного времени мы знали, что пространство и время представляют собой стороны одного и того же, что и пространство, и время могут быть разложены на составные элементы и превращены одно в другое при помощи энергии. Нам удалось проследить за процессом искажения космического времени вблизи сверхновой звезды; мы смогли наблюдать исчезновение звезды класса Вульф-Райет при ускорении превращения времени. Однако понадобилось узнать еще очень многое. Кроме

того, потребовался новый источник энергии, на много порядков более мощный, чем тот, которым вы пользовались для ядерного синтеза. Когда все это оказалось в нашем распоряжении, мы смогли заменять пространственные элементы временными и наоборот, — то есть расстояния в пространстве на расстояния во времени. После этого мы получили возможность пройти расстояние, скажем, в сто лет вместо соответствующего расстояния в сотню парсеков.

— Я начинаю понимать в общих чертах, — кивнул Блейн. — Вы не могли бы повторить, только помедленнее?

— Только не сейчас, — ответила девушка, — потом. А сейчас подпишите, пожалуйста.

В документе говорилось, что он, Томас Блейн, обязуется не предъявлять никаких претензий к «Рекс Корпорейшн» и не обращаться в суд с жалобой на то, что в 1958 году его спасли без предварительного согласия и перенесли спасенную таким образом жизнь в 2110 год.

Блейн расписался.

— А теперь, — начал он, — мне хотелось бы узнать...

Он умолк. В палату вошел юноша с большим плакатом.

— Извините меня, мисс Торн, — сказал он, — но художественный отдел спрашивает, одобряете ли вы этот эскиз?

Юноша развернул плакат. На нем был изображен автомобиль в момент столкновения. С неба к нему тянулась гигантская стилизованная рука, выхватывающая водителя из пылающего остова. Крупные буквы кричали: «"РЕКС" СПАС ЕГО!»

— Ну что ж, неплохо, — задумчиво произнесла Мэри Торн. — Передай художникам, пусть усилят красные тона.

В палату все заходили люди, и Блейн потерял самообладание.

— Что происходит? — спросил он.

— Потом объясню, — ответила девушка. — А-а, миссис Вэнесс! Как вы считаете, годится ли такой плакат для начала кампании?

В палате собралось уже человек двенадцать, и подходили новые. Не обращая никакого внимания на Блейна, они собрались вокруг Мэри Торн и плаката. Один мужчина, увлеченный разговором с какой-то седой женщиной, даже сел на край его постели. У Блейна лопнуло терпение.

— Сейчас же прекратите! — крикнул он. — Мне надоела эта непонятная суeta. Неужели вы не можете вести себя по-человечески? Убирайтесь отсюда!

— Боже мой! — вздохнула Мэри Торн, закрывая глаза. — Темперамент должен был проявиться. Эд, поговори с ним.

Плотный мужчина с влажным от пота лицом подошел к Блейну.

— Мистер Блейн, разве мы не спасли вашу жизнь?

— Ну, спасли... — раздраженно проворчал Блейн.

— А ведь могли этого и не делать. Потребовалось много времени, денег и энергии, чтобы спасти вас. Однако мы все-таки пошли на такой шаг. Разве мы не вправе получить что-то взамен — широкую рекламу, например?

— Рекламу?

— Разумеется. Вас спасла от смерти энергетическая система «Рекс Корпорейшн».

Блейн кивнул. Теперь он понимал, почему его спасение и новое рождение в будущем было принято окружающими, как само собой разумеющееся. Они действительно потратили массу времени, сил и денег, несомненно обсудили все аспекты и теперь старались извлечь из всего этого максимальную пользу для корпорации.

— Понятно, — согласился Блейн. — Вы спасли меня для того, чтобы использовать для рекламной кампании, правда?

На лице Эда появилось недовольное выражение.

— Стоит ли так упрощать? Ваша жизнь находилась в смертельной опасности, а рекламу продукции, производимой нашей компанией, требовалось как-то оживить. Таким образом мы решили обе проблемы, и в выигрыше оказались как вы, так и «Рекс Корпорейшн». Конечно, мы не руководствовались чистым альтруиз-

мом, но ведь и вы вряд ли пожелали бы остаться мертвым, верно?

Блейн покачал головой.

— Нет, конечно, — продолжал Эд. — Вы цените свою жизнь. Уж лучше быть живым сегодня, чем мертвым вчера, правда? Отлично. Тогда почему вы отказываетесь помочь нам хотя бы из чувства элементарной благодарности?

— Я не отказываюсь, — произнес Блейн, — но события развиваются слишком быстро, и я не успеваю за ними.

— Понимаю и сочувствую вам, — заметил Эд. — Но рекламное дело, мистер Блейн, не терпит медлительности. На счету каждая минута. Сегодня ваше появление в двадцать втором веке — сенсация, а уже завтра это никого не заинтересует. Мы должны использовать ваш феномен немедленно — куй железо, пока горячо. В противном случае сенсация скончается, не получив дальнейшего развития, и не принесет нам никакой пользы.

— Я благодарен за спасение, хоть вы и не руководствовались одним альтруизмом, — сказал Блейн, — и готов оказать всяческое содействие.

— Спасибо, мистер Блейн, — облегченно вздохнул Эд. — И пока не задавайте, пожалуйста, никаких вопросов. По мере развития событий вы все поймете. Мисс Торн, беритесь за дело.

— Спасибо, Эд, — ответила Мэри Торн. — Теперь хочу сообщить вам, что мы получили предварительное согласие мистера Рейли, так что продолжим в соответствии с планом. Билли, придумай что-нибудь для утренних газет. Ну, скажем, «Человек из прошлого».

— Это уже было.

— Ну и что? Ведь это всегда новость, не так ли?

— Пожалуй, можно воспользоваться этим заголовком еще раз. Итак, человека выхватили из разбившегося автомобиля в 1988 году...

— Извините, в 1958-м, — поправил Блейн.

— Ладно, в 1958-м — спустя мгновение после смерти и переместили в другое тело. Краткие сведения о том, кому принадлежало тело. Затем мы сообщим, что энергетические системы «Рекс» осуществили трансплантацию через сто пятьдесят два года, сообщаем, сколько

эргов энергии было сожжено для достижения этого успеха — или что там мы сожгли? Правильность технических терминов я проверю у кого-нибудь из инженеров. Ну как, годится?

— Не забудь сказать, что такое не под силу никакой другой энергетической системе, — заметил Джо. — И упомяни о новой калибровочной системе, сделавшей это возможным.

— Пресса не сможет использовать всю эту информацию.

— А вдруг сможет? — сказала Мэри Торн. — Теперь с вами, миссис Вэнесс. Нам понадобится очерк о том, что испытывал Блейн, когда энергетические системы «Рекс» спасли его от смерти. Постарайтесь дать побольше эмоций. Опишите его первые ощущения в удивительном мире будущего. Объем — примерно пять тысяч слов. О размещении очерка мы позаботимся.

Седа миссис Вэнесс кивнула.

— Понятно. Я могу приступить к интервью прямо сейчас?

— Нет времени, — покачала головой девушка. — Сочините сами. Напишите о его волнении, испуге, изумлении, восхищении новым миром, всеми переменами, происшедшими за эти годы. Стремительный прогресс науки. Хочет побывать на Марсе. Не одобряет новые моды. Считает, что в его время люди чувствовали себя более счастливыми, когда было не так много техники и больше свободного времени. Блейн согласится. Верно, Блейн?

Блейн ошеломленно кивнул.

— Превосходно. Вчера вечером мы записали его спонтанные реакции. Майк, ты с ребятами смонтируй пятнадцатиминутную кассету для продажи в местных магазинах. Пусть это станет настоящей мечтой коллекционера. Начни, однако, с короткого солидного объяснения, каким образом «Рекс Корпорейшн» осуществил такую трансплантацию.

— Понятно.

— Отлично. Вы, мистер Брайс, подготовьте несколько солидопрограмм с мистером Блейном. Пусть он расскажет о своих впечатлениях о нашем веке, как он чувствует себя здесь — и чем отличается его время от

двадцать второго века. Не забудьте упомянуть о корпорации.

— Но я совершенно ничего не знаю о двадцать втором веке! — запротестовал Блейн.

— Узнаете, — заверила его Мэри Торн. — Ну что ж, мне кажется, для начала хватит. А теперь, за работу. Я сообщу мистеру Рейли, что мы пока запланировали.

Посетители направились к выходу, а девушка повернулась к Блейну.

— Вам может показаться, что с вами обращались без должного уважения. Ничего не поделаешь, бизнес есть бизнес, независимо от того, в каком веке вы находитесь. Завтра вы станете знаменитым и, может быть, богатым человеком. Думаю, что при создавшихся обстоятельствах у вас нет оснований жаловаться.

Она повернулась и пошла к двери. Блейн наблюдал за удаляющейся стройной фигурой, полной такой самоуверенности. Интересно, подумал он, чем карается в этом веке пощечина женщине?

Глава 4

Медсестра принесла на подносе завтрак. Зашел бородатый врач, осмотрел его и признал совершенно здоровым. Нет никаких следов депрессии, часто сопровождающей перенос человеческой души в другое тело, заявил он, и травма, возникающая в результате смерти, вне сомнения, крайне преувеличена. Так что, заключил он, Блейн может встать и походить по палате.

Ему принесли одежду — голубую рубашку, коричневые брюки и мягкие тупоносые туфли. Медсестра заверила Блейна, что одежда самая обыкновенная.

Блейн с аппетитом позавтракал. Встав из-за стола, он прежде всего осмотрел свое новое тело в высоком зеркале ванной. Только сейчас он смог всесторонне оценить его.

Прежнее тело Блейна было высоким и худощавым, с гладкими черными волосами и добродушным мальчишеским лицом. За тридцать два года он привык к этому стройному ловкому телу, к его быстрым движениям. Блейн примирился с определенными недостатками телосложения, периодическими болезнями и даже возвел их в ранг достоинств, уникальных качеств личности, живущей внутри этой оболочки. По его мнению, недостатки тела выражали сущность находящейся в нем личности более ярко, чем достоинства.

Короче говоря, прежнее тело нравилось Блейну, тогда как новое потрясло его.

Оно было чуть ниже среднего роста, с могучими мышцами, выпуклой грудью и широкими плечами. Ноги были коротковаты для геркулесовского торса, из-за чего тело казалось непропорциональным. Ладони бы-

ли большими и мозолистыми. Блейн сжал пальцы в кулак и с уважением посмотрел на него. Такой кулак может одним ударом свалить быка... если удастся найти его.

Лицо было прямоугольное и наглое, с выдающейся челюстью, широкими скулами и римским носом. Волосы светлые и кудрявые, а глаза голубые со стальным отливом. Это было красивое, хотя и несколько грубое лицо.

— Не нравится мне, — с чувством сказал Блейн. — И ненавижу светлые кудрявые волосы.

Его новое тело так и дышало огромной физической силой, но Блейн всегда презирал грубую силу. Оно казалось неуклюжим, каким-то неловким, им трудно было управлять. Такие люди постоянно натываются на стулья, наступают на ноги посторонним, слишком сильножимают руки, громко говорят и обильно потеют. На его новом теле одежда будет сидеть мешком и мешать движениям. Ему придется непрерывно тренировать это тело и, может быть, даже сесть на диету — судя по всему, оно склонно к полноте.

Физическая сила — это хорошо, сказал себе Блейн, если она нужна для чего-то. В противном случае от нее одни неприятности и никакой пользы, как от недоразвитых крыльев у дронта.

Итак, тело было неважным. Однако с лицом дело обстояло еще хуже. Блейну никогда не нравились сильные, грубые, словно высеченные из камня, лица. Такие лица хороши для шахтеров, армейских сержантов, исследователей джунглей etc. Но подобное лицо никак не подходило человеку, привыкшему вращаться в культурном обществе. Оно не способно выражать утонченные эмоции. Все нюансы, деликатные выражения, гримасы и улыбки, игра света и теней — все исчезает на таком лице. Оно способно лишь ухмыляться или хмуриться, отражая только первобытные чувства.

Он попытался улыбнуться мальчишеской улыбкой, глядя в зеркало. В ответ Блейн увидел ухмылку сатира.

— Меня обманули, — с горечью произнес он.

Блейну стало ясно, что качества его ума и полученного им тела противоположны. Их сосуществование казалось невозможным. Разумеется, его личность может оказать воздействие на тело; с другой стороны и тело способно влиять на сознание.

— Ладно, — сказал Блейн своему новому мощному телу, — посмотрим, кто кого.

На левом плече он увидел длинный извилистый шрам. Интересно, где бывший хозяин тела получил такую ужасную рану? И тут же возник другой вопрос: где сейчас прежний владелец? Вдруг он затаился где-то в сознании и ждет удобного момента, чтобы снова овладеть телом?

Впрочем, подобные размышления были бесполезны. Позднее, может быть, это станет ясным. Блейн в последний раз посмотрел в зеркало. Отражение ему не понравилось, и он подумал, что никогда к нему не привыкнет.

— Ну что ж, — произнес он вслух, — бери что дают. Мертвецам не приходится выбирать.

Больше сказать было нечего. Блейн отвернулся от зеркала и начал одеваться.

Во второй половине дня в палату вошла Мэри Торн.

— Все кончено, — выпалила она без всяких предисловий.

— Кончено?

— Да. Кончено. Кампания отменяется. — Девушка бросила на Блейна взгляд, полный горечи, и принялась расхаживать по белой больничной палате. — Он распорядился прекратить всю рекламу, связанную с вами.

Блейн пристально взглянул на нее. Новость была интересной, без сомнения, однако еще интересней были признаки эмоций, появившиеся на лице Мэри Торн. Раньше она казалась такой деловитой, держала себя под железным контролем; теперь у нее на щеках появ-

вился румянец, и губки искривились в недовольной гримасе.

— Я занималась этой идеей целых два года, — продолжала она. — Компания потратила я уж не знаю сколько миллионов, чтобы перенести вас в будущее. Все уже было на мази — и вдруг этот чертов старик приказывает все отменить.

Она прелестна, подумал Блейн, однако не получает никакого удовольствия от своей красоты. Для нее красота — всего лишь ценное деловое качество, вроде хорошего воспитания или способности поглощать алкоголь не пьянея; она пользуется красотой, когда это вызвано необходимостью — и уж тогда на всю катушку. К девушке тянулось слишком много рук, решил он, и Мэри Торн оттолкнула их. А когда жадные похотливые руки продолжали тянуться к ней, она испытала презрение, затем равнодушие и наконец ненависть к самой себе. Все это немного фантастично, думал Блейн, но будем придерживаться этой точки зрения, пока не появятся иные доказательства.

— Глупый старик, — пробормотала Мэри Торн.

— Какой старик?

— Да Рейли, наш гениальный президент.

— Он решил отказаться от рекламной кампании?

— Он не просто отказался. Потребовал, чтобы ее полностью прекратили, даже не начинали. Боже мой, целых два года псу под хвост!

— Но почему? — недоуменно спросил Блейн.

Мэри Торн устало покачала головой.

— По двум причинам — и обе глупые. Во-первых, юридические трудности. Я сказала ему, что вы подписали документ, в котором освобождаете «Рекс Корпорейшн» от всякой ответственности, да и наши юристы решили все остальные проблемы. Однако он все-таки боится. Приближается время его переселения в другое тело, и он не хочет, чтобы со стороны правительства последовали какие-то юридические возражения. Представляете себе? Перепутанный старик вершит дела «Рекса»! Во-вторых, он поговорил со своим глупым, выжившим от старости из ума дедом, и тот посоветовал

ему не рисковать. Это оказалось решающим доводом. Подумать только, целых два года работы!

— Одну минуту, — спросил Блейн. — Вы упомянули о его переселении в другое тело?

— Да. Рейли решился на такой шаг. Лично я считаю, что с его стороны было бы куда умнее просто умереть и поставить на этом точку.

Такое заявление звучало жестоко, но в голосе Мэри Торн не было жестокости. Словно она говорила о самом обычном факте.

— По вашему мнению, было бы лучше, если бы он просто умер вместо того, чтобы попытаться переселиться в другое тело? — спросил Блейн.

— Да, конечно. Ах да, я совсем забыла, ведь вам ничего не рассказывали об этом. Вот если бы он принял решение раньше. Этот его старый дедушка, совсем выживший из ума, принялся теперь докучать своими советами...

— А почему Рейли не посоветовался с дедушкой раньше?

— Рейли пробовал. Но тот отказывался говорить.

— Понятно. Сколько лет его дедушке?

— Он умер, когда ему был восемьдесят один год.

— Что?

— Да, это случилось примерно шестьдесят лет назад. Отец Рейли тоже умер, но он наотрез отказывается разговаривать. Очень жаль, потому что уж он-то хорошо разбирался в делах «Рекс Корпорейшн» и обладал превосходным здравым смыслом. Что вы устались на меня, Блейн? Ах да, я совсем забыла, что вы не знакомы с обстановкой. Все очень просто.

Она на мгновение задумалась, затем выразительно кивнула и направилась к двери.

— Куда вы? — спросил Блейн.

— Хочу сказать Рейли, что я о нем думаю! Он не имеет права так со мной поступать! Он обещал... — Тут она взяла себя в руки. — Что касается вас, Блейн, вы нам больше не нужны. У вас неплохое тело, вы остались живы, так что можете уйти отсюда, как только пожелаете.

— Спасибо, — пробормотал Блейн, когда девушка выходила из палаты.

Одетый в коричневые брюки и голубую рубашку, Блейн вышел из палаты и пошел по длинному коридору к выходу. У дверей стоял охранник в форменной одежде.

— Извините меня, — сказал Блейн, — это дверь на улицу?

— А?

— Я смогу выйти через эту дверь из здания «Рекс Корпорейшн»?

— Да, конечно. Выйдете из здания и окажетесь на улице.

— Спасибо.

Блейн заколебался. Он пожалел, что так и не дождался инструктажа, который ему обещали, но так и не провели. Ему хотелось спросить охранника, что представляет собой современный Нью-Йорк, каковы нынешние правила и обычаи, куда ему следует пойти и чего избегать. Однако охранник, по-видимому, ничего не слышал о Человеке из Прошлого. Он удивленно смотрел на Блейна.

Блейну не хотелось оказаться в Нью-Йорке 2110 года вот так, без денег и друзей, не имея ни малейшего представления о жизни в этом городе, без работы, не зная, где остановиться, и к тому же в этом неудобном теле. Но у него не было иного выхода. В конце концов гордость победила. Уж лучше окунуться в жизнь незнакомомго города, полагаясь только на себя, чем просить помощи у этой фарфоровой мисс Торн или у других сотрудников корпорации.

— Мне нужен пропуск, чтобы выйти отсюда? — спросил он у охранника с надеждой.

— Нет. Пропуск требуется только для входа. — Охранник посмотрел на Блейна с нескрываемым подозрением. — Послушай, приятель, что с тобой?

— Ничего, — ответил Блейн.

Он открыл дверь, все еще не веря, что его выпускают на свободу с такой легкостью. С другой стороны, почему бы и нет? Он находится в мире, где люди

разговаривают со своими давно умершими дедушками, где существуют космические корабли и потусторонняя жизнь, где могут легко выхватить человека из прошлого всего лишь ради рекламы, а затем с не меньшей легкостью бросить его на произвол судьбы.

Дверь закрылась за спиной Блейна. Позади возвышалась серая громада «Рекс Корпорейшн». Перед ним лежал Нью-Йорк.

Глава 5

На первый взгляд, Нью-Йорк двадцать второго века походил на сюрреалистический Багдад. Блейн увидел какие-то приземистые дворцы со стенами, покрытыми белыми и синими плитками, стройные красные минареты, здания странной формы со ступенчатыми китайскими крышами и куполами в виде луковиц со шпилями. Казалось, город переживает увлечение восточной архитектурой. Блейну с трудом верилось, что он в Нью-Йорке. Больше походит на Бомбей, или на Москву, или хотя бы на Лос-Анджелес, но никак не на Нью-Йорк. С чувством облегчения он обнаружил небоскребы, такие простые и четкие на фоне азиатских зданий. Они казались единственным напоминанием о Нью-Йорке, который был так ему знаком.

Улицы были заполнены миниатюрными машинами. Блейн видел мотоциклы и мотороллеры, автомобили размером не больше «порше», грузовики с «бьюик», не больше. Неужели таким образом здесь пытаются решить проблему загрязнения атмосферы и переполненных машинами улиц? — подумал он. — Если так, то это не помогло.

Основная часть транспорта проносилась над головой. Винтокрылые и реактивные машины, воздушные грузовики, одноместные авиетки, гелитакси и воздушные автобусы с надписями «Космопорт — второй уровень» или «Экспресс в Монтаук». Сверкающие точки обозначали вертикальные и горизонтальные полосы, где машины скользили, поворачивали, поднимались и опускались. Яркие — красные, зеленые, желтые и голубые огни, казалось, регулировали поток машин. Несомненно, дви-

жение подчинялось правилам, однако неискушенному глазу Блейна оно казалось полным хаосом.

В пятидесяти футах над головой находился еще один уровень с магазинами. Как туда люди поднимаются? И вообще — как можно жить и не сойти с ума в этом шумном, сверкающем огнями, переполненном жителями городе? Плотность населения была поразительной. Блейну казалось, что он тонет в человеческом море. Сколько же людей живет в этом гигантском супергороде? Пятнадцать миллионов? Двадцать? По сравнению с ним Нью-Йорк 1958 года казался деревней.

Пришлось остановиться, чтобы разобраться в первых впечатлениях. Однако тротуары были переполнены и, едва Блейн замедлил шаг, его стали толкать и ругать. Он оглянулся по сторонам, но не увидел ни парков, ни скамеек для отдыха.

Он заметил какую-то длинную очередь и пристроился. Очередь медленно двигалась вперед. Блейн двигался вместе со всеми. В висках у него стучало, и он никак не мог отдышаться.

Через несколько минут он взял себя в руки. Теперь он проникся уважением к своему сильному, большому телу. Может быть, именно человеку из прошлого и необходима такая телесная оболочка, чтобы смотреть на окружающий мир спокойно и невозмутимо. Крепкая нервная система обладает определенными преимуществами.

Очередь молча двигалась вперед. Блейн заметил, что стоящие в ней мужчины и женщины были плохо одеты, неопрятны, бледны и выглядели бедняками. На всех виднелась общая печать какого-то отчаяния.

Может быть, это очередь за бесплатным питанием?

Он коснулся плеча мужчины, стоявшего впереди.

— Извините, — сказал он. — Что это за очередь?

Мужчина обернулся и посмотрел на Блейна красными воспаленными глазами.

— В кабины для самоубийц, — ответил он, подбодрив указав туда, где начиналась очередь.

Блейн поблагодарил и быстро отошел в сторону. Какое неудачное начало его первого дня в мире будущего! Кабины для самоубийц! Он никогда не войдет

туда добровольно, в этом Блейн не сомневался. Уж наверняка до этого не дойдет.

Но что это за мир, где существуют кабины для самоубийц? К тому же, судя по внешнему виду стремящихся в них, бесплатные... Да, придется быть поосторожнее с бесплатными дарами этого нового мира.

Блейн пошел дальше, с любопытством глядя по сторонам и постепенно привыкая к пестрому, шумному городу, наполненному каким-то лихорадочным возбуждением. Он подошел к гигантскому зданию, напоминающему готический замок, с зубчатых стен которого свисали вымпелы, развевающиеся на ветру. На самой высокой башне горел ослепительный зеленый прожектор, ясно видимый в лучах заходящего солнца.

Здание казалось примечательным сооружением и производило впечатление. Блейн смотрел на него, не отрывая глаз, и тут заметил мужчину, который стоял, прислонившись к стене, и курил тонкую сигару. Это был, по-видимому, единственный человек в Нью-Йорке, который никуда не спешил. Блейн подошел к нему.

— Извините, сэр, — сказал он, — что это за здание?

— Это, — ответил мужчина, — штаб-квартира компании «Потусторонняя жизнь инкорпорейтед».

Он был высокий, очень худой, с длинным грустным лицом, загорелым и обветренным. Глаза прищурены, взгляд прямой и пронизательный. Одежда висела на нем мешком, словно он больше привык к потертым джинсам, а не к брюкам, сшитым на заказ. Блейн решил, что он уроженец Запада.

— Впечатляет, — заметил Блейн, разглядывая готический замок.

— Безвкусица, — возразил мужчина. — Вы не здешний?

Блейн кивнул.

— Я тоже. Однако, если уж быть откровенным, незнакомец, мне казалось, что о штаб-квартире «Потусторонней жизни» знают все жители Земли и всех

планет. Вы не будете возражать, если я спрошу, откуда вы приехали?

— Отчего же... — замялся Блейн.

Стоит ли признаваться, что он — человек из Прошлого? Пожалуй, не стоит быть столь откровенным с незнакомым человеком. Вдруг он позовет полицейского? Лучше уж сказать, что он издалека.

— Видите ли, — произнес Блейн, — я приехал из Бразилии.

— Вот как?

— Да. У нас каучуковые плантации в верховьях Амазонки. Моя семья переехала туда, когда я был еще ребенком. Отец недавно умер, и я решил побывать в Нью-Йорке.

— Говорят, в ваших краях сохранилась почти нетронутая природа, — заметил мужчина.

Блейн кивнул и с облегчением вздохнул: наспех придуманная история не вызвала вопросов. Впрочем, для этого века такая история может быть и не столь уж удивительна. Как бы то ни было, он придумал себе место жительства.

— А я вот из штата Аризона. Мексикэн Хэт, слышали? Зовут меня Орк, Карл Орк. А ваше имя? Блейн? Рад познакомиться с вами, Блейн. Знаете, я приехал сюда, чтобы взглянуть на этот самый Нью-Йорк и узнать, почему его жители так хвастаются своим городом. Действительно, здесь довольно интересно, вот только местные жители слишком уж шумят и суеются, — если вы понимаете, что я имею в виду. Не скажу, что у нас дома живут одни деревенские увальни, но эти ребята носятся, как наскипидаренные!

— Я тоже так считаю, — согласился Блейн.

В течение нескольких минут они обсуждали непонятные, истерические и даже безумные привычки жителей Нью-Йорка, сравнивали их жизнь с размеренной и спокойной жизнью сельских жителей Мексикэн Хэт и верховьев Амазонки. Наконец оба пришли к выводу, что здесь просто не умеют жить.

— Блейн, — сказал Орк, — я так рад нашей встрече. Что если пойти и пропустить по стаканчику?

— Отличная мысль, — согласился Блейн.

С помощью Карла Орка он сумеет найти выход из затруднительного положения. Может быть, ему даже удастся устроиться на работу в Мексикэн Хэт. Он объяснит, что долго живя в бразильской глуши и потеряв память, он совершенно оторвался от современной жизни.

И тут он вспомнил, что у него нет денег.

Блейн начал сбивчиво объяснять, что забыл бумажник в отеле, но Орк прервал его.

— Слушай, Блейн, — произнес Орк, пристально глядя ему в лицо голубыми глазами, — я хочу тебе кое-что сказать. Такой истории мало кто поверит. Однако я считаю, что умею разбираться в людях, и почти всегда оказываюсь прав. Меня нельзя назвать бедным человеком, так что ты не будешь возражать, если за сегодняшний вечер буду платить я?

— Понимаешь, — нерешительно начал Блейн, — я не могу...

— Ни слова больше, — решительно произнес Орк. — Если так настаиваешь, завтра будешь платить ты. А теперь давай займемся изучением ночной жизни этого старого безумного городка.

Пожалуй, решил Блейн, трудно найти лучший способ знакомства с будущим. В конце концов то, как развлекаются люди, красноречиво говорит об их образе жизни. Увлеченные играми и спиртным, они демонстрируют свое отношение к окружающей среде, вопросам жизни, смерти, судьбы и свободного волеизъявления. Что может быть колоритнее цирка как символа древнего Рима? Что лучше охарактеризует американский Запад, чем родео? В Испании свои бои быков, а в Норвегии свои прыжки на лыжах с трамплина. Какой спорт или вид отдыха лучше всего характеризует Нью-Йорк 2110 года? Скоро он узнает это. И, разумеется, испытать это на собственном опыте, погрузившись в глубину жизни, куда лучше, чем прочесть об этом в какой-нибудь библиотеке, чихая от книжной пыли, и намного интереснее.

— Начнем, пожалуй, с Марсианского квартала, — предложил Орк.

— В путь! — с воодушевлением ответил Блейн, довольный, что ему удастся совместить удовольствие с суровой необходимостью.

Орк повел его сквозь лабиринт улиц, переходов и переулков, расположенных на разных уровнях, по подземным галереям и надземным виадукам. Они шли пешком, поднимались и опускались в лифтах, ехали в метро и летели на гелитакси. Сложное переплетение улиц и уровней не произвело особого впечатления на художатого уроженца Аризоны. Феникс, сказал он, выглядит похоже, хоть и уступает Нью-Йорку по масштабам.

Они вошли в маленький ресторан, именовавшийся «Красным Марсом», в меню которого — как гласила реклама — были блюда подлинной южно-марсианской кухни. Орку довелось пробовать марсианскую кухню у себя в Фениксе, а вот Блейн признался, что не имеет о ней ни малейшего представления.

— Тебе понравится, — заверил его Орк, — хотя сытым от марсианской пищи не будешь. Потом закажем где-нибудь по бифштексу.

Поданное меню было написано по-марсиански, перевод на английский отсутствовал. Блейн рискнул и заказал набор блюд номер один. Орк последовал его примеру. Им принесли тарелки со странной мешаниной из мелко нарезанных овощей и кусочков мяса. Блейн попробовал и едва не выронил вилку от удивления.

— Да ведь это ничем не отличается от китайских блюд!

— Конечно, — согласился Орк. — Китайцы первыми высадились на Марсе, по-моему, в девяносто седьмом году. Поэтому все, что они там едят, называется марсианской пищей. Понятно?

— Да, — кивнул Блейн.

— К тому же это блюдо приготовлено из настоящих марсианских овощей, а также растений и специй, подвергшихся мутации. По крайней мере, так говорится в рекламе.

Блейн не знал, радоваться или огорчаться. Однако с аппетитом съел «с'кио-Оурхэр», напоминавший рагу из креветок с лапшой, и «тррджат» — рулет из яичного теста с тушеными овощами.

— Почему у блюд такие странные названия? — спросил Блейн, заказывая на десерт «хггсхрт».

— Господи, приятель, ты действительно приехал из медвежьего угла! — засмеялся Орк. — Эти китайцы,

поселившиеся на Марсе, решили полностью акклиматизироваться. Они расшифровали марсианские надписи на скалах и тому подобное, и начали говорить по-марсиански — с заметным кантонским акцентом, по-моему, но никто не обратил на это внимания. Они говорят по-марсиански, одеваются по-марсиански, думают по-марсиански. Попробуй только назвать одного из них китайцем — он тут же врежет тебе за оскорбление. Он — марсианин, приятель!

Принесли «хгтсхрт», оказавшийся миндальным пирожным.

Орк расплатился по счету. Выходя из ресторана, Блейн спросил:

— А сколько здесь марсианских прачечных?

— Тьма-тьмущая. Страна переполнена ими.

— Я так и думал, — удовлетворенно кивнул Блейн, с уважением подумав о марсианских китайцах и их верности старым традициям.

Они остановили гелитакси, которое доставило их в «Гринз Клуб» — заведение, которое приятели Орка в Фениксе настоятельно рекомендовали посетить. Этот маленький дорогой клуб с интимной атмосферой славился во всем мире и побывать в нем надлежало каждому гостю Нью-Йорка. «Гринз Клуб» являлся уникальным заведением: только здесь посетители могли насладиться зрелищем развлекательного шоу, участниками которого были растения.

Блейна и Орка посадили на маленьком балконе, рядом с центральной частью зала, огороженной стеклянной стеной. Столики, за которыми сидели посетители, размещались вокруг зала на трех уровнях. За стеклянным ограждением, ярко освещенным прожекторами, виднелось несколько квадратных яров джунглей, растущих в питательном растворе. Искусственный ветерок шевелил листья растений, расположенных вплотную друг к другу, самых разных цветов, размеров и форм.

Блейну никогда не приходилось видеть, чтобы растения так вели себя. Они росли с фантастической быст-

ротой, из крошечных семян и маленьких корешков превращались в огромные кусты, деревья, покрытые грубой корой, приземистые папоротники, гигантские цветы; все это покрывали зеленые грибки и пятнистые лианы. Растения стремительно развивались, быстро завершали свой жизненный цикл и гибли, успев оставить семена, из которых снова начинали развиваться растения. Однако ни один вид не повторял своих предшественников. Из семян и перезревших плодов вырастали мутанты, меняющиеся и приспособляющиеся к окружающей среде, борющиеся за место для корней в питательном растворе внизу и воздушном пространстве вверху, стремящиеся к сияющему искусственному солнцу. Потерпевшие поражение в борьбе тут же превращались в растения-паразиты, обвивали и душили деревья, и тут обнаруживалось, что на них тоже начинают паразитировать какие-то новые растения. Иногда то или иное растение, проявив непобедимое честолюбие, одерживало верх над всеми, преодолеvalo препятствия, душило противников и завоевывало жизненное пространство. Но прямо из него начинали расти новые виды, покоряли его, валили наземь и вели борьбу на побежденном трупе. Временами на джунгли нападала эпидемия какой-то плесени, уничтожавшей все живое в торжестве своей победы. Но и тут сразу возникали дерзкие растения, пускающие корни в слое плесени и гниющих останков, и борьба возобновлялась. Растения все время менялись, становились то больше, то меньше, превосходили самих себя в борьбе за существование. Однако ни смелость, ни хитрость, ни способность приспособляться не приводили к окончательному успеху. Ни одно растение не могло одержать победу и неизменно погибало.

Зрелище встревожило Блейна. Неужели это фаталистическое, хоть и пышное, зрелище олицетворяет собой суть двадцать второго века? Он взглянул на Орка.

— Это действительно впечатляет, — произнес Орк. — Подумать только, что проделывают в нью-йоркских лабораториях с быстрорастущими мутантами! Все это причудливое шоу, конечно. Они всего лишь ускоряют рост, создают ситуацию, препятствующую выживанию, облучают растения жесткой радиацией и предоставля-

ют возможность бороться за существование. Говорят, эти растения растрачивают свой растительный потенциал меньше чем за двадцать часов, после чего их приходится заменять.

— Так вот к чему все это приводит, — заметил Блейн, наблюдая за мучающимися, но не теряющими оптимизма джунглями. — К постоянной замене.

— Разумеется, — подтвердил Орк, избегая философских рассуждений. — Хозяева клуба могут позволить себе это, принимая во внимание здешние цены. И все-таки это ненормально. Давай-ка я лучше расскажу тебе о песчаных растениях в Аризоне.

Блейн пил виски и следил, как растут, умирают и обновляются джунгли. Одновременно он слышал голос Орка: «...прямо на раскаленной поверхности пустыни. Уверяю тебя. Наконец, нам удалось акклиматизировать фруктовые деревья и овощи к суровым условиям пустыни без увеличения водоснабжения, причем при таких затратах, что позволяют нам конкурировать с плодородными районами страны. Уверяю тебя, приятель, через пятьдесят лет само понятие «плодородие» изменится. Возьми Марс, например...»

Они вышли из клуба и пошли к Таймс-сквер, заходя по дороге в бары. У Орка начало двоиться в глазах, но он уверенным голосом продолжал рассказывать об утраченном марсианском секрете выращивания растений на голом песке. «Придет день, — обещал он Блейну, — и мы узнаем, как им это удавалось без питательных растворов и фиксации влаги».

Блейн выпил так много, что его прежнее тело уже дважды потеряло бы сознание. Однако новое тело было в состоянии потреблять, казалось, неограниченное количество виски. Это было приятно — иметь тело, способное поглощать виски и не пьянеть. Нет, поспешно решил он, такое сомнительное достоинство не является достаточной компенсацией многих недостатков нынешнего тела.

Они пересекли пеструю, суматошную Таймс-сквер и вошли в бар на 44-й улице. Когда им подали заказанные коктейли, к ним подошел мужчина маленького роста в плаще и с бегающими глазками.

— Здорово, ребята, — произнес он нерешительно.

— Тебе чего, парень? — спросил Орк.

— Не хотите развлечься, ребята?

— Было бы неплохо, — ответил Орк, широко улыбаясь. — Вот только мы сами найдем, где развлечься, так что не утруждай себя.

На лице маленького мужчины появилась хитрая улыбка.

— То, что предлагаю я, вам не найти.

— Ну говори, малыш, — ободрил его Орк. — Что ты хочешь нам предложить?

— Видите ли, ребята, я могу... Черт! Копы!

Двое полицейских в синих мундирах вошли в бар, посмотрели по сторонам и вышли.

— Выкладывай, — сказал Блейн. — Что там у тебя?

— Зовите меня Джо, — произнес мужчина с заискивающей улыбкой. — Я ищу клиентов для игры в трансплант, ребята. Это самая лучшая и самая увлекательная игра в городе!

— Что это за трансплант, черт возьми? — с недоумением спросил Блейн.

Орк и Джо с удивлением уставились на него.

— Ну, дружище, не прими мои слова за оскорбление, но ты, по-видимому, действительно из какого-то медвежьего угла. Ты не слышал о транспланте? Провалиться мне на месте!

— Ну хорошо, я — неграмотная деревенщина, — проворчал Блейн, агрессивно приблизив свирепое, грубое, словно высеченное из гранита, лицо к физиономии Джо. — Что такое трансплант?

— Не так громко, пожалуйста! — прошептал Джо, отодвигаясь от Блейна. — Успокойся, фермер, сейчас я все объясню. Трансплант — это новая игра, при которой участники меняются телами. Может быть, ты устал от жизни? Думаешь, что испытал все удовольствия? Не торопись с выводами, пока не попробовал трансплант. Видишь ли, фермер, знающие люди утверждают, что обычный секс — это слишком скучно. Пойми меня правильно, он хорош для птичек, пчелок, зверей и прочих существ, у которых мало воображения. Он все еще волнует их простые звериные сердца, и можем ли мы винить их в этом? Да и для размножения секс остается главным и лучшим сред-

ством. Но если хочешь получить настоящее удовольствие, попробуй трансплант.

Трансплант — игра демократическая, ребята. Она дает вам возможность переселиться в тело кого-то другого и испытать его ощущения. Она даже поучительна и продолжается там, где заканчивается секс. Тебе хотелось когда-нибудь побывать на месте темпераментного латинянина и испытать его чувства, приятель? Трансплант предоставляет такую возможность. Тебе не приходило в голову, что испытывает настоящий садист? Опять же обратиться к транспланту. И ты сумеешь испытать еще очень много разных ощущений, очень много! Например, зачем всю жизнь оставаться мужчиной? Ты уже сумел доказать свою мужественность, зачем еще понапрасну стараться? Разве не интересно некоторое время побыть женщиной, а? С помощью транспланта можно пережить потрясающе приятные моменты в жизни наших специально подобранных очаровательных девочек.

— Подглядывать за другими — извращение, — заметил Блейн.

— Слышал я все эти ученые слова, — отозвался Джо, — они только вводят в заблуждение. Здесь нет никакого подглядывания. При транспланте ты не смотришь, нет, ты сам находишься внутри того тела, которое выбрал, ощущаешь движение мускулов, трепет нервов, все его восхитительные эмоции. Представь себе, фермер, что ты превратился в тигра и гонишься за тигрицей в период спаривания, а? У нас есть тигр, и тигрица тоже. Неужели тебе никогда не хотелось испытать ощущения садиста, мазохиста, некрофила, фетишиста и других? Трансплант поможет тебе. Наш каталог тел, в которых можно оказаться, разнообразнее энциклопедии. Приняв участие в транспланте, ребята, вы не прогадаете, а цены до смешного низкие...

— Пошел вон! — рявкнул Блейн.

— Не понимаю, приятель.

Огромная рука Блейна схватила Джо за лацканы плаща. Он легко оторвал его от земли и уставился ему в глаза разъяренным взглядом.

— Убирайся отсюда со своими извращениями, ублюдок, — прошипел Блейн. — Такие, как ты, соблазняли людей разными пороками со времен Вавилона, но парней вроде меня этим не собьешь с толку. Выметайся отсюда, пока я не свернул тебе шею, — чтобы испытать ощущения садиста.

Блейн опустил его на пол. Джо поправил плащ и нервно улыбнулся.

— Не обижайся, приятель, я ухожу. Сегодня у меня не слишком удачный день, однако все может перемениться, верно? Трансплант — это твое будущее, фермер. Стоит ли противиться этому?

Блейн шагнул вперед, но Орк удержал его. Маленький мужчина поспешил скрыться.

— Не стоит связываться, — сказал Орк. — Можешь попасть в полицию. Мы живем в печальном, развращенном и грязном мире, дружище. Лучше выпей.

Блейн залпом проглотил свое виски, все еще кипя от ярости. Трансплант! Если это самое популярное развлечение 2110 года, то оно ему даром не нужно. Орк прав: это печальный, развращенный и грязный мир. Даже у виски какой-то странный привкус...

Он схватился за стойку бара, чтобы не упасть. Действительно, у виски очень странный вкус. Что это с ним? У него кружится голова...

Блейн почувствовал руку Орка у себя на плечах.

— Ну-ну, мой старый приятель слегка перебрал, — услышал он его голос. — Я сейчас отведу его в отель.

Но ведь Орк не знал, куда его вести. У Блейна не было отеля. Выходит, Орк, этот разговорчивый парень с открытым взглядом, что-то подсыпал ему в стакан, пока он разговаривал с Джо. Но зачем? Чтобы пошарить по карманам? Вряд ли, ведь Орк знал, что у Блейна нет денег.

Он попытался стряхнуть руку, стискивающую его плечи железной хваткой.

— Не беспокойся, старина, — сказал Орк, — я позабочусь о тебе.

Стены бара начали медленно вращаться вокруг Блейна. Внезапно ему пришло в голову, что ему придется многое узнать об этом 2110 годе с помощью сомнительного метода непосредственного участия. Да-

же слишком многое, подумал он запоздало. Может быть, все-таки лучше было бы ознакомиться с двадцать вторым веком в какой-нибудь библиотеке, чихая от книжной пыли.

Все вокруг вращалось все быстрее и быстрее. Блейн потерял сознание.

Глава 6

Он пришел в себя в маленькой, тускло освещенной комнате без окон, дверей и какой-либо мебели, лишь в углу потолка виднелось вентиляционное отверстие, закрытое решеткой. Потолок и стены были покрыты мягкой обивкой, которую давно не чистили. От нее дурно пахло.

Блейн попытался сесть, и словно две раскаленные иглы тут же пронзили его глаза. Он снова лег.

— Не спеши, — слышался чей-то голос. — Расслабься. После такого снотворного не сразу приходишь в себя.

Он был не один в этой комнате с обитыми стенами. В углу сидел мужчина и наблюдал за ним. На нем были одни трусы. Блейн посмотрел на себя и увидел, что одет точно так же.

Он медленно сел и привалился спиной к стене. На мгновение ему показалось, что голова треснет от боли. Затем, когда в мозг впились раскаленные иглы, он испугался, что этого не произойдет.

— Где я? — спросил он.

— Мы с тобой достигли конца жизненного пути, — благодушно ответил мужчина. — Тебя упаковали и доставили сюда так же, как и меня. Теперь осталось одно — обвязать ленточкой и приклеить этикетку.

Блейн не мог понять, о чем говорит мужчина. У него не было ни малейшего желания расшифровывать сленг 2110 года. Обхватив руками голову, он сказал:

— У меня нет денег. Зачем им понадобилось похищать меня?

— Брось, — заметил мужчина. — Неужели не понимаешь? Им нужно твоё тело, приятель!

— Мое тело?

— Вот именно. Твое тело. Для пересадки сознания.

«Тело для пересадки, — подумал Блейн, — вроде того, в котором я сейчас нахожусь. Все ясно. Когда думаешь об этом, все становится очевидным. В этом веке необходим запас тел для самых разных целей. Но где их найти? Ведь человеческие тела не растут на деревьях, их не достать из-под земли. Их можно только отнять у других людей. Однако большинство людей не согласны продавать свои тела; жизнь без них теряет смысл. Итак, каким же образом пополнять запас?

Да очень просто. Найти ротозея, подсыпать ему снотворное в стакан, спрятать его, извлечь сознание — и получай его тело».

Складывалась интересная цепочка логических заключений, но продолжать ее Блейну оказалось не под силу. Судя по всему, его голова решила все-таки треснуть.

Когда головная боль стихла, Блейн сел и увидел перед собой бутерброд на бумажной тарелочке и чашку с каким-то темным напитком.

— Ешь, ешь, не бойся, — послышался голос мужчины, — о нас хорошо заботятся. Говорят, цена тела на черном рынке уже почти четыре тысячи долларов.

— На черном рынке?

— Что с тобой, приятель? Проснись! Неужели не знаешь, что существует черный рынок тел, такой же, как открытый?

Блейн отпил из чашки — темный напиток оказался обычным кофе. Мужчина представился: Рей Мелхилл, механик с космолета «Бремен». Ему было примерно столько же, сколько Блейну — коренастый, рыжеволосый, курносый мужчина с чуть выступающими передними зубами. Даже в таком печальном положении он не терял присутствия духа, веселой уверенности человека, не сомневающегося, что выход всегда найдется. Его веснушчатая кожа была очень белой, и на ней

резко выделялось маленькое красное пятно на шее — след давнишнего радиационного ожога.

— Глупо с моей стороны, — покачал головой Мелхилл. — Но мы только что вернулись из трехмесячного полета к поясу астероидов, и мне захотелось гульнуть как следует. Все обошлось бы, но я отстал от ребят из экипажа, вот и оказался в какой-то конуре с девчонкой. Она подсыпала мне снотворное в коктейль, и очнулся я уже здесь. — Он прислонился к стене и заложил руки за голову. — Подумать только, и это случилось именно со мной! Я всегда говорил парням, чтобы они были настороже. «Не ходите поодиночке, только все вместе», — твердил я. Понимаешь, я не так боюсь умереть, как испытываю отвращение при мысли о том, что эти ублюдки продадут мое тело какому-нибудь жирному старому крестину, чтобы он получил возможность наслаждаться жизнью еще лет пятьдесят. Вот что пугает меня больше всего — грязный старый мерзавец будет носить мое тело. Господи!

Блейн уныло кивнул.

— Ну вот, я рассказал тебе свою печальную историю, — улыбнулся Мелхилл, к которому вернулось хорошее настроение. — А что случилось с тобой?

— Рассказ о моих приключениях будет довольно длинным, — ответил Блейн, — и временами может показаться неправдоподобным. Тебе действительно интересно?

— Да, конечно. У нас много времени. По крайней мере, надеюсь, что у нас его много.

— О'кэй. Все началось в 1958 году. Погоди, не перебивай. Я ехал в своем автомобиле...

Закончив рассказ, Блейн откинулся к стене и глубоко вздохнул.

— Ты-то хоть веришь этому? — спросил он.

— Конечно. Путешествия во времени — штука известная. Правда, они незаконны и очень дороги. А эти парни из «Рекса» плевать хотели на законы.

— Девушки тоже, — добавил Блейн; Мелхилл усмехнулся.

Некоторое время они сидели и молчали. Затем Блейн спросил:

— Значит они используют наши тела для пересадки?

— Да, конечно.

— И когда это случится?

— Как только найдут состоятельного клиента. Я просидел здесь с неделю — насколько понимаю. Любой из нас может потребоваться каждую секунду. А может, пройдет неделя-другая.

— Но перед этим будет стерто наше сознание?

Мелхилл кивнул.

— Но ведь это убийство!

— Разумеется, — согласился Мелхилл. — Правда, пока мы еще живы. Вдруг копы нагрянут с облавой.

— Сомневаюсь.

— Я тоже. Слушай, у тебя есть страховка потусторонней жизни? Тогда ты останешься в живых и после смерти.

— Я атеист, — покачал головой Блейн, — и не верю в потустороннее существование.

— Я тоже. Но жизнь после смерти — научно установленный факт.

— Глупости, — раздраженно проворчал Блейн.

— Уверяю тебя. Это убедительно доказано.

Блейн уставился на молодого астронавта.

— Рей, — попросил он. — Расскажи мне об этом, а? Обо всем, что произошло после 1958 года.

— Это сложно, — сказал Мелхилл, — да и образование у меня не ахти какое.

— Пусть у меня будет хоть какое-то представление. Что это за потусторонняя жизнь? Переселение душ, трансплантация и тела, которые необходимы для продолжения жизни людей? Что вообще происходит?

Мелхилл уселся поудобнее.

— Попробую. Итак, 1958 год. Через несколько лет высадились на Луне, а потом и на Марсе. Затем была небольшая война с русскими из-за астероидного пояса — далеко отсюда, в глубоком космосе. Или мы воевали с китайцами? Не помню.

— Неважно, — мотнул головой Блейн. — Меня интересует переселение душ и жизнь после смерти.

— Ну хорошо. Попытаюсь рассказать, как учили нас в школе. Помню, был предмет под названием «Основы психического выживания», но прошло много времени, и я мало что помню. Итак. — Мелхилл сосредоточился. — Цитирую: «С давних времен человек ощущал присутствие невидимого духовного мира, и его не оставляла мысль, что он сам попадает в этот мир после смерти своего тела». Ты, наверное, и сам знаешь о древнем мире, о египтянах, китайцах, европейских алхимиках и тому подобном, поэтому перейду прямо к Райну. Он жил в твоём веке, преподавал в университете Дьюка, исследовал психические явления. Слышал о нём?

— Да, конечно, — кивнул Блейн. — И что он открыл?

— Вообще-то ничего. Но он дал толчок исследованиям в этой области. Затем этими проблемами начал заниматься Кралск в Вильнюсе и добился заметных успехов. Это произошло в 1987 году, когда «Пираты» выиграли первенство по бейсболу — впервые. А примерно в 2000 году появился Ван Ледднер. Он создал общую теорию потусторонней жизни, но не сумел представить достаточно убедительные доказательства. И вот на сцене появился профессор Майкл Вэннинг. Именно ему удалось доказать, что люди живут и после смерти. Он сумел вступить в контакт с ними, говорил и записывал эти беседы и тому подобное. Профессор Вэннинг представил абсолютно достоверные, прямо-таки железные научные доказательства существования жизни после смерти. Разумеется, это вызвало массу споров, религиозных дискуссий. Разногласия. Огромные заголовки в газетах. Знаменитый профессор из Гарвардского университета по имени Джеймс Арчер Флинн взялся доказать, что все это обман. Спор между ним и Вэннингом продолжался годами.

Состарившись, Вэннинг решился на отчаянный шаг. Он закрыл в сейфе массу документов, часть материалов спрятал здесь и там, рассеял повсюду кодовые слова и пообещал вернуться из потустороннего мира, как Гудини, который пообещал, но не вернулся. Затем...

— Извини меня, — прервал его Блейн, — если действительно есть жизнь после смерти, почему Гудини не вернулся?

— Все очень просто, но я буду рассказывать по порядку. Не перебивай, пожалуйста. Короче, Вэннинг покончил с собой, оставив длинную предсмертную записку, в которой шла речь о бессмертной душе человека и неуклонном прогрессе человеческой расы. Эта записка перепечатана во многих антологиях. Позднее выяснилось, что эта записка написана не им, а другим человеком, но это к делу не относится. Так о чем я говорил?

— Вэннинг покончил самоубийством.

— Ага. Так вот, будь я проклят, если он не вступил потом в контакт с профессором Джеймсом Арчером Флинном и не сообщил ему, где найти спрятанные материалы. В результате все сомнения исчезли, приятель. Существование жизни после смерти было доказано и стало научным фактом. — Мелхилл встал, потянулся и снова сел. — Институт Вэннинга обратился ко всем с призывом не спешить, — продолжил он, — чтобы избежать массовой истерики, но безуспешно. Следующие пятнадцать лет вошли в историю как Годы Безумия. — Мелхилл улыбнулся и облизнул губы. — Жаль, что меня тогда еще не было. Все решили, что больше нет никаких запретов. Что бы ты ни делал, греша или любя, вечное блаженство ждет тебя, — появилась в то время такая поговорка. Праведник ты или грешник, тебе обещана жизнь после смерти. Убийца и священник войдут в мир иной на равных основаниях. Так что наслаждайтесь жизнью сейчас, парни и девчонки, наслаждайтесь своей плотью, потому что после смерти существование будет только духовным. Вот они и принялись за работу. Наступила анархия. Возникла новая религия, называющая себя «Познание». Ее пророки утверждали, что людям следует испытать все, от самого хорошего до ужасного, от благородного до подлого, потому что потусторонняя жизнь представляет собой всего лишь вечное воспоминание пережитого за период телесного существования. Так что не стесняйтесь ни в чем, именно для этого вы и появились на свет, в противном случае вам будет не о чем вспоминать в той жизни. Удовлетворяйте все свои желания, каждую похоть, загляните в свои самые черные глубины. Живите на всю катушку и умирайте точно так же. Все словно сошли с ума. Фана-

тики основывали клубы мучений, общества пыток, создавали энциклопедии страданий и боли. Они коллекционировали пытки подобно тому, как домашние хозяйки собирают кулинарные рецепты. Во время каждого собрания такого клуба один из его членов добровольно становился жертвой, и его убивали самым страшным и мучительным способом. Им хотелось испытать все — абсолютное наслаждение и абсолютную муку. Думаю, это им удалось. — Мелхилл вытер лоб и сказал уже более спокойно: — Я почитал кое-что о Годах Безумия.

— Я уже обратил внимание, — сказал Блейн.

— По-своему очень интересно. Однако скоро поступила потрясающая новость. Институт Вэннинга не прекращал экспериментировать, и в 2050 году, когда Годы Безумия были в самом расцвете, ученые объявили результаты своих исследований, ошелобившие всех: потусторонняя жизнь действительно существует, в этом нет сомнения, однако не для всех!

Блейн мигнул, но промолчал.

— Мир был потрясен. Институт Вэннинга сообщил, что им удалось получить неопровержимые доказательства того, что только один человек из миллиона остается жить после смерти, тогда как все остальные — бесчисленные миллионы — просто умирают, как пламя свечи. Пуфф — и все. Ничего больше. Никакой потусторонней жизни, никакого вечного существования.

— Почему? — спросил Блейн.

— Видишь ли, Том, я и сам не разобрался в причинах, — произнес Мелхилл. — Если бы ты спросил меня относительно механики потока, тут я в своей стихии, а вот человеческая психика — это не моя область. Так что потерпи, пока я попытаюсь вспомнить, что прочитал в книгах. — Он потер лоб. — То, что остается или не остается после смерти, — это сознание. На протяжении тысячелетий люди спорили между собой, пытаясь выяснить, что такое сознание, где и как оно взаимодействует с телом, и тому подобное. Мы так и не сумели решить эти проблемы, но рабочие гипотезы у нас есть. В настоящее время сознанием считается мощная энергетическая сеть, создаваемая телом, управляемая им и в свою очередь влияющая на тело человека. Это понятно?

— Вроде понятно. Продолжай.

— Таким образом, насколько я понимаю, сознание и тело взаимосвязаны между собой и взаимодействуют друг с другом. Однако сознание может, кроме того, существовать и независимо от тела. По мнению многих ученых, самостоятельно существующее сознание представляет собой следующую ступень в эволюции человека. Через миллион лет, считают они, нам даже не понадобится иметь телесную оболочку — за исключением, возможно, непродолжительного инкубационного периода. Лично я сомневаюсь, что человеческая раса просуществует еще миллион лет. Мне кажется, что этого она просто не заслуживает.

— Я согласен с тобой, — ответил Блейн. — Но давай вернемся к потусторонней жизни.

— Итак, мы говорили о мощной энергетической сети, создаваемой человеком. Когда тело умирает, эта сеть должна продолжать свое существование, подобно бабочке, вылетевшей из кокона. Смерть — это всего лишь освобождение сознания от телесной оболочки. В действительности все происходит иначе из-за шока, сопровождающего смерть. По мнению некоторых ученых, этот шок представляет собой природный механизм освобождения сознания от тела. Но этот механизм начинает действовать слишком агрессивно, и потому его воздействие оказывается чрезмерным. Процесс умирания является психическим шоком исключительной силы, и энергетическая сеть почти всегда разрывается при этом на части. Восстановиться она уже не в силах, происходит ее окончательное разрушение, и наступает гибель не только телесной оболочки человека, но и его сознания.

— Выходит, Гудини не вернулся именно по этой причине? — спросил Блейн.

— Не только он, но и почти все остальные. Дальше произошло следующее. Люди задумались о будущем, и это положило конец Годам Безумия. Институт Вэннинга продолжал работать. Его сотрудники изучали учение йогов и тому подобное, но уже с научной точки зрения. Понимаешь, некоторые восточные религии достигли в этой области немалых успехов. Они стремились укрепить сознание, усилить веру человека в существование жизни после смерти. К этой же цели стремится инсти-

тут Вэннинга — так укрепить энергетическую сеть, чтобы шок смерти не разрушал ее.

— Ну и что? Им удалось добиться своей цели?

— Еще бы! Примерно в это время институт Вэннинга изменил свое название. Он стал называться «Потусторонняя жизнь, инкорпорейтед».

— Да, сегодня я проходил мимо их здания, — кивнул Блейн. — Погоди-ка! Ты говоришь, что они нашли способ укрепить сознание? Значит, люди больше не умирают? Все переходят в потусторонний мир?

На лице Мелхилла появилась язвительная улыбка.

— Не будь простаком, Том. Думаешь, они решили облагодетельствовать человечество? Этого еще не хватало! Укрепление сознания представляет собой сложный электрохимический процесс, и они берут за него огромные деньги.

— Значит, только богатые попадают в рай? — спросил Блейн.

— А ты как думал? Что туда пустят всех желающих? Держи карман шире.

— Понимаю, — ответил Блейн. — Но разве нет других методов укрепления сознания? Например, йога. Или, скажем, «дзэн».

— Есть, конечно, — согласился Мелхилл. — Существует по крайней мере дюжина методов выживания, испытанных и одобренных правительственными организациями. Дело, однако, в том, что для овладения этими методами требуется не меньше двадцати лет напряженного труда. Обычному человеку это не под силу. Нет, дружище, если не пользоваться помощью сложнейших аппаратов, попасть в потустороннюю жизнь невозможно.

— А этими аппаратами владеет только «Потусторонняя жизнь, инкорпорейтед»?

— Нет, почему же. Есть пара других корпораций, таких, как «Академия жизни после смерти» и компания «Царство небесное, лимитед», однако стоимость подготовки примерно одинакова. Правительство занялось сейчас страховкой жизни после смерти для всех желающих, но до практического осуществления еще далеко, и нам это не поможет.

— Да, пожалуй, — согласился Блейн.

На мгновение перед ним пронеслась ослепительная мечта: конец всем страхам о предстоящей смерти, уверенность в вечном существовании, в том, что процесс развития и совершенствования личности не прекратится с распадом телесной оболочки, навязанной тебе случаем и наследственностью. Однако все это оказалось неосуществимым. Развитие его сознания не будет беспредельным. Будущим поколениям это может помочь, но не ему.

— А как относительно переселения душ в тела других людей?

— Уж тебе-то это должно быть хорошо известно, — заметил Мелхилл. — Тебя переселили в тело другого мужчины. Перемещение сознания из одного тела в другое — операция несложная, это тебе скажут многие специалисты по транспланту. Правда, трансплант представляет собой временное перемещение сознания и не связан с постоянным переселением первоначального сознания, тогда как переселение сознания в тело человека, уже освобожденного от его бывшего владельца, является постоянным. Дело в том, что, во-первых, необходимо стереть все следы сознания первоначального владельца. Во-вторых, сам переход сознания в новое тело связан с немалой опасностью. Видишь ли, иногда случается, что сознание не может проникнуть в нужное тело и гибнет, делая одну бесплодную попытку за другой. Случается, что подготовка к потусторонней жизни не выдерживает попытки переселения в другое тело. Если сознание не сумеет переселиться в приготовленное для него тело, оно гибнет.

Блейн кивнул, понимая теперь, почему Мэри Торн считала, что Рейли лучше умереть. Ее мнение основывалось прежде всего на интересах самого Рейли.

— Почему люди, владеющие страховкой на жизнь после смерти, все-таки пытаются перебраться в другое тело? — спросил он.

— Да потому, что некоторые старики ужасно боятся смерти, — ответил Мелхилл. — Они боятся потусторонней жизни, духовное существование наводит на них страх. Им хочется жить здесь так, как они привыкли. Поэтому они покупают человеческое тело на открытом рынке, совершенно законно, причем выбирают то, ко-

торое им больше нравится. Если на открытом рынке подходящее тело отсутствует, они обращаются на черный рынок. Там они находят одно из наших тел, приятель!

— Значит, тела на открытом рынке продаются добровольно?

Мелхилл кивнул.

— Разве есть люди, добровольно желающие продать собственное тело?

— Разумеется. Какой-нибудь бедняк, потерявший всякую надежду на успех в жизни. В соответствии с существующим законодательством он получает компенсацию за свое тело в виде страховки на жизнь после смерти. Фактически он вынужден соглашаться на то, что ему предлагают.

— Но нужно быть сумасшедшим, чтобы пойти на такое!

— Ты так считаешь? — спросил Мелхилл. — Сегодня, как и раньше, мир полон неграмотных, больных, голодных, не имеющих профессии людей. И у них, как правило, есть семьи. Представь себе, что у них нет денег, чтобы накормить детей? Единственной ценностью, которую можно продать, является тело. В твоем веке не было даже этого.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Блейн. — Что касается меня, я никогда не продам свое тело, как бы плохо мне ни было.

Мелхилл расхохотался.

— А ты силен, парень! Неужели ты не понимаешь, Том, что у тебя возьмут тело бесплатно?

Блейн молчал, не зная, что ответить.

Глава 7

В камере со стенами, покрытыми мягкой обивкой, время тянулось медленно. Блейна и Мелхилла снабжали книгами и журналами, их часто и хорошо кормили, правда пищу подавали на картонных блюдечках и в бумажных стаканчиках. Днем и ночью за ними внимательно следили, чтобы они не причинили вреда своим ценным телам.

Их держали вместе, потому что одиночество переносить труднее, и бывали случаи, когда люди в одиночестве сходили с ума, а безумие наносит неисправимый ущерб важным клеткам головного мозга. Им даже предоставили возможность заниматься физическими упражнениями — под неусыпным надзором, — чтобы тела сохранялись в хорошей форме до того момента, когда они поступят в распоряжение новых владельцев.

Блейн начал испытывать все растущее чувство привязанности к своему массивному, крепкому телу, с его могучими мышцами, которое получил совсем недавно, и с которым ему предстояло скоро расстаться. Вообще-то таким телом следует гордиться, думал он, оно просто великолепно. Правда оно не отличалось особой грацией, но значение грации часто преувеличивают. Блейн подозревал, что его новое тело не подвержено приступам сенной лихорадки, подобно прежнему, оставленному в 1958 году, да и зубы были куда лучше прежних.

В общем, даже если отбросить все моральные соображения, с таким телом расставаться не хотелось.

Однажды они едва успели позавтракать, как часть стены, покрытой мягкой обивкой, распахнулась. За предохранительной стальной решеткой стоял Карл Орк.

— Привет, — сказал он, все такой же высокий, худощавый и неловкий в своей городской одежде. — Как поживает мой приятель из Бразилии?

— Сукин ты сын, — отозвался Блейн, чувствуя, что эти слова недостаточно отражают его чувства.

— Ничего не поделаешь, такова жизнь, — произнес Орк. — Ну что, парни, хорошо ли вас кормят?

— Мерзавец! А как рассказывал о своем ранчо в Аризоне!

— Я действительно арендую там ранчо, — отозвался Орк. — Надеюсь скоро переселиться туда и заняться выращиванием овощей и фруктов в условиях пустыни. Думаю, что знаю про Аризону куда больше, чем многие ее уроженцы. Однако аренда стоит немалых денег, да и страхование потусторонней жизни тоже обходится недешево. Каждый добывает средства к существованию, как умеет.

— Стервятник тоже добывает пищу, как умеет, — заметил Блейн.

— Это бизнес, — тяжело вздохнул Орк, — и, мне кажется, он ничуть не хуже любого другого. Мы живем в жестоком мире. Когда-нибудь, сидя на крыльце своего маленького ранчо в пустыне, я, наверное, пожалею обо всем, что делал.

— У тебя ничего не выйдет, — сказал Блейн.

— Это почему?

— Да потому. Наступит момент, когда одна из твоих жертв заметит, что ты подсыпаешь что-то в стакан, и ты кончишь жизнь в канаве с разбитой головой. Таким будет твой конец.

— Конец моего тела, — поправил его Орк. — Мое сознание переместится в райскую потустороннюю жизнь. Я полностью оплатил страховку, приятель, и попаду на небо.

— Ты не заслуживаешь этого!

Орк усмехнулся, и даже Мелхилл не сумел сдержать улыбку.

— Мой глупый бразильский приятель, — покачал головой Орк, — вопрос о том, кто заслуживает потустороннюю жизнь, а кто — нет, даже не возникает. Жаль, что ты этого так и не понял. Жизнь после смерти — не для праведных и добрых людишек, как бы они ее ни заслуживали. Туда попадают настойчивые парни с туго набитыми карманами, стремящиеся добиться успеха во что бы то ни стало. Именно их души вознесутся на небо после смерти.

— Я не верю в это, — проворчал Блейн. — Это несправедливо!

— А ты, я вижу, идеалист, — с интересом заметил Орк, глядя на Блейна, как на последнего сохранившегося в мире моа.

— Называй меня, как хочешь. Может быть, тебе и удастся сохранить жизнь после смерти, Орк. Но мне кажется, что в потусторонней жизни для тебя приготовлено место, где ты будешь гореть на вечном огне!

— Научных доказательств адского огня не существует, — покачал головой Орк. — Правда, мы мало что знаем о потусторонней жизни. Может быть, мне действительно придется гореть в аду. Я не исключаю даже, что там, в голубых небесах, действует фабрика, в которой собирают в единое целое разрушенное сознание таких, как ты... Однако не будем спорить об этом. Извини, но время пришло.

Орк быстро отошел в сторону. Стальная решетка распахнулась, и в камеру вошли пятеро мужчин.

— Нет! — послышался истерический крик Мелхилла.

Мужчины окружили астронавта. Они ловко увернулись от его кулаков и схватили за руки. Один из них сунул ему в рот кляп, затем его потащили к выходу.

В дверях появился Орк.

— Отпустите его, — раздраженно бросил он.

Мужчины отпустили Мелхилла.

— Идиоты, вы перепутали, — сказал Орк. — Нам нужен другой, — и он показал на Блейна.

Блейн приготовился к тому, что лишится друга, и потому внезапная перемена хода событий застала его врасплох. Не успел он пошевелиться, как его скрутили.

— Извини, — произнес Орк, когда Блейна выводили из камеры. — Клиент оговорил в своем заказе именно такую фигуру и цвет кожи.

Блейн пришел в себя и попытался вырваться.

— Я убью тебя! — крикнул он. — Клянусь, я убью тебя!

— Осторожно, не причините ему вреда, — равнодушно бросил Орк, глядя на Блейна ледяным взглядом.

Ему закрыли лицо мокрой тряпкой. Блейн почувствовал тошнотворно-сладкий запах хлороформа. Последнее, что он увидел, — побелевшее лицо Мелхилла, стоявшего у стальной решетки.

Глава 8

Придя в себя, Томас Блейн прежде всего осознал, что он все еще Томас Блейн и по-прежнему является владельцем собственного тела. Доказательство было очевидным и не нуждалось в дополнительных поисках. Его сознание не было стерто — по крайней мере, пока.

Он лежал на диване, одетый. Прислушался к шагам, приближающимся к двери, и сел.

Они, по-видимому, переоценили воздействие хлороформа. Значит, у него еще есть шанс!

Блейн встал и быстро спрятался за дверь. Она открылась, и кто-то вошел в комнату. Блейн сделал шаг вперед и замахнулся. В последнее мгновение ему удалось сдержать силу удара, но здоровенный кулак все-таки угодил в прелестный подбородок Мэри Торн. Колени девушки подогнулись, Блейн подхватил ее и отнес на диван. Через несколько минут она пришла в себя и сердито взглянула на него.

— Блейн, вы идиот, — сказала девушка.

— Но ведь я не знал, кто это, — попытался оправдаться Блейн и тут же почувствовал, что это неправда.

Он понял, что это Мэри Торн, за долю мгновения до того, как его мозг отдал команду нанести удар, и великодушное, послушное, быстро реагирующее на команды тело могло сдержать удар. Однако бессознательная, слепая ярость легко победила разум, искусно воспользовалась секундным замешательством и срочностью ситуации, чтобы избежать ответственности, заставила Блейна нанести удар этой холодной, бесчувственной мисс Торн, отомстить ей.

Происшедшее напомнило о том, о чем Блейну совсем не хотелось вспоминать.

— Мисс Торн, для кого вы купили мое тело? — спросил он.

Девушка бросила на него уничтожающий взгляд.

— Для вас, поскольку вы сами не могли о нем должным образом позаботиться.

Значит, смерть ему не угрожает. В его тело не вселится грязный жирный старик, развеяв его душу по ветру. Отлично! Ему так хотелось жить. Правда, было бы лучше, если бы его спас кто-нибудь другой, а не Мэри Торн.

— Я мог бы позаботиться о своем теле куда лучше, если бы меня познакомили с окружающим миром, — заметил Блейн.

— Именно это я и собиралась сделать. Почему вы не подождали?

— После того, что вы мне сказали?

— Извините, что я обошлась с вами так бесцеремонно, — ответила девушка. — Меня расстроило решение мистера Рейли отменить рекламную кампанию. Но разве вы не поняли этого? Если бы я была мужчиной...

— Но вы не мужчина, — заметил Блейн.

— Какая разница? У вас, по-видимому, сохранились странные, устаревшие взгляды на роль женщины и ее положение в обществе.

— Я не считаю их странными, — покачал головой Блейн.

— Еще бы. — Она потрогала подбородок — там уже появился синяк и слегка напухло. — Ну что, будем считать, что мы квиты? Или вам хочется ударить меня еще раз?

— Нет, одного раза вполне достаточно.

Мэри Торн встала с дивана и пошатнулась. Блейн обнял ее за талию, чтобы поддержать, — и смутился. Ему казалось, что стройное тело девушки сделано из стальных мускулов, — на самом деле он почувствовал под ладонью упругую и удивительно мягкую плоть. Стоя совсем рядом, он видел, что из тугой прически выбилось несколько прядей, и на лбу, у самой линии волос, заметил крошечную родинку. В это мгновение

девушка перестала быть для него абстрактной фигурой и превратилась в живого человека.

— Я не упаду и без вашей помощи, — сказала она. Блейн убрал руку.

— При данных обстоятельствах, — произнесла девушка, глядя на него пристальным взглядом, — наши отношения должны оставаться чисто деловыми.

Ну и чудеса! Внезапно Мэри Торн тоже взглянула на него, как на человека; она увидела в нем мужчину, и это обеспокоило ее. От этой мысли Блейн почувствовал немалое удовольствие. Нельзя сказать, что Мэри Торн нравилась ему, или он чувствовал к ней чисто физическое влечение. Однако ему очень хотелось вывести ее из равновесия, поцарапать гладкий фасад, поколебать это невероятное самообладание.

— Разумеется, мисс Торн, — ответил Блейн.

— Я рада, что вы придерживаетесь этой точки зрения, — улыбнулась она. — Откровенно говоря, вы — не мой тип мужчины.

— А какой тип вы предпочитаете?

— Мне нравятся высокие худошавые мужчины, — объяснила девушка, — утонченные, образованные, умеющие вести себя в обществе.

— Но ведь я...

— Может быть, позавтракаем? — заметила мисс Торн. — Потом с вами хочет побеседовать мистер Рейли. Мне кажется, он намеревается сделать вам какое-то предложение.

Блейн вышел за ней из комнаты, кипя от гнева. Может быть, она издевается над ним? Высокие, худошавые, умеющие вести себя в обществе! Черт побери, ведь именно таким он и был раньше! Да и сейчас остается таким внутри этого мускулистого тела белобрысого борца, — вот только она не видит этого.

Непонятно, кто кого вывел из равновесия?

Когда они сели за столик в столовой «Рекс Корпорейшн», Блейн внезапно вспомнил:

— Мелхилл!

— Что?

— Рэй Мелхилл, парень, с которым я сидел в камере! Скажите, мисс Торн, а вы не могли бы выкупить и его? Как только у меня появятся деньги, я расплачусь.

Мы столько пережили вместе! Он такой хороший парень...

— Попробую, — сказала девушка, с любопытством глядя на Блейна.

Она встала и вышла из столовой. Блейн с нетерпением ждал ее возвращения, потирая руки и желая, чтобы между ними вдруг оказалась шея Карла Орка. Мэри Торн вернулась через несколько минут.

— Я говорила с Орком, — сказала она. — Мне очень жаль, но мистера Мелхилла продали через час после того, как увезли вас. Поверьте, я действительно сожалею об этом. Вот если бы я подумала об этом раньше...

— Ничего не поделаешь, — вздохнул Блейн. — Пожалуй, было бы неплохо чего-нибудь выпить.

Глава 9

Мистер Рейли сидел, выпрямившись в огромном, мягком, похожем на трон, кресле, почти теряясь в его глубине. Он был крохотным лысым старичком, чем-то напоминавшим паука. Морщинистая полупрозрачная кожа туго обтягивала его череп и кисти рук; сухожилия и суставы отчетливо вырисовывались сквозь высохшую плоть. Блейну даже показалось, что он видит, как по дряблым кровеносным сосудам медленно, словно нехотя, течет кровь и в любую минуту может остановиться. Однако вел себя мистер Рейли уверенно, и на его умном обезьяньем личике сияли глаза, полные юмора.

— Итак, вот он какой, наш человек из прошлого! — улыбнулся мистер Рейли. — Садитесь, сэр, прошу вас. И вы тоже, мисс Торн. Я только что говорил о вас с дедушкой.

Блейн невольно оглянулся, ожидая увидеть у себя над головой призрак мужчины, скончавшегося шестьдесят лет назад. Однако в богато убранной комнате с высоким потолком не было никого, кроме них троих.

— Он удался, — объяснил мистер Рейли. — Бедный дедушка может находиться в состоянии эктоплазмы очень непродолжительное время. И все-таки ему повезло куда больше, чем большинству призраков.

Выражение лица Блейна, по-видимому, изменилось, потому что Рейли спросил:

— Вы не верите в духов, мистер Блейн?

— Боюсь, что нет.

— Ну конечно! Это слово для вас, человека из двадцатого столетия, имеет иной, путающий смысл. Звон

цепей, скелеты и тому подобные глупости. Однако со временем слова меняют свое значение, меняется даже реальность по мере того, как человечество перестраивает природу.

— Понятно, — вежливо кивнул Блейн.

— Вы не верите мне, — добродушно улыбнулся мистер Рейли. — Напрасно. Подумайте о том, как менялось значение слов. В двадцатом веке слово «атом» сочеталось писателями, владеющими даром воображения, с чем угодно, — появились «атомные пушки», «атомные космоланы» и тому подобное. Абсурдное слово, и здравый человек просто не обращал на него никакого внимания, подобно тому как вы пропускаете мимо ушей все, что относится к духам. Но прошло всего несколько лет, и слово «атом» превратилось в символ реальной и неминуемой опасности для всего человечества. После этого ни один здравомыслящий человек не мог его игнорировать! — На лице мистера Рейли появилась задумчивая улыбка. — Слово «радиация» превратилось из чисто научного выражения, применявшегося лишь в учебниках, в источник раковых опухолей. В ваше время «космическая болезнь» являлась абстрактным, ничего не значащим понятием. Однако пятьдесят лет спустя оно означало больницы, наполненные искалеченными телами. Так что слова, мистер Блейн, имеют тенденцию к переменам, теряя свой прежний — абстрактный, нереальный или чисто научный смысл и приобретая практическое повседневное значение. Такое случается, когда практика догоняет теорию.

— А духи?

— Аналогичный процесс. Ваше мышление старомодно, мистер Блейн. Вам просто нужно изменить смысл, вкладываемый в это слово.

— Это будет нелегко, — возразил Блейн.

— Однако необходимо. Не забудьте, всегда было немало доказательств их существования. Иными словами, вероятность существования духов была достаточно большой. А когда жизнь после смерти превратилась в реальность, когда исчезла необходимость принимать желаемое за действительное, духи тоже стали реальным фактом.

— Я поверю в их существование только тогда, когда встречусь хоть с одним из них, — ответил Блейн.

— Рано или поздно так и произойдет, можете не сомневаться. Но перейдем к делу. Как вы чувствуете себя в нашем веке?

— Пока не слишком хорошо.

— Вижу, что охотники за телами изрядно вас напугали, а? — злорадно хихикнул мистер Рейли. — Сами виноваты: вам не следовало покидать здание корпорации, мистер Блейн. Этим вы нанесли немалый ущерб себе и нашей корпорации, естественно, тоже.

— Я виновата в этом, мистер Рейли, — заметила Мэри Торн. — Извините.

Рейли мельком взглянул на нее и снова повернул голову к Блейну.

— Это, разумеется, достойно сожаления. Если уж говорить честно, вас следовало предоставить собственной судьбе там, в 1958 году. Ваше присутствие здесь, откровенно говоря, нас изрядно смущает.

— Мне очень жаль.

— Мы с дедушкой обсудили создавшуюся ситуацию и пришли к выводу, — боюсь, несколько запоздалому, — что вас не следует использовать в рекламной кампании. Следовало бы принять это решение гораздо раньше. И все-таки решение принято, наконец. Однако, несмотря на все наши усилия, не исключено, что ваше пребывание в двадцать втором веке не удастся скрыть. Возможно даже, что правительство предпримет юридические меры против корпорации.

— Сэр, — сказала Мэри Торн, — юристы не сомневаются в твердости нашей позиции.

— Разумеется, в тюрьму нас не посадят, — согласился Рейли. — Но подумайте о том, что будут говорить. Да, что о нас скажут! «Рекс Корпорейшн» должна заботиться о своей репутации, мисс Торн! Слухи о незаконных действиях, о возможном скандале... Нет, мистеру Блейну не следует оставаться у нас в 2110 году, являясь наглядным доказательством ошибочного решения. Вот почему, сэр, я хочу сделать вам деловое предложение.

— Я вас слушаю, — ответил Блейн.

— Что если корпорация приобретет вам страховой полис на потустороннюю жизнь и таким образом гарантирует вам жизнь после смерти? Согласитесь ли вы в таком случае совершить самоубийство?

Блейн несколько раз моргнул от неожиданности.

— Нет.

— Но почему? — спросил Рейли.

На мгновение причина показалась Блейну очевидной. Разве есть живое существо, готовое покончить с собой? К сожалению, есть — это человек. Блейну пришлось задуматься, чтобы ответить.

— Начать с того, — произнес он, — что я не уверен в существовании посмертной жизни.

— Предположим, мы сумеем убедить вас в этом, — заметил Рейли. — Тогда вы согласитесь?

— Нет!

— Очень легкомысленно с вашей стороны, мистер Блейн! Подумайте о своем положении. Век, в который вы попали, чужд вам, враждебен, неудобен. Как вы собираетесь зарабатывать на пропитание? С кем вы можете говорить, да и о чем? Даже пройти по улице, каждую секунду не подвергая опасности свою жизнь, вы и то не сумеете.

— Такого больше не случится, — заверил его Блейн. — Я не был знаком с местной обстановкой.

— Ну что вы, обязательно случится! Вы никогда не сумеете привыкнуть к жизни в наше время. По крайней мере, в достаточной степени. Вы сейчас находитесь в таком же положении, как пещерный человек, заброшенный волей судьбы в 1958 год. Полагаю, он будет чувствовать себя достаточно уверенно, если учесть, что он умеет защищаться от саблезубых тигров и мохнатых мастодонтов. Может быть, найдется добрый самаритянин и предупредит его об опасности со стороны гангстеров. Но разве это ему поможет? Спасет от гибели под колесами автомобиля, от удара электрическим током на рельсах подземки, отравления газом в квартире, падения в шахту лифта? Ему угрожает множество опасностей — он может попасть под механическую пилу или просто сломать шею, поскользнувшись в ванне! Нужно родиться в такой обстановке, чтобы спокойно жить среди всех этих опасностей, даже не замечая их.

Впрочем, даже в вашем веке люди иногда становились жертвами несчастных случаев, стоило им на мгновение отвлечься! Представляете, насколько труднее было бы пещерному человеку?

— Вы преувеличиваете опасность, — ответил Блейн, чувствуя на лбу холодный пот.

— Вы так полагаете? Опасность, угрожающая людям в лесу, — ничто по сравнению с опасностью в городе. А когда город становится супергородом...

— Я не согласен на самоубийство, — произнес Блейн. — Готов пойти на риск. И давайте оставим эту тему.

— Будьте же благоразумны! — сказал Рейли раздраженно. — Покончите с собой и избавьте всех нас от массы неприятностей. Если вы откажетесь, могу предсказать, что вам предстоит. Возможно, благодаря храбрости и животной хитрости, вам удастся протянуть год, даже два. Это ничего не даст, рано или поздно вы все равно покончите с собой. Вы — типичный самоубийца. Это у вас в характере, Блейн, изменить что-то вам не под силу. Через год или два, после многих страданий, вы покончите с собой, и ваш дух с облегчением покинет измученное тело, — но в этом случае вам уже не придется надеяться на то, что ваша усталая душа попадет в мир иной.

— Вы с ума сошли! — воскликнул Блейн.

— Я никогда не ошибаюсь, определяя потенциально-го самоубийцу, — спокойно ответил Рейли. — Дедушка согласен со мной. Так что если вы все-таки...

— Нет, — решительно покачал головой Блейн. — Убивать себя я отказываюсь. Вам придется нанять кого-то для этого.

— Я так не поступаю, — сказал Рейли. — Принуждать кого-то к самоубийству — не в моих правилах. Однако я приглашаю вас попристутствовать в качестве зрителя при переселении моего духа — сегодня после обеда. Получите представление о потусторонней жизни. Может быть, это заставит вас передумать.

Блейн заколебался, и старик усмехнулся, понимающе глядя на него.

— Не беспокойтесь, вам не угрожает никакая опасность. Или вы все еще опасаетесь обмана? Неужели вы

думаете, что я украду ваше тело? Напрасно. Я выбрал новое тело несколько месяцев назад, совершенно официально, на открытом рынке. Откровенно говоря, ваше тело мне не по вкусу. Видите ли, в такой огромной оболочке я чувствовал бы себя неуютно.

Беседа закончилась, и Мэри Торн вывела Блейна из кабинета.

Глава 10

Комната, где происходило переселение духа, походила на маленький театр. Блейн узнал, что ею часто пользовались для чтения лекций по повышению квалификации руководящих сотрудников корпорации. Сегодня аудитория была небольшой и состояла исключительно из специально приглашенных гостей. Здесь в полном составе присутствовал совет директоров из пяти мужчин среднего возраста. Они сидели в последнем ряду и о чем-то тихо беседовали. Рядом расположился секретарь-регистратор. Блейн и Мэри Торн сели впереди, как можно дальше от директоров корпорации.

На сцене, возвышающейся над залом и залитой светом прожекторов, была установлена аппаратура для переселения душ. Два массивных кресла были снабжены привязными ремнями и соединены со стоявшей между ними блестящей черной машиной множеством толстых проводов. У Блейна возникло неприятное ощущение, что ему предстоит присутствовать при казни. Над аппаратом склонились техники, завершая последние приготовления. Поблизости стояли пожилой бородастый врач и его коллега с багровым лицом.

На сцену вышел мистер Рейли, кивнул сидевшим в зале и сел в одно из кресел. Следом появился мужчина лет сорока с испуганным, бледным, но полным решимости лицом. Это и был человек, которого купил мистер Рейли. Он опустился во второе кресло, взглянул на аудиторию, затем уставился на руки. Он казался смущенным. Его лицо было покрыто крупными каплями пота, и пиджак под мышками потемнел. Мужчина не

смотрел на Рейли, и Рейли не поворачивал к нему головы.

На сцене появился еще один мужчина, лысый и серьезный, в темном костюме с воротником, который носят священники, держащий в руках маленькую черную книжку. Он шепотом заговорил с сидящими в креслах.

— А это кто? — спросил Блейн.

— Отец Джеймс, — ответила Мэри Торн. — Он — священник из церкви Потусторонней жизни.

— Что это за церковь?

— Новая религия. Вы уже слышали о Годах Безумия? В то время разгорелся нешуточный теологический спор...

Наиболее острым вопросом сороковых годов двадцать первого века стал духовный статус потусторонней жизни. А после того как корпорация «Потусторонняя жизнь» заявила о существовании — научно обоснованном — жизни после смерти, ситуация еще более обострилась. Корпорация прилагала отчаянные усилия, чтобы избежать столкновения с религией, однако это оказалось очень сложно. Большинство священников считало, что наука без всякого основания вторглась в сферу их деятельности. «Потусторонняя жизнь, инкорпорейтед», хотелось это корпорации или нет, рассматривалась как главная сила при формулировании новой научно-религиозной доктрины, которая заключалась в том, что спасения души можно было достигнуть не с помощью религиозных, моральных или этических мер, а в результате обезличенной прикладной научной процедуры.

Для решения этой жгучей проблемы было проведено бесчисленное количество конгрессов, конференций и симпозиумов. Некоторые группы населения пришли к заключению, что провозглашенная, научно обоснованная жизнь после смерти совершенно очевидно не являлась раем, нирваной или загробным блаженством по той причине, что душа не имела ко всему этому никакого отношения. По их мнению, сознание и душа — не одно и то же; душа как не включает в себя сознание, так и

не составляет его часть. Вряд ли стоит оспаривать то, что наука открыла способ продления существования единого сообщества тела и сознания. Однако это ничуть не влияет на душу и уж точно не имеет никакого отношения к бессмертию, нирване или чему-то подобному. Научные манипуляции не могут оказать какого-либо воздействия на душу. Ну а судьба души после неизбежной смерти сознания в научной потусторонней жизни будет зависеть от традиционных моральных, этических и религиозных ценностей.

— Вот это да! — заметил Блейн. — Кажется, я понимаю, в чем дело. Они пытались достичь сосуществования науки и религии. Однако не были ли их рассуждения для некоторых людей излишне тонкими?

— Верно, — согласилась Мэри Торн, — даже несмотря на то, что объяснения были намного убедительнее моих, да и подкрепили их множеством аналогий. Но ведь это была лишь одна точка зрения. Остальные даже не стремились к сотрудничеству. Они просто заявили, что научный взгляд на потустороннюю жизнь греховен. А еще одна группа решила проблему следующим образом: она присоединилась к научной точке зрения и заявила, что душа есть часть сознания и содержится внутри него.

— Полагаю, это и была церковь Потусторонней жизни?

— Да. Они откололись от остальных религиозных течений. По их мнению, душа заключена в сознании, а потусторонняя жизнь — возрождение души после смерти без всяких «но» и «если».

— Вполне в духе времени, — кивнул Блейн. — Но моральные соображения...

— С их точки зрения, это ничуть не противоречит моральным принципам. Последователи церкви Потусторонней жизни считают, что нельзя навязывать людям моральные и этические нормы с помощью духовных поощрений и наказаний. А если бы это было возможно, то не следует так поступать. По их мнению, моральные принципы важны сами по себе, во-первых, как прису-

щие социальному организму, то есть обществу, и вторых, как приносящие огромную пользу каждому человеку.

Блейн пришел к выводу, что от моральных принципов ждут слишком многого.

— Наверное, эта религия пользуется большой популярностью? — спросил он.

— Огромной, — кивнула Мэри Торн.

Блейн хотел еще что-то спросить, но тут заговорил отец Джеймс.

— Уильям Фицсиммонс, — обратился священник к обладателю тела, — ты прибыл сюда добровольно для того, чтобы прекратить свое существование в земном мире и продолжить его в мире духовном?

— Да, святой отец, — пробормотал побледневший мужчина.

— И ты подвергся соответствующим научным процедурам, позволяющим тебе продолжить существование в мире духовном?

— Да, святой отец.

Отец Джеймс повернулся к Рейли.

— Кеннет Рейли, ты прибыл сюда по собственной воле для того, чтобы продолжить свое земное существование в теле Уильяма Фицсиммонса?

— Да, святой отец, — ответил Рейли, напрягшись и нахмурившись.

— И ты принял все меры для того, чтобы Уильям Фицсиммонс смог войти в потустороннюю жизнь: заплатил деньги наследникам Фицсиммонса, а также внес необходимый государственный налог, связанный с процедурой подобного рода?

— Да, святой отец.

— При такой ситуации, — провозгласил отец Джеймс, — не совершено никаких проступков, ни гражданских, ни религиозных. В данном случае не имеет места потеря жизни, поскольку личность Уильяма Фицсиммонса продолжит свое существование в потустороннем мире, а личность Кеннета Рейли продолжит свое существование на земле. Поэтому можно приступить к процедуре переселения душ.

Происходящее показалось Блейну чудовищным смешением свадебной церемонии и казни. Улыбающийся

священник ушел. Техники пристегнули клиентов к креслам и закрепили электроды у них на ногах, руках и лбах. В аудитории воцарилась мертвая тишина, и директора корпорации «Рекс» подались вперед, наблюдая за процедурой.

— Приступайте, — произнес Рейли, глядя на Блейна и чуть заметно улыбаясь.

Старший техник повернул ручку на контрольной панели черной машины. Она громко загудела, и освещение померкло. Оба мужчины конвульсивно дернулись в ремнях, затем их тела обмякли.

— Они убивают этого несчастного беднягу Фицсиммонса, — прошептал Блейн.

— Этот несчастный бедняга, как вы его называете, — сказала Мэри Торн, — отлично понимал, на что шел. Ему тридцать семь лет, и в жизни он полный неудачник. Он не сумел удержаться ни на одной работе в течение хоть сколько-нибудь продолжительного времени и не имел никакой надежды приобрести страховой полис на жизнь после смерти. Так что для него это прямо-таки великолепная возможность. Более того, у него жена и пятеро детей, которых он не в состоянии обеспечить. Деньги, выплаченные ему мистером Рейли, позволят им выжить и обеспечат детям неплохое образование.

— Какая хорошая теперь у них будет жизнь! — воскликнул Блейн, не скрывая сарказма. — Продается слегка подержанное тело отца в превосходном состоянии. Покупайте, недорого!

— Вы смешны, — бросила Мэри Торн. — Смотрите, все кончено.

Черную машину выключили, и с неподвижных мужчин сняли ремни. Не обращая ни малейшего внимания на маленький сморщенный труп Рейли, на лице которого застыла усмешка, техники и врачи столпились вокруг тела Фицсиммонса.

— Пока ничего! — громко заметил старый бородастый врач.

Блейн чувствовал, что в помещении воцарилась атмосфера страха и нервного ожидания. Шли секунды. Врачи и техники склонялись над неподвижным телом молодого мужчины.

— Все еще ничего! — воскликнул доктор. В его голосе послышались панические нотки.

— Что происходит? — спросил Блейн у девушки.

— Я уже говорила, что процесс перехода душ из одного тела в другое является сложным и опасным. Пока сознание Рейли еще не переселилось в тело Фицсиммонса. Но времени у него осталось немного.

— Но почему?

— Потому что тело начинает умирать с того момента, как остается незанятым. Если сознания нет — хотя бы в дремлющем состоянии — начинаются необратимые процессы. Присутствие сознания является необходимым условием существования. Даже дремлющее сознание, не способное на самостоятельные действия, контролирует протекающие в теле физиологические процессы. Но как только оно исчезает...

— Все по-прежнему! — крикнул пожилой врач.

— Думаю, что уже слишком поздно, — прошептала Мэри Торн.

— Дрожь! — вдруг произнес врач. — Я чувствую, что тело вздрогнуло!

Наступила продолжительная тишина.

— Мне кажется, что он вошел! — воскликнул врач. — Быстро, кислород и адреналин!

На лицо бывшего Фицсиммонса положили кислородную маску, и в руку вонзилось игла шприца. Тело шевельнулось, вздрогнуло, обмякло и шевельнулось снова.

— Ему это удалось! — торжествующе вскричал пожилой врач, снимая кислородную маску.

Директора корпорации, как по команде, встали из кресел и поспешили на сцену. Они окружили ожившее тело, которое моргало глазами и содрогалось в приступах рвоты.

— Поздравляем, мистер Рейли!

— Вы отлично справились с этим, сэр!

— А мы уже начали волноваться!

Оживший уставился на них бессмысленным взглядом, потом вытер рот и произнес:

— Я не Рейли.

Пожилой врач растолкал директоров и склонился над телом.

— Вы не Рейли? — спросил он. — Значит, вы Фицсиммонс?

— Нет, — ответил мужчина, — я не Фицсиммонс, не этот бедный дурачок! И не Рейли. Он пытался влезть в это тело, однако мне удалось его опередить. Я оказался здесь раньше его. Теперь это мое тело.

Неизвестный встал. Директора корпорации отшатнулись от него, один быстро перекрестился.

— Тело слишком долго оставалось мертвым, — прошептала Мэри Торн.

Лицо ожившего человека очень отдаленно, в самых общих чертах напоминало бледное испуганное лицо Уильяма Фицсиммонса. Ничего похожего на решительность Фицсиммонса или раздражительность и юмор Рейли не было в этом лице. Оно походило только на самое себя. Смертельно бледное, с черными точками щетины на подбородке и щеках, с бескровными губами и прядью черных волос, приклеившихся к холодному белому лбу. Когда в теле обитал Фицсиммонс, черты лица составляли единое гармоничное, хоть и ничем не выделяющееся целое. Однако теперь отдельные черты стали какими-то грубыми и словно независимыми друг от друга. Бледное лицо приобрело сырой, незаконченный вид, какой бывает у стали перед закалкой или у глины до обжига в печи.

Оно выглядело вялым и угрюмым из-за отсутствия мышечного тонуса и напряжения. Бесстрастные дряблые черты просто существовали, не выражая скрывающейся за ними личности. Лицо больше не казалось полностью человеческим. То, что осталось в нем от человека, поселилось теперь в огромных, немигающих, полных терпения глазах Будды.

— Он превратился в зомби, — прошептала Мэри Торн, прижавшись к плечу Блейна.

— Но кто вы? — спросил старый врач.

— Я не помню, — произнесло существо. — Ничего не помню. — Оно медленно повернулось и стало спускаться со сцены. Два директора нерешительно преградили ему дорогу. — Прочь, — произнесло странное существо. — Теперь это мое тело.

— Оставьте в покое несчастного зомби, — раздался усталый голос пожилого врача.

Директора отошли в сторону. Зомби подошел к краю сцены, спустился в зал, повернулся и направился к Блейну.

— Я знаю вас! — воскликнул он.

— Что вы от меня хотите? — испуганно спросил Блейн.

— Не помню, — ответил зомби, пристально глядя на Блейна. — Как вас зовут?

— Том Блейн.

Зомби покачал головой.

— Это имя мне ничего не говорит. Но я обязательно вспомню. Да, конечно, это вы. Что-то... Мое тело умирает, правда? Очень жаль. Но я вспомню, прежде чем оно уйдет от меня. Вы и я чем-то связаны. Блейн, неужели вы не помните меня?

— Нет! — воскликнул Блейн, потрясенный даже намеком на что-то общее, на какую-то связь между ним и этим умирающим существом. Не может быть! На какой страшный секрет намекает этот похититель трупов, этот грязный захватчик, какие черные тайны, скрытые от всех, соединяют его с ним, Томом Блейном?

Нет, между ними не может быть ничего общего, подумал Блейн. Он знал себя, знал, что собой представляет, кем был раньше. Их ничто не может связывать, ничто. Это существо или ошиблось, или сошло с ума.

— Кто вы? — спросил Блейн.

— Не знаю!

Зомби в отчаянии всплеснул руками, словно человек, угодивший в сеть. И тут Блейн представил себе, какие чувства испытывает сознание, утратившее имя, не понимающее, что происходит, запутавшееся, попавшее в смертельное объятие умирающего тела, но так стремящееся к жизни.

— Мы еще встретимся, — сказал зомби Блейну. — Вы представляете для меня нечто важное. Я найду вас и вспомню все про нас обоих.

Зомби повернулся и пошел по проходу из зала. Блейн не отрываясь смотрел ему вслед и вдруг почувствовал какую-то тяжесть на своем плече.

Это Мэри Торн упала в обморок. Впервые она повела себя, как женщина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 11

Стоя у аппарата для переселения, старший техник и бородатый врач спорили. Позади каждого выстроились ассистенты, с уважением слушая шефов. Казалось, спор касался чисто технических вопросов, однако Блейн догадался, что причина разногласий — неудача с переселением души Рейли. Каждый, по-видимому, относил неудачу на счет другого.

Пожилой врач утверждал, что аппаратура была настроена недостаточно точно, либо произошел неожиданный спад напряжения в системе энергоснабжения. Старший техник уверял, что аппаратура в идеальном состоянии, просто Рейли физически не был готов к процедуре переселения душ, поскольку такой процесс требует немалого напряжения.

Ни один не хотел уступать. Будучи все-таки благоразумными людьми, они скоро сумели найти решение, устраивающее обе стороны. Во всем виновата безымянная душа, вступившая в борьбу с Рейли за обладание телом и одержавшая верх.

— Но кто это был? — спросил старший техник. — Какой-то бродячий дух?

— По-видимому, — кивнул врач. — Духу исключительно редко удастся завладеть живым телом. По тому, как он говорил, можно предположить, что это был дух.

— Кем бы он ни был, — заметил старший техник, — завладел телом он слишком поздно. Оно, бесспорно, уже перешло в состояние зомби. Впрочем, винить в случившемся некого.

— Совершенно верно, — согласился доктор. — Я готов подтвердить, что аппаратура находилась в полном порядке.

— В этом не приходится сомневаться, — ответил техник. — Равно как и в том, что клиент был превосходно подготовлен к операции.

Они обменялись многозначительными взглядами.

Тем временем совет директоров провел срочное заседание, пытаясь определить, какие последствия вызовет случившееся в ближайшем будущем, как оно отразится на корпоративной структуре «Рекса», каким образом следует информировать общественность о смерти мистера Рейли и нужно ли предоставить всем служащим корпорации свободный день, чтобы они смогли посетить семейный Дворец смерти Рейли.

Тело мистера Рейли лежало в кресле, откинувшись на спинку, и уже начало коченеть. На его лице застыла отрешенная ироническая улыбка.

Мэри Торн пришла в себя.

— Идем отсюда, — сказала она, увлекая Блейна за собой.

Они поспешно направились по длинным серым коридорам к выходу. На улице девушка остановила геликеб и назвала водителю адрес.

— Куда мы летим? — спросил Блейн, когда геликеб оторвался от земли.

— Ко мне домой. Сейчас лучше быть подальше от «Рекса» — на некоторое время он превратится в сумасшедший дом, — ответила Мэри Торн и стала поправлять прическу.

Блейн откинулся на спинку сиденья и посмотрел вниз, на ярко освещенный город. С такой высоты он походил на изящную миниатюру, многоцветную мозаику из «Тысячи и одной ночи». Но где-то там, внизу, по улицам города ходил сейчас только что оживший зомби, пытающийся что-то вспомнить... о нем, о Блейне.

— Но почему он обратился именно ко мне? — вслух спросил Блейн.

Мэри Торн повернулась к нему.

— Вас интересует, почему он обратился к вам? А почему бы и нет? Вы что, никогда не ошибались?

— Ошибался, наверное. Однако с этим уже покончено.

— Может быть, это в ваше время за ошибками не следовали последствия, — покачала головой девуш-

ка. — Теперь все по-другому. Нельзя поручиться, умрет ли человек полностью. В этом заключается один из самых крупных недостатков жизни после смерти, понимаете? Иногда случается, что совершенные ошибки не желают оставаться в прошлом и начинают преследовать человека даже после смерти.

— Похоже на это, — вздохнул Блейн. — Но я не совершил ничего такого, что могло бы привлечь ко мне внимание подобного существа.

— В таком случае вы лучше большинства из нас, — равнодушно пожала плечами Мэри Торн.

Никогда раньше девушка не казалась ему такой чужой. Геликеб медленно снижался. Тем временем Блейн размышлял о том, что достоинства всегда идут рука об руку с недостатками.

В том веке, из которого он пришел, борьба с болезнями в слаборазвитых странах привела к стремительному увеличению рождаемости, голоду и бедствиям. Блейн был свидетелем того, как открытие атомной энергии породило атомную бомбу. За каждым достижением следовали опасные последствия. Тогда почему это должно было измениться через полтора века? Гарантированная, научно обоснованная жизнь после смерти представляет собой, несомненно, благо для человечества. Практика, таким образом, снова догнала теорию, однако тут же обнаружились слабые стороны... Произошло неизбежное ослабление защитного барьера, окружающего земную жизнь, появились трещины в плотине, дыры в занавесе. Мертвые отказывались лежать в могилах, они стремились смешаться с живыми. Кому это на пользу? Существование блуждающих душ является, несомненно, логическим, они действуют в рамках естественных законов природы. Но для человека, которого преследует подобный призрак, это слабое утешение.

Сегодня, подумал Блейн, в человеческую жизнь на земле вторглась совершенно новая форма существования, подобно тому как этот зомби вторгся в его жизнь, нарушив ее спокойное течение.

Геликеб совершил посадку на крыше многоквартирного жилого дома. Мэри Торн расплатилась с водителем и повела Блейна к себе домой.

Квартира оказалась просторной, полной свежего воздуха, приятно женственной и обставленной с определенным вкусом. Здесь было больше ярких цветов, чем, по мнению Блейна, требовал сдержанный характер мисс Торн; впрочем, не исключено, что кричащие желтые и красные тона являлись проявлением какого-то скрытого желания, подавленного стремления, компенсацией суровой сдержанности ее деловой жизни. А может быть, таковы были требования современной моды. Квартира была оснащена техникой, которую Блейн привык ассоциировать с будущим: саморегулирующееся освещение и кондиционирование воздуха, кресла, автоматически изменяющие форму, и электронный бар с кнопочным управлением, изготовлявший неплохой martini.

Мэри Торн скрылась в одной из спален. Оттуда она вышла уже в домашнем платье с высоким воротником и села на кушетку напротив Блейна.

— Ну, Блейн, каковы ваши планы?

— Хотел бы взять у вас немного денег взаймы.

— Разумеется.

— Затем найду комнату в отеле и примусь за поиски работы.

— Это будет непросто, — ответила девушка, — но я знакома с людьми, которые...

— Нет, спасибо, — перебил ее Блейн. — Надеюсь, это не покажется слишком глупым, но я собираюсь сам найти работу.

— Ничего глупого. Мне хочется, чтобы вам это удалось. Поужинаете у меня?

— С удовольствием. А вы и готовить умеете?

— Нужно всего лишь набрать название заказа, — улыбнулась Мэри. — Итак, посмотрим. Как насчет настоящего марсианского ужина?

— Нет, спасибо, — покачал головой Блейн. — Марсианская пища вкусна, но от нее сыт не будешь. Нет ли у вас бифштекса?

Мэри повернула ручки, вводя программу, и ее автоповар сделал все остальное — выбрал продукты, хранящиеся в кладовой и холодильнике, развернул и почистил их, вымыл, приготовил и по мере надобности подавал новые. Еда была великолепной, однако Мэри испытывала, казалось, какое-то странное смущение. Она извинилась перед Блейном за механическую процедуру приготовления пищи. Ведь он явился из того времени, когда женщины сами открывали консервные банки и сами готовили; правда, у них было, по-видимому, больше свободного времени.

Когда они выпили кофе, солнце зашло.

— Большое вам спасибо, мисс Торн. А теперь, если вы дадите мне займы немного денег, я пойду.

— Пойдете? — удивленно спросила она. — Так поздно?

— Я сниму номер в отеле. Вы очень добры ко мне, но мне не хочется злоупотреблять вашим гостеприимством...

— Не стоит беспокоиться. Заночуете здесь.

— Хорошо, — быстро согласился Блейн.

Во рту у него внезапно пересохло, и сердце забилося подозрительно часто. Он знал, что в приглашении Мэри Торн нет ничего личного, однако его тело отказывалось это понимать. Его реакцией на эту сдержанную и холодную мисс Торн была надежда, более того — ожидание.

Девушка отвела его в спальню и вручила зеленую пижаму. Блейн закрыл за ней дверь, разделся и лег в постель. По команде свет выключился.

Через некоторое время, как и ожидало его тело, в темную комнату вошла Мэри. На ней было надето что-то белое и прозрачное. Она откинула одеяло и легла рядом.

Они лежали и молчали. Мэри Торн подвинулась ближе, и Блейн подsunул руку ей под голову.

— Я считал, что такие мужчины, как я, не привлекают вас.

— Нет, я сказала, что предпочитаю высоких худощавых мужчин.

— Раньше я и был высоким и худощавым.

— Я так и думала, — ответила девушка.

Они замолчали. Блейна охватило чувство неловкости и боязни. Что все это значит? Неужели она испытывает влечение к нему? Или это всего лишь современный обычай, нечто вроде гостеприимства эскимосов, предлагавших гостям на ночь своих жен?

— Мисс Торн, — начал Блейн. — Скажите...

— Да замолчи ради бога, — произнесла девушка, внезапно поворачиваясь к нему. В темноте ее глаза казались огромными. — Неужели обязательно обо всем расспрашивать, Том?

Через некоторое время она сонно сказала:

— Теперь, мне кажется, ты можешь звать меня Мэри.

На следующее утро Блейн принял душ, побрился и оделся. Мэри набрала на панели автоповара завтрак, и они поели. Затем она вручила ему маленький конверт.

— Когда понадобится, я одолжу тебе еще, — сказала она. — Теперь насчет работы...

— Ты мне очень помогла, — прервал девушку Блейн. — Остальное мне хотелось бы сделать самому.

— Как хочешь. На конверте — мой адрес и номер телефона. Как только устроишься в отеле, позвони.

— Хорошо, — кивнул Блейн, пристально глядя на нее. Это была не та Мэри, с которой он был прошлой ночью. Казалось, это совсем другой человек. Однако Блейн чувствовал себя удовлетворенным тем, что видел ее напускную сдержанность. По крайней мере, на данный момент.

У двери она взяла его за руку.

— Будь осторожным, Том, — сказала она. — И не забудь позвонить.

— Обязательно, Мэри, — ответил Блейн.

Он отправился в город, счастливый и отдохнувший, намереваясь завоевать этот мир.

Глава 12

Сначала Блейн решил обойти фирмы, занимающиеся проектированием и строительством яхт. Однако после недолгих раздумий он отказался от этой мысли, представив себе, какой прием ждал бы конструктора яхт из 1806 года, вошедшего в судостроительную фирму в 1958 году. Старый чудака мог вполне оказаться талантливым конструктором, но что он понимает в метацентрическом анализе и в диаграммах обтекаемости, центрах напряженности, выборе места для эхолота и радиолокатора? Какая фирма захочет платить ему, пока он осваивал бы информацию о передаточных механизмах, антикоррозионных красках, испытаниях в бассейне, шаге винта, теплообменниках, синтетических тканях для парусов...

Нечего и пытаться, подумал Блейн. Никто не даст ему работу, если он войдет в кабинет менеджера фирмы, занимающейся строительством яхт, и сообщит, что он опытный конструктор судов, которые строились сто пятьдесят два года назад. Может быть, ему удастся овладеть современными знаниями, однако заниматься этим придется в свободное время.

Значит, придется согласиться на любую работу.

Он подошел к газетному киоску и купил микрофильм газеты «Нью-Йорк таймс» и устройство для чтения, затем отыскал скамейку, сел и раскрыл газету на странице объявлений. Блейн мельком взглянул на раздел о найме квалифицированных специалистов, — он явно не относился к этой категории, — и принялся читать объявления о неквалифицированной рабочей силе.

«В автокафе требуется служащий с начальными знаниями роботики».

«Уборщик на лайнер «Мар Колинг». Необходима позитивная резус-реакция и иммунитет к клаустрофобии».

«Контролер по наблюдению за износом высокопрочных подшипников, знакомый с основами дженклинга. Предоставляется питание».

Блейну стало ясно, что его подготовка недостаточна даже для чернорабочего 2110 года. Открыв страницу, где были напечатаны объявления о найме подростков, он прочитал:

«Требуется юноша, интересующийся слик-траговым оборудованием. Блестящие перспективы. Необходимы знание основных принципов математической теории и умение работать с хутаан-уравнениями».

«Требуется молодые люди для работы коммивояжерами на Венере. Заработная плата плюс коммиссионные. Владение основами русского, французского, немецкого и оурешского языков».

«Мальчики для доставки газет и журналов в компании «Эт Кол». Должны хорошо знать город и уметь водить шпренинг».

Итак, он не годится даже для доставки газет!

Блейна охватило отчаяние. Значит, найти работу гораздо труднее, чем он рассчитывал. Неужели в этом городе никому не нужны землекопы и рассыльные? Неужели всю черную работу выполняют роботы? Или даже для того чтобы возить тачку, нужна степень доктора наук? В каком мире он оказался?

В поисках ответа Блейн взглянул на первую страницу газеты, поточнее установил фокус аппарата и стал читать последние новости.

«На Новом Южном Марсе, в Оксе, ведется строительство космодрома».

«Полагают, что несколько пожаров на промышленных предприятиях в районе Чикаго вызваны действиями полтергейста. Ведется предварительная подготовка к его изгнанию».

«В секторе «Сигма Джи» пояса астероидов обнаружены богатые месторождения меди».

«В Берлине усилилась активность доппельгангеров».

«Проводится новое обследование поселений осьминогов во впадине Минданао».

«Обезумевшая толпа линчевала и сожгла двух местных зомби в Спенсере, штат Аризона. Против зачинщиков начато следствие».

«Как сообщил ведущий антрополог, архипелаг Туамото в Океании является последним оплотом простых нравов: нигде больше люди не живут по традициям двадцатого века».

«В отеле «Уолдорф» на ежегодном конгрессе создана Ассоциация погонщиков рыбных косяков Атлантики».

«Охота на вервольфа в Австрийском Тироле закончилась неудачей. Местные жители предупреждены об опасности и круглосуточно ждут появления чудовища».

«Законопроект, касающийся запрета на все виды охоты и поединки гладиаторов, отвергнут Конгрессом».

«Берсеркер убил четырех человек в центре Сан-Диего».

«Количество людей, погибших в результате аварий вертолетов, достигло в этом году миллиона».

Подавленный, Блейн отложил газету. Призраки, вервольфы, допсельгангеры, полтергейст... Эти мрачные, древние слова, которые сегодня означали, судя по всему, повседневные явления, наводили на него уныние. Он уже встретил зомби, и ему больше не хотелось сталкиваться с опасными побочными явлениями, ставшими результатом жизни после смерти.

Блейн встал и пошел дальше. Он шел через район театров, мимо плакатов и сверкающих реклам, приглашающих зрителей на бои гладиаторов в Мэдисон Сквер Гарден, щитов, извещающих о солидовизионных программах и сенсорных шоу, обертоновых концертах и венерианских пантомимах. Блейн грустно вспомнил, что и он мог бы стать одним из действующих лиц в этой сказочной стране, если бы Рейли не передумал. Сейчас его имя могло красоваться на афише одного из театров — «Человек из Прошлого»...

Ну конечно! Внезапно Блейн понял свою уникальность и неповторимость в этом новом качестве. Корпорация «Рекс» спасла ему жизнь и перенесла в двадцать второй век из 1958 года для того, чтобы извлечь максимальную выгоду для себя. Однако ее руководители отказались от этого. Тогда что мешает ему использовать открывающиеся возможности в собственных целях? На

что еще он годится? Похоже, остается одно — развлекать публику.

Он быстро направился к огромному зданию, в котором размещались конторы разных компаний, и обнаружил шесть театральных агентств. Блейн выбрал агентство «Барнекс, Скоуфилд и Стайлс» и поднялся в лифте на девятнадцатый этаж.

Он вошел в роскошную приемную, стены которой были украшены огромными солидографиями улыбающихся актрис. В дальнем конце комнаты сидела прелестная секретарша. Она вопросительно взглянула на Блейна.

Блейн подошел к ее столу.

— Мне хотелось бы поговорить с кем-нибудь относительно моего номера, — сказал он.

— Мне очень жаль, — ответила секретарша, — но сейчас мы никого не берем. Все вакансии заполнены.

— Но это особый номер.

— Сожалею, но ничем не могу помочь. Загляните на будущей неделе.

— Послушайте, — произнес Блейн, — у меня по настоящему уникальный номер. Видите ли, я — человек из прошлого.

— Да хоть призрак Скотта Мерривейла. — На лице девушки появилась очаровательная улыбка. — Вакансий нет. Зайдите через неделю.

Блейн повернулся к выходу. В это мгновение мимо него быстро прошел невысокий коренастый мужчина, на ходу кивнув секретарше.

— Доброе утро, мисс Тэтчер, — бросил он.

— Здравствуйте, мистер Барнекс, — ответила девушка.

Барнекс! Один из театральных агентов! Блейн бросился за ним и схватил за рукав.

— Мистер Барнекс, — произнес он, — у меня номер...

— У всех номера, — устало сказал Барнекс.

— Но мой номер уникален!

— У всех уникальные номера. — В голосе Барнекса послышалось раздражение. — Отпустите мой рукав, приятель. Зайдите на следующей неделе.

— Но я из прошлого! — воскликнул Блейн, чувствуя, что ведет себя по-дурачки. Барнекс повернулся и посмотрел на него, словно собирался вызвать полицию или позвонить в сумасшедший дом. Но Блейн уже не мог остановиться. — Да-да, из прошлого! У меня самые надежные доказательства. Корпорация «Рекс» перенесла меня в двадцать второй век. Спросите у них!

— «Рекс»? — задумчиво произнес Барнекс. — Да, я что-то слышал об этом у Линди... Гм-м... Зайдите ко мне, мистер?..

— Блейн. Том Блейн. — Он последовал за Барнексом в тесный, загроможденный кабинет. — Вы считаете, я подойду вам?

— Может быть. — Барнекс указал Блейну на стул. — В зависимости от обстоятельств. Скажите, мистер Блейн, вы из какого года?

— Из 1958-го. Я отлично знаком с тридцатыми, сороковыми и пятидесятыми годами. А если говорить о сценическом опыте, я играл на любительской сцене, когда учился в колледже, а знакомая актриса однажды сказала, что у меня хорошие способности...

— 1958 год... Это двадцатый век?

— Совершенно верно.

— Жаль, — покачал головой театральный агент. — Вот если бы вы были шведом из шестого века или японцем из седьмого, я бы нашел для вас работу. У меня не было бы никаких затруднений с римлянином из первого столетия или англосаксом из четвертого. Мало того, я мог бы устроить еще пару таких пришельцев из прошлого. Однако теперь, когда запрещены путешествия во времени, найти подобных людей практически невозможно. Я уж не говорю о периоде до Рождества Христова.

— А как с пришельцами из двадцатого века?

— Нет вакансий.

— То есть как это «нет»?

— Вот так. Бен Терлер из 1953 года играет все роли двадцатого века.

— Понятно. — Блейн медленно встал. — Все равно, спасибо, мистер Барнекс.

— Не стоит, — ответил Барнекс. — Жаль, что ничем не могу вам помочь. Вот если бы вы прибыли из

любого года и любого места земного шара до одиннадцатого столетия, я мог бы попробовать... Послушайте, почему бы вам не встретиться с Терлером? Маловероятно, конечно, но вдруг ему потребуется дублер или еще что-то.

Он написал адрес на клочке бумаги и протянул Блейну. Блейн взял бумажку, еще раз поблагодарил и ушел.

На улице он остановился, кляня свою судьбу. Подумать только, его уникальное, неповторимое качество, единственное преимущество, выделяющее его среди остальных, уже захвачено каким-то Беном Терлером из 1953 года! Да, пожалуй, путешествия во времени действительно следует ограничить. Просто бессовестно перебросить человека на полтора столетия в будущее и затем не обращать на него никакого внимания.

Интересно, что за человек этот Терлер? Ну что ж, скоро он узнает. Даже если Терлеру и не нужен дублер, все равно будет приятно поговорить с кем-то из своей эпохи. К тому же Терлер, проживший здесь дольше, может посоветовать, что делать в 2110 году человеку из двадцатого века. Блейн махнул рукой летевшему мимо геликебу и назвал адрес Терлера. Через пятнадцать минут он уже был в доме, где жил Терлер, и нажимал на кнопку звонка.

Дверь открыл прилизанный, полный мужчина с самодовольным лицом, в домашнем халате.

— Вы фотограф? — спросил он. — Что-то слишком рано.

— Нет, мистер Терлер, мы раньше не встречались, — покачал головой Блейн. — Я из вашего столетия. Меня перенесли сюда из 1958 года.

— Вот как? — подозрительно спросил мужчина.

— Совершенно верно, из 1958-го. Это сделала корпорация «Рекс». Можете поинтересоваться у них.

Терлер пожал плечами.

— Так, и что же вам нужно?

— Я думал, может быть, вам понадобится дублер или помощник...

— Нет-нет, я никогда не прибегаю к помощи дублера. Терлер вознамерился закрыть дверь.

— Я так и думал, — произнес Блейн. — Зашел к вам лишь потому, что мне хотелось поговорить. За пределами своего столетия чувствуешь себя таким одиноким, вот и решил встретиться с вами. Наверное вы тоже иногда испытываете такое чувство?

— Я? А-а. — Театральная улыбка внезапно озарила лицо Терлера. — Вы имеете в виду ностальгию по старому доброму двадцатому веку? Ну конечно, мне так приятно было бы как-нибудь поболтать с вами о тех временах, дружище. Маленький уютный Нью-Йорк, бейсбол, «Доджерс» и «Янкис», экипажи в парке, катание на роликовых коньках на Рокфеллер Плаза. Разумеется, скучаю по всему этому, еще бы! Вот только сейчас я немного занят.

— Да, конечно, — согласился Блейн. — Поговорим как-нибудь в другой раз.

— Обязательно! Буду ждать с нетерпением. — Улыбка на лице Терлера стала еще ослепительнее. — Позвоните моей секретарше, ладно, старина? Понимаете, придется согласовать время встречи — масса выступлений, ни минуты свободной. Выберем денек и поболтаем как следует. Вам, наверное, нужны деньги? Пара долларов не помешает...

Блейн покачал головой.

— Ну что ж, до свиданья, — с напускной сердечностью произнес Терлер. — Звоните.

Блейн повернулся и пошел к выходу. Жаль, конечно, лишиться своего уникального качества, но еще хуже, что тебя обокрал какой-то самозванец, никогда не приближавшийся к 1953 году даже на сотню лет. Подумать только — катание на роликовых коньках на Рокфеллер Плаза! Он даже не подозревает, что там всегда был искусственный каток. Впрочем, Блейну не нужна была эта оплошность Терлера — все в его поведении так и кричало о фальши.

К сожалению, он, по-видимому, был единственным человеком в 2110 году, который смог уличить самозванца.

В этот же день Блейн купил смену белья и бритвенный прибор и снял комнату в дешевом отеле на 5-ой авеню. Всю следующую неделю он искал работу.

Блейн обошел несколько ресторанов, где обнаружил, что мытье посуды с помощью человеческих рук осталось в прошлом. В космопортах и доках всю тяжелую работу выполняли роботы.

Однажды его едва не приняли на работу — инспектором по упаковке пакетов в универмаге Гимбел Мейсиз. Однако в отделе кадров тщательно изучили психологические качества его личности, определили индекс раздражительности и уровень внушаемости и отклонили кандидатуру Блейна. Предпочтение было отдано невысокому мужчине с тупым взглядом, обладателю степени кандидата наук в области дизайна пакетов.

Блейн возвращался к себе в отель едва живой от усталости и вдруг увидел в толпе знакомое лицо. Этого человека он узнал бы сразу же и где угодно. Ему было примерно столько лет, сколько Блейну: коренастый, рыжеволосый, курносый мужчина с чуть выступающими передними зубами и маленьким красным пятном на шее. Он никогда не терял присутствия духа и вел себя с веселой уверенностью человека, не сомневающегося в том, что вот сейчас что-то подвернется.

— Рей! — крикнул Блейн. — Рей Мелхилл! — Он растолкал толпу и схватил мужчину за руку. — Рей! Как ты сумел спастись?

Мужчина высвободился и отряхнул рукав пиджака.

— Меня зовут не Мелхилл, — сказал он.

— Не Мелхилл? Вы уверены?

— Конечно уверен, — произнес мужчина, собираясь уйти.

Блейн встал у него на пути.

— Одну минуту. Он выглядит в точности, как вы, даже радиационный ожог на том же месте. Вы действительно уверены, что не являетесь Реем Мелхиллом, механиком с космолета «Бремен»?

— Совершенно уверен. — Голос мужчины звучал враждебно. — Вы с кем-то перепутали меня, молодой человек.

Блейн пристально посмотрел на уходящего, затем догнал его, схватил за плечо и повернул лицом к себе.

— Грязный ворюга! Ты украл тело Мелхилла! — воскликнул он, замахинаясь огромным кулаком.

Мужчина, так напоминающий Мелхилла, отлетел к стене здания. Потеряв сознание, он медленно сполз на тротуар. Блейн бросился к нему, и прохожие расступились, уступая дорогу.

— Берсеркер! — раздался истошный вопль какой-то женщины, подхваченный еще кем-то.

Блейн краем глаза заметил голубой мундир полицейского, пробирающегося через толпу. Полиция! Блейн пригнулся и нырнул в толпу, свернул за угол, потом за другой, перешел на шаг и огляделся. Полицейского не было видно. Блейн не спеша направился в гостиницу.

Это было тело Мелхилла, но в нем обитал кто-то другой. На этот раз механику спастись не удалось. У него отняли тело и продали какому-то старику, чья ворчливая душа носила складное тело, как плохо сидящий, сшитый на юношу костюм.

Теперь Блейн знал, что его друг действительно мертв. Он зашел в соседний бар, молча выпил за упокой души стакан виски и вернулся в отель.

Когда он проходил через вестибюль, его окликнул дежурный портье:

— Блейн! Одну минуту. У меня для вас письмо, — и скрылся в конторке.

Блейн ждал, удивляясь, кто мог написать ему. Разве что Мэри? Но он еще не позвонил ей и не собирался звонить, пока не найдет работу.

Портье вышел из конторки, подошел к стойке и вручил ему полоску бумаги. Там было написано:

«В Духовном коммутаторе, в филиале на 23-й улице Томаса Блейна ждет сообщение. Время работы — с девяти утра до пяти вечера».

— Интересно, как могли узнать, что я живу здесь? — спросил Блейн.

— У духов свои способы, — ответил портье. — Покойная теща моего приятеля сумела отыскать его, несмотря на трехкратную перемену фамилии, трансплант и полную пересадку кожи. Он скрывался от нее в Абиссинии.

— У меня нет покойных тещ, — сказал Блейн.

— Тогда кто, по-вашему, хочет увидаться с вами? — поинтересовался портье.

— Завтра узнаю и расскажу, — пообещал Блейн, однако его сарказм пропал даром. Портье уже склонился над учебником — он учился на заочных курсах по техническому обслуживанию атомных двигателей.

Блейн пошел в свой номер.

Глава 13

Филиал Духовного коммутатора на 23-й улице находился в большом здании из серого камня недалеко от 3-й авеню. Над входом были выгравированы слова: «Посвящается свободному общению тех, кто находится на Земле, с теми, кто оставил ее».

Блейн вошел в здание и остановился перед схемой расположения отделов Духовного коммутатора. В ней были указаны этажи и номера комнат, где размещались отделы исходящих сообщений, входящих, переводов, отречений, изгнания духов, предложений, жалоб и наставлений. Он не знал, в какой отдел ему обращаться, да и понятия не имел даже о назначении Духовного коммутатора, поэтому направился со своим листком прямо в справочное бюро.

— Вам нужно обратиться в отдел входящих сообщений, — сообщила ему приятная седая женщина. — Это через вестибюль в комнате 32-А.

— Спасибо. — Блейн поколебался и спросил: — А вы не могли бы кое-что разъяснить?

— Конечно, — улыбнулась женщина. — Что именно?

— Мой вопрос может показаться вам глупым... но что такое «Духовный коммутатор»?

— На такой вопрос ответить непросто, — заметила женщина, продолжая улыбаться. — С философской точки зрения, я полагаю, можно назвать Духовный коммутатор движением вперед к более тесному единению, попыткой отказаться от дуализма сознания и тела и стремлением заменить...

— Нет, — прервал ее Блейн, — в буквальном смысле.

— В буквальном? Ну что ж, Духовный коммутатор представляет собой частную организацию, не облагаемую налогами, созданную для содействия общению с теми, кто находится на пороге потусторонней жизни. В некоторых случаях, разумеется, в нашей помощи не возникает необходимости, когда возможно непосредственное общение между живыми и теми, кто перешел в мир иной. Однако в большинстве случаев нужно усиление. У нашего центра есть соответствующая аппаратура, помогающая услышать голоса ушедших от нас. Кроме того, мы оказываем и другие услуги, например, изгнание нечистой силы, отречение, проповеди и прочее, что время от времени становится необходимым, когда плоть взаимодействует с духом. Теперь вы понимаете, чем мы занимаемся? — тепло улыбнулась женщина.

— Да, большое спасибо, — поблагодарил Блейн и направился по вестибюлю к комнате 32-А.

Это была маленькая невзрачная комната с несколькими креслами и громкоговорителем на стене. Блейн сел, не зная, что произойдет дальше.

— Том Блейн! — послышался тихий голос из громкоговорителя.

— Кто? Что это? — Блейн вскочил и бросился к двери.

— Том! Как поживаешь, дружище?

Блейн уже схватился за ручку, как вдруг узнал голос.

— Рей Мелхилл?

— Собственной персоной! Нахожусь там, куда попадают после смерти богатые люди! Здорово, а?

— Здорово? Это еще слабо сказано! — воскликнул Блейн. — Но каким образом, Рей? Ты, вроде, говорил, что у тебя не было страховки потусторонней жизни.

— Точно, не было. Сейчас я расскажу тебе все, что со мной приключилось. За мной пришли примерно через час после того, как увели тебя. Я был просто вне себя от ярости, думал, что сойду с ума. И злился, пока хлороформ давали, пока сознание стирали. Даже когда умирал, злился.

— А что такое смерть? — спросил Блейн.

— Это как взрыв. Я чувствовал, как разлетаюсь на мелкие куски, становлюсь большой, как целая галактика, куски распадаются еще на кусочки, и все это — я.

— А что было дальше?

— Не знаю. Может быть, мне помогло то, что я был страшно зол. Я занял огромное пространство, растянулся до предела, — еще немного и меня не стало бы, — но затем я снова сжался. Некоторым такое удается. Я ведь говорил тебе, что из миллиона всего несколько человек остаются живыми без специальной подготовки к жизни после смерти. Вот я и оказался одним из таких счастливицков.

— Обо мне ты, наверное, все знаешь, — сказал Блейн. — Я пытался как-то помочь тебе, но тебя успели продать.

— Да, знаю, — ответил Мелхилл. — И все равно, спасибо, Том. И вот что еще: я благодарен за то, что ты врезал тому подонку, что носит теперь мое тело.

— Ты и это видел?

— Да вот, стараюсь следить за происходящим, — ответил Мелхилл. — Между прочим, мне понравилась твоя Мэри. Симпатичная девчонка.

— Спасибо, Рей. Скажи, а что такое потусторонняя жизнь? На что она похожа?

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Я ведь туда еще не попал, Том. Я сейчас на Пороге. Это такая подготовительная ступень, нечто вроде моста между Землей и потусторонней жизнью. Понимаешь, это трудно описать. Что-то серое, с одной стороны Земля, а с другой — потусторонняя жизнь.

— А почему же ты не переходишь туда?

— Не хочется торопиться, — ответил Мелхилл. — Дорога в потустороннюю жизнь — улица с односторонним движением: перейдешь — и назад уже не вернуться. Теряешь всякий контакт с Землей.

Блейн задумался на мгновение, затем спросил:

— А когда ты собираешься окончательно переехать?

— Не знаю еще. Думаю, пока останусь на Пороге и посмотрю, как тут дела.

— Ты хочешь сказать, что будешь наблюдать за мной?

— Ага.

— Спасибо, Рей, не надо. Перебирайся в потустороннюю жизнь. Я сам о себе позабочусь.

— Не сомневаюсь, — донесся голос Мелхилла. — Но все-таки пока останусь здесь. Ведь ты тоже поступил бы так, окажись ты на моем месте, правда? Так что не спорь. Скажи, ты знаешь, что тебе угрожает опасность?

Блейн кивнул.

— Ты имеешь в виду зомби?

— Я не знаю, кто он и что ему от тебя нужно, Том, но ничего хорошего ваша встреча не обещает. Постарайся держаться от него подальше — вдруг он что-то вспомнит? Но я имел в виду не это.

— Ты хочешь сказать, что мне еще что-то угрожает?

— Боюсь, что так. За тобой охотится призрак.

Блейн невольно рассмеялся.

— Что смешного? — негодуя спросил Мелхилл. — По-твоему, смешно, когда тебя преследует призрак?

— Нет, пожалуй. И все-таки, неужели это так серьезно?

— Господи, да ты полный невежда, — вздохнул Мелхилл. — Что ты знаешь о призраках? О том, как ими становятся и что им нужно?

— Ничего. Просвети меня.

— Когда человек умирает, у него появляются три возможности. Во-первых, его сознание может просто распасться, рассеяться и исчезнуть, и тогда наступает конец. Второе — сознание может противостоять травме умирания, и человек попадает в пороговую зону, становится духом. Об этих двух путях ты, по-видимому, знаешь.

— Дальше.

— Есть и третья возможность: сознание человека повреждается в результате травмы умирания, но не рассеивается. Оно попадает-таки на Порог. Однако напряжение оказывается настолько большим, что сводит его с ума. Вот так, мой друг, рождается призрак.

— Гм-м, — произнес Блейн. — Значит, призрак — это сознание, утратившее разум в результате травмы умирания?

— Совершенно верно. Он становится безумным и преследует людей.

— Зачем?

— Призраки преследуют людей, — сказал Мелхилл, — потому что переполнены болезненной ненавистью, злобой, страхом и болью. Они не попадают в потустороннюю жизнь. Им хочется провести как можно больше времени на Земле, на которой сконцентрировано все их внимание. Они стремятся вселять в людей страх, причинять им боль и страдания, сводить их с ума. Преследование людей становится для них самым приятным занятием, которое только им доступно. Это их безумие. Видишь ли, Том, с момента возникновения человечества...

С момента возникновения человечества существовали призраки, но их всегда было немного. Всего лишь несколько человек из миллиона выживали после смерти, и только немногие из числа уцелевших сходили с ума во время перехода к потусторонней жизни и превращались в призраков.

Однако влияние этих немногих было поистине колоссальным, потому что человечество всегда относилось к смерти со страхом, интересом и благоговением, смерть словно околдовывала людей, и холодное бесстрастие трупа, который только что был живым человеком, потрясало не меньше, чем ужасная улыбка скелета. Таинственный, создававшийся веками образ смерти с пальцем, угрожающе указующим в небеса, населенные бесчисленными духами, казался наполненным безграничным смыслом. Таким образом, каждый настоящий призрак превращался в тысячу воображаемых. Зловещий крик летучей мыши делал ее призраком. Болотные огоньки, раздуваемые сквозняком шторы и раскачивающиеся на ветру деревья становились призраками; огни святого Эльма, большеглазые совы, крысы за стенами и лисицы в кустах — все это олицетворяло призрачное

царство. Народные предания распространялись все шире, создавая ведьм и колдунов, маленьких несносных домовых, демонов и дьяволов, суккубов и инкубов, вервольфов и вампиров. Каждый подлинный призрак превращался в тысячу воображаемых, а всякое загадочное событие вызывало к жизни миллионы слухов.

Первые ученые-исследователи вошли в этот лабиринт, пытаясь отличить правду от сверхъестественных явлений. Они обнаружили бесчисленное множество надувательств, галлюцинаций и просто ошибок. Одновременно ученые столкнулись с рядом действительно необъяснимых случаев, которые были хоть и интересными, но редкими.

Рухнули все народные предания. Со статистической точки зрения призраков не существовало. Зато постоянно вырисовывалось неуловимое, не поддающееся объяснению нечто, отказывающееся втиснуться в рамки рациональной классификации. На протяжении столетий это «нечто» игнорировалось, а ведь именно оно давало основания для легенд о демонах и оборотнях. Наконец пришло время, когда научная теория догнала народные предания, нашла для них место в царстве неоспоримых явлений и придала им респектабельность.

После обнаружения и научного подтверждения потусторонней жизни призраки, не поддававшиеся ранее объяснению, стали рассматриваться как воплощение безумного сознания, населяющего расплывчатую пограничную область между Землей и потусторонним миром. Оказалось, что формы безумия у призраков можно относить к различным категориям как у живых людей. Среди них были меланхолики; одержимые навязчивой идеей; дурашливые гебефреники, болтающие глупости; идиоты и слабоумные, возвращающиеся под маской малых детей; шизофреники, вообразившие себя животными; подобию вампиров и снежных людей; волки-оборотни; тигры-оборотни; лисы-оборотни; собаки-оборотни. Имелись также духи, обуреваемые страстью к разрушению, бросающие камни и устраивающие пожары, полтергейст; и претенциозные параноики, возмнившие себя Люцифером или Вельзевулом, Израилем или Азраилом, духом

прошедшего Рождества, фуриями, Высшим Судией или даже самой Смертью.

Преследование людей проистекало из безумной природы призраков. Они плакали у старых сторожевых башен, те немногочисленные призраки, на чьих хрупких плечах покоилось огромное строение народных легенд и сказок, смешивались с туманом вокруг виселиц, бормотали и несли чепуху на спиритических сеансах. Они разговаривали, рыдали, танцевали и пели к удовольствию доверчивой публики, пока не появились ученые и наблюдатели со своими холодными трезвыми вопросами. Тогда призраки отступили обратно в пограничную область между Землей и потусторонней жизнью под натиском здравого рассудка, испулавшись за свои иллюзии и боясь возможности исцеления.

— Вот так все и было, — закончил Мелхилл. — В остальном ты и сам разберешься. После появления корпорации «Потусторонняя жизнь, инк.» намного больше людей остаются живыми после смерти, и, разумеется, куда больше сходят с ума во время переселения в потусторонний мир.

— И, следовательно, появляется гораздо больше призраков, — добавил Блейн.

— Совершенно верно. Один из них преследует тебя. — Голос Мелхила начал ослабевать. — Так что будь осторожен, Том. А мне пора идти.

— Что это за призрак, Рей? — спросил Блейн. — Чей? И почему тебе пора идти?

— Чтобы оставаться на Земле, требуется много энергии, — слышался шепот Мелхила. — У меня ее почти не осталось. Мне нужна подзарядка. Ты еще слышишь меня?

— Слышу, продолжай.

— Я не знаю, когда он объявится, Том. И не имею представления, кто это такой. Я спросил его, но он не ответил. Будь осторожен.

— Хорошо, Рей, — ответил Блейн, прижимая ухо к громкоговорителю. — А с тобой я еще смогу поговорить?

— Да, наверное. — Голос Мелхилла был едва слышен. — Том, я знаю, что ты ищешь работу. Обратись к Эду Франчелу, 322, Вест, 19-я улица. Работа опасная, но платят неплохо. И гляди в оба.

— Рей! — крикнул Блейн. — Так что это за призрак?

Ответа не последовало. Громкоговоритель молчал, и Блейн остался один в маленькой комнате.

Глава 14

По адресу, который ему дал Рей Мелхилл, — 322, Вест, 19-я улица — находился маленький ветхий особняк недалеко от доков. Блейн поднялся по лестнице и нажал на кнопку звонка рядом с табличкой «Эдвард Дж. Франчел, предприниматель». Дверь открыл крупный лысеющий мужчина в рубашке без пиджака.

— Мистер Франчел? — спросил Блейн.

— Да, это я, — ответил мужчина, решительно улыбувшись. — Проходите, сэр.

Он впустил Блейна в квартиру, пропахшую вареной капустой. Первая комната была превращена в офис — стол, заваленный бумагами, пыльный шкаф, уставленный папками, и несколько стульев. В глубине квартиры Блейн увидел темную гостиную. Откуда-то доносился рев солидовизора — шла дневная программа.

— Извините за беспорядок, — произнес Франчел, приглашая Блейна сесть. — Как только выдастся свободное время, переберусь в настоящую контору. Меня прямо-таки завалили заказами... Итак, сэр, чем могу служить?

— Я ищу работу, — сказал Блейн.

— Черт побери, — выругался Франчел, — а я принял вас за клиента.

Он повернулся в сторону гремевшего солидовизора и крикнул: — Элис, сделай проклятую машину потише, а? — Подождал, пока звук стал чуть потише, и снова взглянул на Блейна. — Понимаешь, приятель, если мои дела не улучшатся, мне снова придется взять в аренду кабину для самоубийств на Кони-Айленд. Значит, ищешь работу?

— Совершенно верно. Рей Мелхилл посоветовал обратиться к вам.

Франчел улыбнулся.

— Как поживает Рей? — спросил он.

— Рей умер.

— Очень жаль, — покачал головой Франчел. — Он был хорошим парнем, хотя иногда с ним не было сладу. Когда пилоты космолетов бастовали, он работал у меня пару раз. Выпьешь что-нибудь?

Блейн кивнул. Франчел встал, подошел к шкафу и достал из-за папок бутылку пшеничного виски с надписью на этикетке «Moonjuice», затем поставил на стол два маленьких стаканчика и ловко наполнил их.

— Выпьем за Рея, — произнес Франчел, поднимая стаканчик с «лунным соком». — Значит, его все-таки «упаковали»?

— И даже «доставили», — кивнул Блейн. — Я только что говорил с ним через Духовный коммутатор.

— Значит, он сумел добраться до Порога! — с восхищением воскликнул Франчел. — Вот если бы нам так же повезло! Итак, тебе нужна работа? Ну что ж, может быть, я сумею помочь. Встань.

Он обошел вокруг Блейна, потрогал его бицепсы и похлопал по могучим плечам, затем остановился перед ним, кивая опущенной головой, — и вдруг нанес удар в лицо. Правая рука Блейна мгновенно взлетела вверх и парировала удар.

— Отличное телосложение, превосходная реакция, — удовлетворенно заметил Франчел. — Пожалуй, ты подойдешь. В оружии разбираешься?

— Не то чтобы очень, — ответил Блейн, еще не понимая, какую работу ему хотят предложить. — Так... старинное оружие. Гаранд, винчестер, кольт.

— Неужели? — заинтересовался Франчел. — Знаешь, мне всегда хотелось заняться коллекционированием старинного огнестрельного оружия. Однако во время охоты запрещено как огнестрельное, так и лучевое оружие. Что еще ты умеешь?

— Могу действовать винтовкой с примкнутым штыком, — сказал Блейн, подумав, как захохотал бы его сержант, услышав такое заявление.

— Действительно можешь? Выпады, защита и тому подобное? Черт меня побери! — поразился Франчел. — А мне казалось, что искусство штыкового боя утрачено навсегда. Ты первый за пятнадцать лет. Так вот, дружище, считай, что ты нашел работу.

Франчел подошел к столу, написал что-то на листке бумаги и протянул его Блейну.

— Отправляйся завтра по этому адресу на инструктаж. Тебе будут платить обычное жалованье участника охоты — двести долларов плюс пятьдесят за каждый рабочий день. У тебя есть оружие и снаряжение? Ладно, я подберу тебе что-нибудь, но стоимость будет вычтена из заработной платы. Кроме того, я беру десять процентов сверху. Согласен?

— Конечно, — согласился Блейн. — Вы не могли бы объяснить поподробнее относительно охоты?

— Тут нечего объяснять. Самая обычная охота. Только не болтай об этом. Я не уверен, что охоту еще не запретили. Жаль, что Конгресс не может принять окончательного решения относительно закона о самоубийствах и допустимых убийствах. А то непонятно, что разрешено, а что — нет.

— Это верно, — кивнул Блейн.

— Юридические аспекты тебе объяснят, наверное, во время инструктажа, — продолжал Франчел. — Там будут и остальные охотники, и жертва расскажет вам все, что нужно. Если будешь говорить с Реем, передай от меня привет. Скажи, я очень сожалею о его смерти.

— Обязательно передам, — сказал Блейн.

Он решил больше не задавать вопросов, опасаясь, что его невежество может стоить ему работы. А работа — любая работа — была сейчас необходима как для утверждения чувства собственного достоинства, так и для пополнения тощего кошелька.

Он поблагодарил Франчела и ушел.

Этим вечером Блейн поужинал в дешевой закусочной и купил несколько журналов. Ему удалось найти работу, а потому у него было хорошее настроение. Теперь Блейн не сомневался, что найдет для себя достойное место в этой эпохе.

Его эйфория исчезла, когда, возвращаясь к себе в отель, он увидел мужчину, который стоял в переулке и

следил за ним. У мужчины было бледное лицо и бесстрастные глаза Будды, а грубая одежда висела на нем, как лохмотья на огородном пугале.

Это был зомби.

Блейн поспешил скрыться в отеле, отказываясь признать, что ему угрожает опасность. В конце концов, если коту дозволено смотреть на короля, то и зомби имеет право смотреть на человека, правда?

Впрочем, такие попытки успокоить себя оказались не слишком успешными, и его до утра мучили кошмары.

Рано утром Блейн отправился на угол 42-й улицы и Парк-авеню, чтобы сесть на автобус и ехать на инструктаж. Ожидая, он заметил какое-то волнение на противоположной стороне 42-й улицы.

Посреди заполненного людьми тротуара остановился мужчина. Он глупо хихикал, и прохожие стали обходить его. Блейну показалось, что мужчине было за пятьдесят, на нем был деловой твидовый костюм, очки, и ему не мешало бы похудеть. В руке он держал портфель и был похож на десятки миллионов деловых людей.

Внезапно он перестал смеяться, раскрыл портфель и достал оттуда два длинных, слегка изогнутых кинжала, затем отбросил в сторону пустой портфель и очки.

— Берсеркер! — слышался чей-то крик.

Мужчина бросился в толпу, размахивая сверкающими кинжалами. Люди закричали и стали в панике разбегаться.

— Берсеркер, берсеркер!

— Вызовите полицию!

— Берегитесь, берсеркер!

Один из прохожих упал на тротуар, зажимая рукой рану на плече и ругаясь. Лицо берсеркера стало огненно-красным, изо рта брызгала слюна. Он пробирался все дальше в толпу, и люди сбивали друг друга с ног, пытаясь убежать. Пронзительно крикнула упавшая женщина; пакеты, которые она держала в руках, рассыпались по тротуару.

Берсеркер попытался ударить ее кинжалом, зажатый в левой руке, но промахнулся и рванулся дальше в толпу.

Появились одетые в синюю форму полицейские, — их было шесть или восемь, — они были вооружены.

— Всем лечь! — раздался властный голос. — На тротуар! Всем лечь!

Движение остановилось. Прохожие вокруг берсеркера бросились на тротуар. На той стороне улицы, где стоял Блейн, люди тоже поспешно ложились.

Веснушчатая девочка лет двенадцати потянула Блейна за рукав.

— Ложитесь и вы, мистер! Вас может задеть луч!

Блейн опустилсЯ на асфальт рядом с ней. Берсеркер повернулся и побежал к полицейским, испуская пронзительные вопли и размахивая кинжалами.

Трое полицейских одновременно открыли огонь. Бледно-желтые лучи вырвались из пистолетов и, попав в берсеркера, окрасились в красный цвет. Он вскрикнул, когда одежда на нем задымилась, повернулся и попытался убежать.

Желтый луч попал прямо ему в спину. Берсеркер швырнул кинжалы в полицейских и упал.

Вертолет «скорой помощи» опустился на мостовую с вращающимся винтом, в него погрузили труп берсеркера, раненых прохожих, и он тут же улетел. Полицейские принялись разгонять толпу, собравшуюся посмотреть на происшедшее.

— Расходитесь, расходитесь, спектакль закончен. Все по домам!

Толпа начала расходиться. Блейн встал и отряхнулся.

— Что случилось? — спросил он.

— Вот глупый, это же был берсеркер, — объяснила веснушчатая девочка. — Разве не видел?

— Видел. А что, здесь много таких?

Девочка с гордостью кивнула.

— В Нью-Йорке берсеркеров больше, чем в любом другом городе мира, кроме Манилы, — там их называют амоками. Но это одно и то же. У нас появляется примерно пятьдесят берсеркеров в год.

— Больше, — вмешался какой-то мужчина. — Семьдесят, даже восемьдесят в год. Но этот не слишком-то расторопный.

Вокруг Блейна и девочки собралась группа любопытных. Началось обсуждение происшедшего. Блейн подумал, что в двадцатом веке так обсуждали автомобильные аварии.

— Сколько человек пострадало?

— Всего пять, и, по-моему, он никого не убил.

— Он не слишком и старался, — сказала пожилая женщина. — Когда я была девчонкой, остановить таких удавалось не сразу. Да, в наше время были настоящие берсеркеры.

— Да и место он выбрал неудачное, — заметила веснушчатая девочка. — 42-я улица всегда полна полицейских. Здесь берсеркер даже не успеет развернуться, как его тут же приканчивают.

— Ладно, ребята, расходитесь, — послышался голос подошедшего здоровенного полицейского. — Повеселились и хватит.

Толпа разошлась. Блейн сел в автобус, недоумевая, почему пятьдесят или даже больше человек в Нью-Йорке становятся неистовыми берсеркерами каждый год. От нервного напряжения? Безумное проявление индивидуализма? Особый вид преступления для взрослых?

И это тоже придется выяснить, если он хочет понять мир 2110 года.

Глава 15

По указанному адресу находилась роскошная квартира на верхнем этаже фешенебельного дома на Парк-авеню, в районе 70-х улиц. Дворецкий провел его в просторную комнату с длинным рядом кресел. Там уже сидела дюжина громкоголосых, крепких, загорелых мужчин, небрежно одетых и неловко чувствующих себя в такой изысканной обстановке. Большинство из них знали друг друга.

— Привет, Отто! Решил снова поохотиться?

— Да. Нет денег.

— Я так и знал, что ты вернешься к нам, старина. Здорово, Тим!

— Как поживаешь, Бьерн? Это моя последняя охота.

— Вот как? До следующего раза?

— Нет, я серьезно. Покупаю ферму в глубоководной впадине Северной Атлантики. Нужен вступительный взнос.

— Да ведь ты пропьешь свой взнос!

— На этот раз не пропью.

— Привет, Тезей! Верная рука в порядке?

— Как всегда, Чико. А ты как?

— Ничего, малыш.

— А вот и Сэмми Джонс, как всегда последний.

— Но ведь я не опоздал, правда?

— Опоздал на десять минут. Где твой кореш?

— Слиго? Погиб. Во время охоты на Астуриасе.

— Круто подзалетел. Страховка-то хоть была на потустороннюю жизнь?

— Вряд ли.

В комнату вошел мужчина и громко произнес:

— Господа! Прошу внимания!

Он остановился в центре комнаты, подбоченившись и глядя на сидящих охотников. Это был худощавый, мускулистый мужчина, среднего роста, в бриджах и рубашке с расстегнутым воротником. У него были небольшие холеные усики и удивительно синие глаза, выделявшиеся на худом загорелом лице. Несколько секунд он разглядывал охотников, отчего те неловко покашливали и шаркали ботинками.

— Доброе утро, господа, — сказал наконец мужчина. — Меня зовут Чарльз Халл, я ваш наниматель и жертва. — По его лицу пробежала холодная улыбка. — Прежде всего, господа, несколько слов по поводу законности нашего мероприятия. В последнее время возникла некоторая путаница в этом вопросе. Мой адвокат тщательно изучил все аспекты данной проблемы и даст вам сейчас разъяснения. Прошу вас, мистер Дженсен!

В комнату вошел невысокий, нервного вида мужчина, поправил очки и откашлялся.

— Да, мистер Халл. Господа, относительно законности охоты в данный момент: в соответствии с пересмотренными и дополненными поправками к закону о самоубийстве от 2102 года, любой человек, защищенный страховым полисом, гарантирующим ему потустороннюю жизнь, имеет право выбрать для себя любую смерть в любое время и в любом месте за исключением жестоких и противоестественных способов. Законность этого основного «права на смерть» очевидна: юристы не признают физическую смерть как таковую, если эта смерть не влечет за собой гибель сознания. Если сознание сохраняется, то убить тело не менее законно, чем состричь ноготь, — с юридической точки зрения. В соответствии с недавним решением Верховного суда тело считается всего лишь придатком сознания, которое может избавиться от него, когда пожелает.

Во время объяснения Халл расхаживал по комнате быстрыми кошачьими шагами. Потом он остановился и сказал адвокату:

— Благодарю вас, мистер Дженсен. Таким образом, никто не может оспаривать мое право на самоубийство. А также нет ничего незаконного в том, что я выбрал одного человека — или нескольких, — чтобы они помогли мне совершить этот акт. Ваши действия считаются законными, поскольку попадают под раздел разрешенных убийств закона о самоубийстве. Как видите, все хорошо. Единственная проблема вытекает из недавней поправки к закону о самоубийстве. Он кивнул мистеру Дженсену.

— Эта поправка гласит, — произнес Дженсен, — что человек может выбрать для себя любой способ смерти в любое время и в любом месте и тому подобное, если «таковая смерть не причинит физического ущерба другим людям».

— Вот эта поправка, — заметил Халл, — и затрудняет дело. Итак, охота является юридически дозволенным способом самоубийства. Время и место уже выбраны. Вы, охотники, преследуете меня. Я, ваша жертва, убегая. Вы ловите меня и убиваете. Великолепно! За исключением одной детали. — Он повернулся к адвокату. — Мистер Дженсен, вы можете уйти. Мне не хочется, чтобы вы оказались замешанным в это дело.

После того как адвокат покинул комнату, Халл продолжил:

— Загвоздка в том, что я буду вооружен и приложу все усилия, чтобы убить как можно больше охотников. Любого из вас. Даже всех, если удастся. И вот это является незаконным. — Халл грациозно опустился в кресло. — Преступление, однако, совершаю я, а не вы. Я нанял вас, чтобы вы меня убили. Вы понятия не имеете, что я собираюсь защищаться и наносить ответные удары. Это, конечно, юридическая фикция, но она спасает вас от обвинения в соучастии. Если меня арестуют в тот момент, когда я попытаюсь убить одного из вас, наказание, которое я понесу, будет очень суровым. Но меня не схватят. Один из вас убьет меня, и таким образом я окажусь вне досягаемости человеческого правосудия. Если же мне удивительно не повезет и я убью вас всех, мне придется

покончить с жизнью старинным способом и принять сильнодействующий яд. Но такой исход охоты был бы для меня большим разочарованием. Надеюсь, вы окажетесь достаточно умелыми и не допустите этого. Есть вопросы?

Охотники зашушукались, обмениваясь мнениями.

— Хитрый, ублюдок, а говорит-то как!

— Да брось ты, все жертвы так говорят.

— Считает себя умнее нас, хочет удивить юридическими тонкостями.

— Посмотрим, что он запоет, когда почувствует в брюхе холодную сталь.

— Великолепно. — На лице Халла снова появилась холодная улыбка. — Будем считать, что ситуация всем ясна. А теперь попрошу рассказать, каким оружием вы собираетесь пользоваться.

Охотники отвечали один за другим:

— Булава.

— Сетка и трезубец.

— Копье.

— «Утренняя звезда».

— Бола.

— Ятаган.

— Винтовка со штыком, — произнес Блейн, когда подошла его очередь.

— Меч.

— Алебарда.

— Сабля.

— Спасибо, господа, — поблагодарил охотников Халл. — Сам я буду вооружен рапирой — и никаких защитных доспехов. Встретимся на рассвете в воскресенье в моем имении. Дворецкий вручит каждому из вас бумагу, где будет объяснено, как туда добраться. Охотника со штыком попрошу остаться. Всем остальным — до свидания.

Охотники вышли. Халл взглянул на Блейна.

— Умение орудовать винтовкой со штыком — необычное искусство. Где вы учились штыковому бою?

Блейн поколебался, потом ответил:

— В армии, с 1943-го по 1945 год.

— Вы из прошлого?

Блейн кивнул.

— Интересно, — произнес Халл, не проявляя, однако, интереса. — Это ваша первая охота?

— Да.

— Вы производите впечатление неглупого человека. Полагаю, у вас есть веские причины, по которым вы выбрали такое опасное и неблагородное занятие?

— Мне нужны деньги, — ответил Блейн, — я не мог найти никакой другой работы.

— Да, конечно, — согласился Халл, словно знал об этом с самого начала. — И вы стали участником охоты. Но ведь охота — это не простое занятие, а охотиться на зверя под названием «Человек» может не каждый. Для такой профессии требуются определенные качества и далеко не последнее из них — способность убивать. Вы считаете, что обладаете таким врожденным талантом?

— Наверное, — ответил Блейн, который никогда раньше не задумывался над подобным вопросом.

— Интересно, — задумчиво произнес Халл. — Несмотря на воинственную внешность, вы не кажетесь таким человеком. Что если вам не удастся заставить себя совершить убийство? А вдруг в решающий момент, когда сталь ударится о сталь, вас охватят сомнения?

— Я готов попробовать, — сказал Блейн.

— Я тоже, — кивнул Халл. — Возможно, где-то в глубине вашего сознания прячется убийца. А может быть, и нет. Это безусловно придаст особую остроту нашей игре, хотя не исключено, что у вас не хватит времени, чтобы насладиться ею.

— Это уж моя забота, — отозвался Блейн, испытывая глубокую неприязнь к своему элегантному и разговорчивому работодателю. — Можно задать вопрос?

— Я к вашим услугам.

— Спасибо. Почему вам так хочется умереть?

Халл уставился на него, затем расхохотался.

— Теперь я не сомневаюсь, что вы прибыли из прошлого! Ну и вопрос вы мне задали!

— Вы можете на него ответить?

— Конечно. — Халл откинулся на спинку кресла, и на его лице появилось мечтательное выражение челове-

ка, готовящегося пуститься в рассуждения. — Мне со-рок три года, и я устал от бесконечных ночей и дней. Я богат и всю жизнь поступал так, как мне нравилось, ни в чем себе не отказывая. Я испытал все, придумывал новые развлечения, веселился, плакал, любил, ненавидел, вкушал наслаждения, пьянствовал — я сыт по горло. Я наслаждался всем, что могла предложить мне Земля, и теперь не хочу повторять скучный опыт. Будучи молодым, я представлял себе эту прелестную зеленую планету, плывущую по своему таинственному пути вокруг пылающего желтого светила, сокровищницей, бронзовой шкатулкой, полной наслаждений и неистощимой в своем стремлении удовлетворять мои все новые и новые желания. Однако теперь я прожил много лет и, к своему глубокому сожалению, обнаружил, что наступил конец страстям и желаниям. Сейчас я смотрю с буржуазным самодовольством на нашу жирную круглую Землю, которая на безопасном расстоянии и с постоянной скоростью крутится вокруг безвкусно сияющего Солнца. А таинственная сокровищница, которой представлялась мне Земля, оказалась раскрашенной коробкой для детских игрушек. В ней почти не осталось наслаждений, а те, что остались, больше не волнуют кровь. — Халл взглянул на Блейна, чтобы проверить, какой эффект произвели его слова, и продолжал: — Скука простирается передо мной, как огромная безводная пустыня, и я предпочел не мучиться. Вместо этого я выбрал движение вперед и решил испытать последнее и величайшее ощущение на Земле — смерть, пройти через ворота, ведущие к потусторонней жизни. Вы понимаете меня?

— Разумеется, — бросил Блейн; театральность Халла раздражала, но слова производили впечатление. — Но зачем так спешить? Не исключено, что жизнь подарит вам еще немало хорошего. А вот смерть — шаг непоправимый. Не лучше ли повременить?

— Вот мнение настоящего оптимиста из двадцатого века, — засмеялся Халл. — «Жизнь — это реальность, жизнь — это серьезно...» В ваше время приходилось верить в то, что жизнь — самое ценное, что есть у человека. Действительно, разве у вас был

выбор? Кто из вас по-настоящему верил в жизнь после смерти?

— Это не меняет сути моего вопроса, — заметил Блейн. Ему не нравились эти осторожные, скучные рассуждения, на которые его вынудил Халл.

— Как раз наоборот! Изменились перспективы жизни и смерти. Вместо банального совета Лонгфелло мы следуем указанию Ницше — умрите вовремя! Разумные люди не хватаются за оставшуюся жизнь подобно тому, как утопающий за соломинку. Они понимают, что телесная жизнь — это всего лишь бесконечно малая часть человеческого существования. Почему не приблизить конец, если хочется? Отчего бы этим способным ученикам не перепрыгнуть через один-два класса в этой школе? Только трусы, глупцы и неучи цепляются за каждую скучную секунду земного существования.

— Значит, только трусы, глупцы и неучи, — повторил Блейн. — И те несчастные, кто не может позволить себе приобрести страховку для переселения в потустороннюю жизнь.

— У богатых и занимающих видное положение в обществе есть привилегии, — по лицу Халла скользнула едва заметная улыбка, — но и обязательства. Одним из таких обязательств является необходимость умереть своевременно, пока ты не превратился в помеху для равных тебе и не стал ужасом для себя самого. Однако акт смерти должен быть выше положения в обществе и хороших манер. Это доказательство благородства человека, королевский зов, рыцарский долг, его самое великое приключение в жизни. То, как он проявит себя в этом одиноком и опасном предприятии, характеризует его как человека. — Синие глаза Халла сверкнули фанатичным огнем. — Я не собираюсь встретить это великое событие в мягкой постели. Мне не по вкусу скучная, обыкновенная смерть, которая явится ко мне во сне. Я хочу погибнуть в бою!

Блейн кивнул, несмотря на раздражение, и почувствовал сожаление при мысли о собственной прозаической смерти. Погибнуть в автомобильной катастрофе! Как глупо, неинтересно и банально! А каким странным,

благородным, мрачным казался выбор Халла. С претензией, конечно, так ведь и вся жизнь в бесконечной Вселенной неживой материи претенциозна. Халл походил на древнего японского самурая, спокойно опускающегося на колени для совершения ритуала харакири, подчеркивая таким образом ценность жизни в самом выборе смерти. Однако харакири — пассивное восточное признание своего конца, тогда как Халл выбрал чисто западный способ смерти — свирепый, жестокий и ликующий.

Восхитительно! Но в тоже время крайне неприятно для человека, еще не собирающегося умирать.

— Я не имею ничего против того, чтобы вы или любой другой человек выбирали способ умереть, — произнес Блейн. — А вот как быть с теми охотниками, которых вы собираетесь убить? Они не собираются умирать, да и на жизнь после смерти им рассчитывать не приходится.

— Они сами выбрали такую опасную профессию, — пожал плечами Халл. — Как сказал Ницше: им нравится рисковать и играть в кости со смертью. Вы что, Блейн, передумали и отказываетесь от участия в охоте?

— Нет.

— Значит, встретимся в воскресенье.

Блейн направился к двери и взял у дворецкого листок бумаги с указаниями. Выходя, он обернулся.

— Интересно, приходила ли вам в голову одна вещь? — задумчиво спросил он.

— Какая?

— Не может быть, чтобы вы не думали об этом раньше. А вдруг все это — научно обоснованная потусторонняя жизнь, голоса мертвых, духи — всего лишь гигантская мистификация, состряпанная корпорацией «Потусторонняя жизнь» ради наживы?

Халл замер, словно окаменел. Когда он заговорил, в его голосе слышалась ярость.

— Это совершенно исключено. Подобная мысль могла прийти в голову только абсолютно невежественному человеку.

— Возможно. Но представьте, каким дураком вы окажетесь, если это действительно так! До свиданья, мистер Халл.

Блейн ушел, радуясь, что сумел вывести из себя этого самодовольного, изысканного мерзавца хотя бы на мгновение; одновременно он испытывал сожаление, что его собственная смерть была такой повседневной и бесцветной.

Глава 16

На следующий день, в субботу, Блейн пошел в контору, где ему дали винтовку, штык, охотничью форму и рюкзак. Он получил аванс — половину жалованья минус десять процентов и стоимость снаряжения. Деньги оказались весьма кстати, потому что у него осталось всего три доллара с мелочью.

Он заглянул в Духовный коммутатор, но никаких вестей от Мелхилла не было. Блейн вернулся в отель и остаток дня посвятил тренировке, отрабатывая выпады и защиту.

Весь вечер он чувствовал, как при мысли о предстоящей охоте нарастает нервное напряжение. Чтобы рассеяться, он пошел в небольшой бар в Вест-Сайде, где была воссоздана обстановка двадцатого века: длинная блестящая стойка, деревянные стулья, на полу опилки, а вдоль нижней части стойки — медная поперечина, на которую посетители ставили ноги. Блейн сел за столик и заказал пиво. Мерцали классические неоновые огни, а из подлинного музыкального автомата середины двадцатого века доносились сентиментальные мелодии Глена Миллера и Бенни Гудмэна. Блейн сидел, склонившись над стаканом пива, и уныло спрашивал себя: кто он и кем намеревается стать.

Неужели он действительно взялся за работу охотника и готов убивать людей? Тогда куда исчез настоящий Том Блейн, бывший конструктор парусных яхт, бывший любитель стереофонической музыки, бывший читатель хороших книг, бывший ценитель хороших пьес? Что случилось с этим спокойным, насмешливым и совсем не агрессивным человеком? Да разве этот человек, будь он

в своем худощавом, пластичном теле, взялся бы за ремесло убийцы? Нет, никогда!

Неужели тот знакомый Блейн, о котором он так сейчас жалел, покорен и подавлен этим крупным мускулистым телом бойца с молниеносной реакцией? Может быть, это тело, выделяющее в кровь какие-то таинственные вещества, с его особым мозгом и нервной системой, — именно это деспотичное тело несет ответственность за все и толкает своего беспомощного владельца на преступления?

Блейн потерял глаза и подумал, какая чепуха приходит порой в голову. Истина состоит в том, что он умер в результате стечения обстоятельств, от него не зависящих, заново родился в будущем и обнаружил, что он ни на что не способен, кроме охоты. Что и требовалось доказать.

Сдавало это благоразумное объяснение не удовлетворяло его, а на поиски постоянно ускользающей правды времени не оставалось.

Блейн уже не был нейтральным наблюдателем событий, происходивших в 2110 году. Он превратился в их участника, начал играть активную роль и перестал быть бесстрастным зрителем. Действие привлекало его, побуждало к совершению поступков. Тормоза были выключены, и машина марки «Блейн» катилась вниз по крутому склону холма Жизни все быстрее и быстрее. Может, сейчас у него осталась последняя возможность подумать, взвесить, проверить правильность выбранного пути...

Но было уже поздно. На стул напротив опустился мужчина, словно тень, закрывшая лик мира. Блейн смотрел в белое, ничего не выражающее лицо зомби.

— Добрый вечер, — произнес зомби.

— Добрый вечер, — сдержанно ответил Блейн. — Хотите что-нибудь выпить?

— Нет, спасибо. Мой организм не переносит стимуляции.

— Сочувствую, — сказал Блейн.

Зомби пожал плечами.

— Теперь у меня появилось имя, — сообщил он. — До тех пор, пока не припомню своего настоящего имени, я буду звать себя Смит. Вам нравится?

— Хорошее имя, — согласился Блейн.

— Спасибо. Я был у врача. Он сказал, что мое тело слабеет. У него нет выносливости, оно не способно восстанавливать силы.

— Неужели вам ничем нельзя помочь?

Смит покачал головой.

— Мое тело определенно в состоянии зомби. Я слишком поздно проник в него. Врач считает, что мне осталось несколько месяцев, не больше.

— Очень жаль, — ответил Блейн, чувствуя отвратительную тошноту, подступающую к горлу при виде этого мрачного, с грубыми чертами и серо-свинцовой кожей, лица с терпеливыми глазами Будды.

Смит сидел в мятой рабочей одежде, висящей на нем мешком, какой-то неестественно расслабленный. Его белое лицо было гладко выбрито. От него сильно пахло лосьоном. Однако в нем уже стали заметны перемены. Блейн уже обратил внимание, что мягкая и упругая когда-то кожа начала сохнуть, появились крохотные морщины вокруг глаз, носа и рта, складки на лбу, напоминающие трещины в старой высохшей коже. Кроме того, Блейну показалось, что сквозь резкий запах лосьона пробивался едва заметный душок тления.

— Что вам от меня нужно? — спросил Блейн.

— Я не знаю.

— Тогда оставьте меня в покое.

— Я не могу, — произнес Смит извиняющимся тоном.

— Вы хотите меня убить? — в горле Блейна пересохло.

— Я ведь уже сказал, что не знаю! Я ничего не помню! Убить вас, защитить, любить, искалечить — я еще не знаю! Но придет время, и я вспомню, Блейн! Это я вам обещаю.

— Оставьте меня в покое, — попросил Блейн, чувствуя, как напрягаются мускулы.

— Не могу, — ответил Смит. — Неужели вы не понимаете? Я не знаю ничего, кроме вас. Буквально ничего! Я не знаю этого мира, ни одного лица, ни одного человека. У меня нет памяти. Вы — моя единственная связь с чем-то, центр моего существования, только ради вас я цепляюсь за жизнь.

— Замолчите!

— Почему? Ведь это правда! Неужели вы думаете, что мне нравится таскать по улицам это разваливающееся тело? Кому нужна жизнь, если не на что надеяться и нечего вспомнить? Смерть куда лучше! Жизнь — это вонючая разлагающаяся плоть, тогда как смерть — чистое бесплотное сознание! Я думаю об этом, мечтаю о ней, прекрасной бесплотной смерти! Но меня останавливает одно: у меня остались вы, Блейн, из-за вас я заставляю себя жить.

— Убирайтесь! — крикнул Блейн. К горлу подступила тошнота.

— Это вы мое солнце и луна, мои звезды, моя земля, вся моя вселенная, моя жизнь, мой друг, враг, возлюбленный, убийца, жена, отец, ребенок, муж...

Блейн изо всех сил ударил Смита кулаком в скулу. Зомби упал. Выражение лица его не изменилось, однако на скуле свинцового цвета появился огромный пурпурный кровоподтек.

— Вы поместили меня, — прошептал Смит.

Кулак Блейна, занесенный для второго удара, бесильно опустился.

— Я ухожу, — произнес Смит, вставая. — Будьте осторожнее, Блейн. Не умирайте пока! Вы мне нужны. Скоро я вспомню и приду к вам.

Смит вышел из бара. Его угрюмое избитое лицо было неподвижно.

Блейн заказал двойное виски и долго сидел со стаканом в руке, пытаясь унять дрожь.

Глава 17

Блейн прибыл в имение Халла на загородном джет-бусе за час до рассвета. На нем была традиционная форма охотника — рубашка и брюки цвета хаки, ботинки на резиновой подошве и широкополая шляпа. На одном плече висел рюкзак, на другом — винтовка и штык в пластмассовом чехле.

У ворот его встретил слуга, который проводил Блейна к низкому нескладному особняку. От слуги Блейн узнал, что имение Халла занимает девяносто акров леса в Адирондакских горах, между Кином и Элизабеттауном. Именно здесь, сообщил ему слуга, совершил самоубийство отец Халла в возрасте пятидесяти одного года, причем сумел убить шестерых охотников, но седьмой, вооруженный саблей, отсек ему голову. Какая славная смерть! Дядя Халла, наоборот, предпочел смерть берсеркера в Сан-Франциско, который так любил. Полицейским пришлось двенадцать раз выстрелить в него из лучевых пистолетов, прежде чем он умер. С собой дядя Халла прихватил семерых прохожих. Газеты много писали об этом событии, и вырезки хранятся в семейном альбоме.

Причина в разных темпераментах, объяснил старый разговорчивый слуга. Некоторые, как, например, дядя Халла, обладают веселым характером, любят компанию и предпочитают смерть в толпе, у всех на виду. А другие, вроде нынешнего мистера Халла, любят одиночество и природу.

Слушая, Блейн вежливо кивал. Слуга проводил его в большую комнату, обставленную в деревенском стиле. Там уже собрались охотники. Они пили кофе и в

последний раз оттачивали острые как бритва лезвия. Сверкала голубая сталь меча, отливала серебром блестящая алебарда, искры света вспыхивали на полированном острие копья и поблескивали льдом на остроконечных шипах булавы и шара на цепи — «утренней звезды». На первый взгляд, подумал Блейн, все это напоминает сцену из средневековья. Однако потом он решил, что это больше похоже на приготовления к съемкам фильма.

— Придвигай стул, приятель, — сказал алебардист. — Добро пожаловать в Благотворительное общество защиты мясников, забойщиков скота и странствующих убийц. Меня зовут Сэмми Джонс, я лучший алебардист в Северной и Южной Америке, да и в Европе, пожалуй, тоже.

Блейн сел, и его представили остальным охотникам. Среди них были люди разных национальностей, хотя все говорили между собой по-английски.

Сэмми Джонс, приземистый черноволосый мужчина с широченными плечами, был одет в заплатанную и выцветшую форму цвета хаки; на его лице, словно высеченном из камня, виделось несколько шрамов, оставшихся от прошлых охот.

— Это у тебя первая охота? — спросил он, глядя на новенькую форму Блейна.

Тот кивнул, достал винтовку из пластикового чехла и закрепил штык на стволе, проверил крепление, подтянул ремень и снова снял штык.

— Ты действительно владеешь этой штуковиной? — спросил Джонс.

— Конечно, — ответил Блейн; в его голосе прозвучало больше уверенности, чем он чувствовал.

— Тогда хорошо. Такие, как Халл, нутром чувствуют слабину. Они пытаются расправиться со слабиками в первую очередь.

— Сколько времени обычно длится охота?

— Трудно сказать, — пожал плечами Джонс. — Один раз я участвовал в охоте, которая продолжалась восемь дней. Это было на Астуриасе, там прикончили моего напарника Слиго. В общем-то, хорошая команда расправляется с жертвой за пару дней, не больше. Все зависит от того, как тот желает умереть. Некоторые

жертвы стараются продержаться как можно дольше. Прячутся в пещерах и оврагах, ублюдки, приходится лезть за ними, каждую минуту ожидая, что тебя проткнут. Вот так и погиб Слиго. Мне кажется, однако, что Халл не из их числа. Он хочет умереть как герой, как настоящий мужчина. Значит, будет рисковать, стараясь прикончить как можно больше охотников своим вертелом.

— Похоже, он тебе не нравится, — заметил Блейн.

Сэмми Джонс поднял густые брови.

— Не люблю, когда из смерти делают целый спектакль. А вот и наш герой.

В комнату вошел Халл, элегантный и стройный в шелковой рубашке цвета хаки, с белым платком на шее. В руке он держал небольшой рюкзак, а на плече висела зловещего вида рапира.

— Доброе утро, господа, — поздоровался он. — Оружие наточено, рюкзаки собраны, шнурки туго завязаны? Великолепно! — Халл подошел к окну и раздвинул шторы. — Взгляните на первый луч зари, эту светлую полосу на востоке, предвестник появления нашего свирепого бога Солнца, распоряжающегося охотой. Я уйду. Слуга оповестит вас, когда истекут положенные мне льготные полчаса. После этого вы можете преследовать меня и убить, — если сумеете. Поместье огорожено. Я не буду выходить за ограду — и вы тоже.

Халл поклонился и стремительно вышел из комнаты.

— Господи, как я ненавижу таких павлинов! — крикнул Сэмми Джонс, когда дверь закрылась. — Все они одинаковы. Так высокомерно и дерзко ведут себя, таких героев из себя строят. Если бы они знали, какими дураками я их считаю, ведь я уже двадцать восемь раз участвовал в таких делах.

— А почему ты стал охотником? — спросил Блейн.

— Мой отец был алебардистом и научил меня владеть боевым топором, — пожал плечами Сэмми Джонс. — Это единственное, что я умею.

— Ты мог бы попробовать другую профессию.

— Пожалуй. Но дело в том, что мне нравится убивать этих аристократов. Я ненавижу каждого богатого джентльмена, благоразумно обеспечившего себе поту-

стороннюю жизнь, тогда как бедняки не имеют средств на страховку. Я получаю удовольствие, убивая этих господ, и если бы у меня были деньги, то с радостью заплатил бы за такую честь.

— А вот Халлу нравится убивать бедняков вроде тебя, — заметил Блейн. — Это ужасный мир.

— Нет, честный, — покачал головой Сэмми Джонс. — Ну-ка встань, я поправлю тебе рюкзак.

Покончив с этим, Сэмми Джонс предложил:

— Послушай, Том, почему бы нам с тобой не держаться вместе во время охоты? Взаимовыручка — понимаешь?

— Скорее тебе придется выручать меня, — ответил Блейн.

— Ну и что? — сказал Джонс. — Сноровка придет — надо только поучиться. А у кого учиться, как не у меня, лучшего из лучших?

— Спасибо, Сэмми, — поблагодарил Блейн. — Постараюсь не подвести тебя.

— Не сомневаюсь, что ты справишься. Только учти — Халл фехтовальщик, а у фехтовальщиков есть свои хитрые приемы. Я тебе все объясню по дороге. Когда он...

В этот момент в комнату вошел слуга со старинным хронометром в резном футляре. Когда секундная стрелка коснулась цифры двенадцать, он взглянул на охотников.

— Господа, полчаса истекли. Можно начинать охоту.

Охотники высыпали на улицу, в туманное серое утро. Тезей, следопыт, с трезубцем на плече, сразу напал на след, который вел вверх по склону, к вершинам горы, окутанной дымкой.

Вытянувшись длинной цепочкой, охотники двинулись вверх по склону.

Раннее утреннее солнце быстро разогнало туман. Когда они вышли к голым гранитным валунам, Тезей потерял след. Охотники разошлись ломаной цепью по склону горы и продолжали осторожно продвигаться вперед.

В полдень охотник с мечом заметил на ветке колючего куста лоскут шелковой ткани цвета хаки. Через несколько минут Тезей нашел следы ботинок на мху. Они вели вниз, в узкую долину, густо поросшую деревьями. Охотники устремились вперед.

— Вот он! — крикнул кто-то.

Блейн стремительно обернулся и увидел ярдах в пятидесяти справа от себя бегущего бойца с «утренней звездой» в руке. Этот охотник был самым молодым среди них — могучий самоуверенный сицилиец. Его оружие состояло из толстой рукоятки из ясеня и прикрепленного к ней цепью длиною в фут тяжелого шара с острыми шипами — это и была «утренняя звезда». Сицилиец размахивал шаром над головой и распевал боевую песню.

Сэмми Джонс и Блейн бросились к нему. Они увидели, как из кустов с обнаженной рапирой выскочил Халл. Сицилиец рванулся к Халлу и изо всех сил нанес сокрушительный удар, способный свалить дерево. Халл увернулся и сделал выпад. Охотник захрипел и упал — острое рапиры вонзилось ему в горло. Халл наступил на грудь упавшего, выдернул рапиру и снова исчез в кустах.

— Я никогда не понимал, как можно пользоваться «утренней звездой» в бою, — покачал головой Сэмми Джонс. — Такое неуклюжее оружие. Если не свалишь противника первым ударом, на второй времени уже не остается.

Сицилиец был мертв. Следы Халла, пробежавшего через кусты, были видны отчетливо. Они бросились по следам, остальные охотники прикрывали их с флангов. Вскоре они снова вышли на гранитное плато, и след пропал.

Поиски продолжались до самого вечера и закончились неудачей. После захода солнца охотники разбили лагерь на склоне горы, выставили часовых и стали обсуждать первый день охоты у маленького костра.

— Где он сейчас, по-твоему? — спросил Блейн.

— Он может быть где угодно в этом проклятом поместье, — буркнул Джонс. — Не забудь, он здесь каждый фут земли знает, а мы здесь первый раз.

— Выходит, он может скрываться от нас бесконечно?

— Конечно, если захочет. Но ведь он ищет смерти, верно? Причем хочет умереть как герой, в бою. Поэтому Халл будет стараться потрепать нас как следует, прежде чем мы прикончим его.

Блейн взглянул через плечо на темный лес.

— А вдруг он прячется где-то рядом и подслушивает наш разговор?

— Не сомневаюсь, — сказал Джонс. — Надеюсь, что часовые не заснут.

Охотники еще долго переговаривались в маленьком лагере у гаснущего костра. Блейну хотелось, чтобы поскорей наступило утро. В темноте роли поменялись: охотники превратились в жертв, преследуемых жестоким, безжалостным человеком, готовым к самоубийству и стремящимся унести с собой как можно больше чужих жизней.

С этой мыслью Блейн задремал.

Перед самым рассветом он проснулся от пронзительного крика. Схватив винтовку, Блейн вскочил и стал вглядываться в темноту. Снова раздался крик, на этот раз ближе к лагерю, и он услышал, как кто-то пробирается сквозь кусты. Тут в костер бросили пригоршню сухих листьев, и вспыхнуло яркое пламя.

В показавшемся ослепительным свете костра Блейн увидел человека, который шатаясь шел к лагерю. Это был один из часовых. Он волочил за собой копье. Из двух ран текла кровь, однако, похоже, они не были тяжелыми.

— Ублюдок, — всхлипывал копьеносец, — мерзкий ублюдок.

— Успокойся, Чико, — сказал один из охотников, разорвав рубашку копьеносца, чтобы промыть и забинтовать раны. — Тебе не удалось достать его?

— Нет, все произошло так быстро, — простонал раненый. — Я промазал.

Больше в эту ночь никто не спал.

Едва забрезжил рассвет, как охотники снова отправились в путь, растянувшись редкой цепочкой и стараясь напасть на след жертвы. Тезей обнаружил сломанную пуговицу, а затем — едва заметный отпечаток ботинка. Охотники тут же изменили направление и стали подниматься по узкому горному склону.

— Эй, он здесь! Я нашел его! — слышался крик Отто, идущего впереди.

Тезей бросился вперед, за ним последовали Блейн и Джонс. Они увидели Халла, который пытался, зорко следя за приближавшимся Отто. Тот быстро вертел шарами бола над коротко остриженной головой. Аргентинское лассо свистело в воздухе, и железные шары вращались с такой быстротой, что сливались в сверкающий круг. И тут Отто метнул свое оружие. Халл мгновенно упал на землю, бола пролетел в нескольких дюймах над его головой, обвился вокруг толстой ветки и сломал ее. Халл вскочил, улыбнулся и бросился к безоружному охотнику.

Не успел он приблизиться к Отто, как откуда ни возьмись появился Тезей и угрожающе поднял свой трезубец. Халл и охотник обменялись ударами. Потом Халл повернулся и кинулся наутек.

Тезей успел сделать глубокий выпад. Халл взвизгнул от боли, но не остановился.

— Ты ранил его? — спросил Джонс.

— В зад, — ответил Тезей. — Если что и пострадало, так только его самолюбие.

Тяжело дыша, охотники побежали вверх по горному склону. Однако следы жертвы снова исчезли.

Они разошлись, окружив сужающуюся гору со всех сторон, и начали медленно двигаться в сторону вершины. Раздающийся время от времени шум и отпечатки ботинок говорили о том, что Халл впереди и отступает к вершине. По мере того как охотники приближались к

горному пику, они плотнее сжимали кольцо, чтобы не дать жертве проскользнуть между ними.

К вечеру сосны и ели начали редеть. За ними виднелось нагромождение валунов, а еще дальше — вершина.

— Теперь осторожнее! — предупредил спутников Джонс.

Не успел он договорить, как появился Халл. Выскочив из-за гранитного валуна, он напал на старого Бьерна, вооруженного булавой. Его рапира со свистом рассекала воздух, он сыпал ударами, пытаясь побыстрее прикончить охотника и вырваться из сжимающегося кольца.

Однако Бьерн сдерживал натиск и медленно отступал, парируя выпады Халла булавой, которую держал двумя руками, как дубину. Халл свирепо выругался, снова устремился в атаку и едва успел увернуться от сильнейшего удара булавой, нанесенного хладнокровным охотником.

Старый Бьерн быстро шагнул вперед — в воздухе мелькнула рапира и вонзилась в грудь охотника, как жало змеи. Швед выронил булаву, — и его тело покатилося вниз по горному склону.

Однако охотники успели замкнуть кольцо. Халл был вынужден вновь отступить и скрылся среди гранитных валунов.

Охотники продолжали двигаться вперед. Блейн заметил, что солнце уже почти коснулось горизонта; спускались сумерки, и по серым скалам вытянулись длинные тени.

— Вечереет, — сказал он Джонсу.

— До наступления темноты еще с полчаса, — заметил тот, глянув на небо. — Нужно побыстрее кончать с ним. Когда стемнеет, он перебьет нас в этих скалах по одному.

Охотники быстрее обыскивали огромные валуны.

— Он может свалить камни нам на голову, — сказал Блейн.

— Только не он, — покачал головой Джонс. — Он слишком гордый.

В это мгновение из-за высокой скалы рядом с Блейном вышел Халл.

— Ну что ж, стрелок, защищайся, — произнес он.

Блейн вскинул винтовку и едва успел отразить удар Халла. Лезвие рапиры скользнуло по стволу винтовки. Блейн отбил удар автоматически, не успев задуматься. Что-то заставило его зареветь от ярости, и он сделал выпад, пытаясь обрушить удар на голову жертвы, — если бы он достиг цели, мозги Халла оказались бы на гранитных камнях. В это мгновение Блейн перестал быть цивилизованным человеком, вынужденным защищаться с оружием в руках, — он превратился в свирепое создание, преследующее одну цель — убивать.

Жертва с изящной ловкостью уклонялась от ударов Блейна. Охотник наступал, в гневе потеряв осторожность. Внезапно Сэмми Джонс оттолкнул его в сторону.

— Он мой, — сказал Джонс. — Да, мой. Сражайся со мной, Халл. Попробуй достать меня своим вертелом.

Халл начал атаковать алебардиста. Его лицо было бесстрастным, а выпады сверкающей рапиры — молниеносны. Джонс уверенно стоял, чуть согнув колени, легко орудуя алебардой. Халл сделал обманное движение, за которым последовал стремительный выпад. Джонс парировал его с такой силой, что искры полетели, а рапира согнулась, как тонкая ветка.

Вокруг собрались остальные охотники. Они расселись на соседних валунах, комментировали дуэль и давали советы:

- Пригвозди его к утесу, Сэмми!
- Лучше сбрось с обрыва!
- Хочешь, помогу?
- Нет, черт побери! — отозвался Джонс.
- Смотри, чтобы он не отрубил тебе палец, Сэмми!
- Не беспокойтесь, — прозвучал ответ Джонса.

Наблюдая за схваткой, Блейн чувствовал, что ярость покидает его так же быстро, как охватила. Ему казалось, что алебарда — неуклюжее оружие, поскольку, чтобы нанести удар, необходимо как следует замахнуть. Однако Сэмми Джонс орудовал тяжелым боевым топором, как дирижерской палочкой. Он не замахивался, а бил из любого положения, мощными ударами тесня Халла к отвесному обрыву. Блейн понял, что силы противников неравны. Халл был всего лишь способным любителем, убийцей-дилетантом, тогда как Джонс —

опытный профессионал. Это было похоже на поединок злой домашней собачки с диким тигром.

Когда на вершину горы опустились синие сумерки, наступил конец. Сэмми Джонс отразил очередной выпад и нанес сокрушительный удар топором. Лезвие глубоко вонзилось в бок Халла, и тот с криком полетел с обрыва. Через несколько секунд раздался звук удара.

— Заметь место, куда он упал, — произнес Сэмми Джонс.

— Он наверняка погиб, — ответил охотник с саблей.

— Скорее всего. Но нельзя считать, что мы сделали работу, пока не убедимся.

Спустившись, они нашли безжизненное изувеченное тело Халла, поместили, где оно лежит, чтобы легче было его найти и похоронить, и вернулись к особняку.

Глава 18

Охотники вернулись в город все вместе и весело отпраздновали удачную охоту. Во время вечеринки Сэмми Джонс спросил Блейна, не согласится ли тот принять участие в его следующем предприятии.

— В Омске у меня намечается выгодное дельце, — сказал он. — Русский дворянин хочет организовать пару гладиаторских боев. Тебе придется орудовать копьем, но это мало отличается от винтовки со штыком. Я научу тебя. После Омска поедем в Манилу; там готовится по-настоящему большая охота — пятеро братьев решили одновременно покончить самоубийством, и им нужно пятьдесят охотников для этого. Ну, что скажешь, Том?

Блейн подумал, прежде чем ответить. Охота была самым подходящим занятием из всех, встречавшихся до сих пор в этом мире, и устраивала Блейна больше всего. Ему нравилась грубоватая компания таких людей, как Джонс, их простые и трезвые рассуждения, жизнь на лоне природы, возможность действовать, ни о чем не задумываясь, не терзаясь сомнениями.

С другой стороны, было что-то чертовски бессмысленное в том, чтобы скитаться по земле в роли платного убийцы, современного варианта наемного головореза. Ему виделось что-то бесплодное в действиях ради действий, без осмысленной цели, разумного устремления, без всякого будущего. У него не появились бы такие мысли, будь он тем, кто раньше обитал в этом теле, но ведь Блейн был совсем другим. Между его сознанием и телом возникали очевидные противоречия, и не видеть этого было нельзя.

Наконец, в этом мире существовали и иные проблемы, требующие от него шагов, соответствующих его подлинной личности. Ими и следовало заняться.

— Извини, Сэмми, я вынужден отказаться, — сказал он.

— Ты делаешь ошибку, Том, — с сожалением покачал головой Джонс. — Ты — прирожденный убийца. Это единственное занятие для тебя, лучше не найдешь.

— Сейчас — пожалуй, — согласился Блейн. — Я должен выяснить, так ли это.

— Ну что ж, желаю удачи, — произнес Сэмми Джонс. — И береги свое тело. Тебе попалось очень хорошее.

— Неужели это так заметно? — удивленно спросил Блейн.

Джонс усмехнулся.

— Я немало повидал в жизни, Том. Нетрудно заметить, что у человека чужое тело. Если бы разум твой родился в этом теле, ты согласился бы охотиться вместе со мной. А вот если бы твое сознание родилось в другом теле...

— Что тогда?

— Тебе не нужно было бы становиться охотником. У тебя плохо сочетаются тело и сознание, Том. Подумай, чему отдать предпочтение.

— Спасибо, Сэмми, — сказал Блейн.

Они пожали друг другу руки, и Блейн поехал к себе в отель.

Он поднялся в свою комнату и, не раздеваясь, упал на кровать. Когда проснется, то позвонит Мэри. Но сначала нужно как следует выспаться. Планы, проблемы, мысли, решения и даже сны подождут. Он предельно устал.

Блейн выключил свет и тут же уснул.

Через несколько часов он проснулся от какого-то неясного страха. В комнате было темно. Было так тихо, как в Нью-Йорке не могло быть.

Блейн сел и услышал, как что-то двигается на другом конце комнаты, рядом с умывальником. Он протянул руку и включил свет. В комнате было пусто. И вдруг у него на глазах эмалированная раковина начала подниматься вверх. Она медленно поднялась и повисла в воздухе без всякой видимой опоры. И тут же он услышал дребезжащий смех.

Блейн мгновенно сообразил, что теперь кто-то охотится за ним, и этот кто-то — полтергейст.

Он осторожно встал с кровати и направился к двери. Висящая в воздухе раковина внезапно сорвалась с места и полетела прямо на него. Блейн увернулся, и раковина разбилась о стену.

В воздух поднялся кувшин для воды вместе с двумя тяжелыми стаканами. Вращаясь, поднимаясь и опускаясь, они двинулись в его сторону.

Блейн схватил подушку и, держа ее перед собой как щит, бросился к двери. Не успел он повернуть ручку замка, как над головой о стену разбился стакан. Блейн попытался открыть дверь, но не смог. Полтергейст оказался сильнее.

Кувшин больно ударил его в плечо. Второй стакан, висящий в воздухе, вдруг стремительно описал круг над головой Блейна, и тому пришлось отойти от двери.

Тут Блейн вспомнил о пожарной лестнице за окном. Однако как только он двинулся в сторону окна, полтергейст снова опередил его. Внезапно шторы загорелись. В то же мгновение вспыхнула и подушка, которую Блейн держал в руках, и ему пришлось отбросить ее в сторону.

— Помогите! — крикнул он. — Помогите!

Полтергейст настойчиво загонял Блейна в угол комнаты. С грохотом на него поползла кровать, отрезая путь к отступлению. В воздух медленно поднялся стул, нацелившись для удара в голову.

И все время в комнате слышался дребезжащий тонкий смех, казавшийся Блейну очень знакомым.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 19

Кровать ползла в сторону Блейна. Он звал на помощь так громко, что в окне дрожали стекла. В ответ раздавался только тонкий смех полтергейста.

Неужели в отеле все оглохли? Почему на его крики никто не откликается?

И тут Блейн понял, что никто и не подумает прийти на помощь. Насилие в этом мире стало обычным явлением, а смерть — личным делом умирающего. Никто не будет заниматься расследованием. Утром просто наведут порядок в комнате и подготовят ее для следующего постояльца.

Добраться до двери невозможно. У Блейна оставался последний шанс — перепрыгнуть через кровать и броситься в окно. Если он точно рассчитает силу прыжка, попадет на площадку пожарной лестницы. Если перестарается, то перелетит через перила и рухнет на мостовую с высоты третьего этажа.

Стул колотил Блейна по плечам, а кровать, надвигаясь, стремилась прижать к стене. Он быстро прикинул расстояние от угла, пригнулся и бросился в окно.

Блейн все рассчитал правильно, вот только не принял во внимание последние достижения науки. Оконное стекло выгнулось наружу как резиновое и тут же вернулось в прежнее положение. Блейна отбросило к стене, и он рухнул вниз, оглушенный. Подняв голову, он увидел, что к нему приближается массивный шкаф и медленно наклоняется.

Когда полтергейст с огромной силой толкнул шкаф на Блейна, дверь, о которой он забыл, распахнулась. В комнату вошел Смит и толкнул падающий шкаф плечом.

— Пошли, — сказал он, повернув к Блейну неподвижное лицо зомби.

Блейн не стал задавать лишних вопросов. Он вскочил и успел схватиться за край закрывающейся двери. С помощью Смита ему удалось приоткрыть ее, и оба выскочили в коридор. Из комнаты послышался вопль, полный бессильной ярости.

Смит быстро пошел по коридору, сжимая холодной рукой кисть Блейна. Они спустились по лестнице, пересекли вестибюль и вышли на улицу. На свинцово-сером лице зомби выделялся багровый кровоподтек от удара Блейна. Кровоподтек покрывал почти половину лица, превратив его в чудовищную маску.

— Куда мы идем? — спросил Блейн.

— Туда, где тебе не угрожает опасность.

Они подошли к старому входу в метро, которым уже давно никто не пользовался, и начали спускаться вниз. Скоро они остановились перед маленькой железной дверью в потрескавшейся бетонной стене. Смит открыл дверь и кивнул, зовя Блейна за собой.

Блейн заколебался и тут услышал тонкий смех, доносящийся издалека. Полтергейст гнался за ним. Так Эвмениды преследовали свои жертвы по улицам древних Афин. Блейн мог остаться в светлом верхнем мире, если пожелает, но тогда ему придется жить в постоянном страхе перед появлением безумного призрака. Или он может спуститься под землю вместе со Смитом, пройти через железную дверь и скрыться в темноте, где его ждет неизвестность.

Смех становился все громче. Блейн больше не колебался. Он последовал за Смитом и закрыл за собой железную дверь.

Вероятно, полтергейст решил не преследовать его. Они шли по туннелю, тускло освещенному редкими электрическими лампочками, мимо серых брошенных вагонов метро, потрескавшихся каменных труб, ржавых металлических тросов, похожих на огромных змей. Воздух был сырым, пахло гнилью, под ногами чавкала

жидкая грязь, и приходилось идти осторожно, чтобы не поскользнуться.

— Куда мы идем? — спросил Блейн.

— Туда, где я смогу тебя защитить, — ответил Смит.

— Это в твоих силах?

— Призраки не такие уж неуязвимые. Но, чтобы избавиться от преследующего тебя призрака, необходимо выяснить, кто он такой.

— Значит, тебе известно, кто меня преследует?

— Мне кажется, что да. Если рассуждать логически, то им может быть дух лишь одного умершего человека.

— И кто он?

— Мне не хотелось бы пока называть его имя, — покачал головой Смит. — Не стоит напрасно привлекать к себе внимание.

Они спустились по растрескавшимся ступеням в просторный зал и обошли маленькое озерцо с темной водой, поверхность которой выглядела гладкой и твердой, как черный агат. На другом берегу пруда был вход в другой туннель. Перед ним, загородив дорогу, стоял человек.

Это был высокий крепкий негр, одетый в лохмотья, с отрезком железной трубы в руке. С первого взгляда Блейн понял, что и он — зомби.

— Я иду со своим другом, — сказал Смит. — Можно мне провести его с собой?

— А ты уверен, что он не инспектор?

— Абсолютно!

— Подожди здесь, — сказал негр, повернулся и исчез в туннеле.

— Где мы?

— Под Нью-Йорком, в заброшенных туннелях метро, старых канализационных каналах, а некоторые туннели мы вырыли сами.

— Зачем мы пришли сюда?

— Куда же нам еще идти? — удивился Смит. — Это мой дом. Разве ты не знаешь, что здесь находится нью-йоркская колония зомби?

Блейн подумал, что колония зомби не намного лучше привидения, однако времени на размышление не было. Вернулся негр, а вместе с ним пришел очень старый мужчина, опирающийся на палку. Его лицо было изре-

зано сетью морщин. Глаза едва виднелись в складках кожи, и даже губы были покрыты морщинками.

— Это и есть тот человек, о котором ты говорил? — спросил он.

— Да, сэр, — ответил Смит. — Это он. Блейн, позволь мне представить тебя мистеру Кину, главе нашей колонии. Вы разрешите ему пройти, сэр?

— Проходите, — сказал старик. — Я немного провожу вас.

Они пошли по туннелю. Мистер Кин тяжело опирался на плечо негра.

— Обычно в колонию допускаются только зомби, — объяснил мистер Кин. — Всем остальным вход сюда запрещен. Однако прошло уже много лет с тех пор, как я беседовал с обычным человеком, а потому подумал, что могу узнать от вас что-нибудь полезное. Поэтому по настоятельной просьбе Смита я сделал для вас исключение.

— Очень вам благодарен, — ответил Блейн, надеясь, что у него будут на это причины.

— Поймите меня правильно. Я не отказываюсь помочь вам. Но в первую очередь я несу ответственность за одиннадцать сотен зомби, живущих в подземных туннелях под Нью-Йорком. Ради их безопасности приходится не пускать сюда обычных людей. Наше единственное спасение в этом невежественном мире — обособленность. — Мистер Кин сделал паузу. — Может быть, вы сумеете помочь нам, Блейн.

— Каким образом?

— Тем, что выслушаете нас и попытаетесь понять, а потом расскажете о том, что узнаете, другим людям. Скажите, вам известно о проблемах зомби?

— Очень мало.

— Позвольте тогда объяснить вам кое-что. Зомбизм, мистер Блейн, представляет собой болезнь, которую в течение длительного времени окружал ореол суеверия, сравнимый с суевериями, связанными с такими болезнями, как эпилепсия, проказа или пляска святого Витта. Люди во всем склонны видеть духов, и эта точка зрения широко распространена. Как вы знаете, шизофреники когда-то считались одержимыми дьяволом, а гидроце-

фалы относились к категории блаженных. Аналогичные фантазии связаны и с зомбизмом.

Некоторое время они шли в тишине.

— Суеверия, окружающие зомби, в основном гаитянского происхождения, — наконец произнес мистер Кин. — Зомбизм — болезнь зомби — встречается во всем мире, хотя и довольно редка. Однако суеверия и сама болезнь безнадежно переплелись в представлении людей. Зомби, как составная часть суеверия, представляет собой элемент колдовского культа «вуду», распространенного на Гаити — это человек, чью душу похитили колдуны. Тело зомби колдун может использовать, как пожелает, его можно даже расчленить и продать мясо на рынке. Если зомби съест соль или увидит море, он вспомнит, что умер, и вернется в могилу. Все это, как вы понимаете, не имеет под собой никакого основания.

Суеверие возникло на почве внешне схожей болезни. Когда-то она была исключительно редкой, однако теперь, с возрастанием числа процессов, связанных с переселением душ и перевоплощением, зомбизм стал более распространенным. Заболевание возникает, когда сознание человека поселяется в теле, слишком долго остававшемся незанятым. В этом случае сознание и тело не сливаются в единое целое, как это произошло, например, в вашем случае, мистер Блейн. Вместо этого они существуют как полунезависимые образования, находящиеся в неустойчивых отношениях друг с другом. Возьмем нашего друга Смита в качестве примера. Он в состоянии управлять основными движениями своего тела, однако более тонкая координация ему не подвластна. Голос его лишен модуляции, а слух не в состоянии воспринимать различия в тоне говорящего с ним. Его лицо неподвижно, потому что он почти не может управлять лицевыми мышцами. Он носит свое тело, но не является его истинной частью.

— И такую ситуацию невозможно изменить? — спросил Блейн.

— В настоящее время — невозможно.

— Очень жаль, — сказал Блейн, ощущая какую-то неловкость.

— Мы не нуждаемся в сочувствии, — произнес Кин. — Мы просим всего лишь о самом элементарном

понимании. Я просто хочу, чтобы вы и остальные нормальные люди знали, что зомбизм не наказание за грехи, а всего лишь самая обычная болезнь, вроде свинки или рака, и ничего больше. — Мистер Кин остановился и прислонился к стене, переводя дыхание. — Действительно, внешность у зомби неприятная. Он волочит ноги, у него никогда не заживают раны, тело быстро разлагается. Зомби бормочет непонятные слова, напоминая идиота, шатается, как пьяный, пучит глаза, как сумасшедший. Но разве это причина, чтобы возлагать на него вину за все грехи на земле, превращать его в прокаженного двадцать второго века? Говорят, что зомби нападают на людей, но ведь у них очень слабые тела, и обычный зомби не сумеет устоять даже против ребенка. Ходят слухи, будто болезнь заразна, — и это не соответствует истине. Наконец, утверждают, что зомби склонны к половым извращениям, тогда как на самом деле зомби вообще не испытывают полового влечения. Однако люди отказываются верить этому, а потому зомби стали париями, заслуживающими только суда толпы, петли или сожжения на костре.

— Разве власти ничего не предпринимают? — спросил Блейн.

— Раньше, проявляя особую доброту, они запирали нас в дома для умалишенных, — горько улыбнулся Кин. — По их словам, это делалось для нашей же пользы, чтобы уберечь от жестокого обращения. Но зомби очень редко сходят с ума, и властям это хорошо известно! Так что теперь, с их молчаливого одобрения, мы поселились в этих заброшенных туннелях и канализационных стоках.

— А вы не могли найти место получше?

— Откровенно говоря, жизнь под землей нас устраивает. Солнечный свет вредно действует на кожу зомби — у нас она не регенерируется.

Они двинулись дальше.

— Чем я могу помочь вам? — спросил Блейн.

— Расскажите о том, что увидите здесь. Или напишите. Чем шире расходятся круги...

— Сделаю все, что в моих силах, — согласился Блейн.

— Спасибо, — с достоинством поблагодарил мистер Кин. — Наша единственная надежда — просвещение. Просвещение и будущее. В будущем люди несомненно станут более цивилизованными.

Будущее? Блейн внезапно почувствовал головокружение. Но ведь это и есть будущее, то будущее, куда он попал из двадцатого века, полного идеализма и надежд. Однако обещанное просвещение так и не наступило, а люди ничуть не изменились. Он почувствовал себя старым, старше Кина, старше всего человечества, — он, существо внутри чужого тела, окруженный незнакомыми существами.

— Ну вот, мы и пришли, — произнес мистер Кин.

Блейн помотал головой, и реальность снова обрела четкие формы.

Сумрачный туннель кончился. Перед ним была ржавая лестница, ведущая вверх, в темноту.

— Желаю удачи, — сказал мистер Кин.

Он ушел, опираясь на плечо негра. Блейн посмотрел ему вслед и повернулся к Смигу.

— Дальше куда?

— Вверх по лестнице.

— Куда она ведет?

Смит уже карабкался вверх. Он остановился и взглянул на Блейна. Его свинцовые губы раздвинулись в улыбке.

— Мы навестим твоего приятеля, Блейн. Поднимемся в его гробницу, подойдем к гробу и попросим, чтобы он больше тебя не преследовал. А может быть, заставим силой.

— Но кто он? — спросил Блейн.

Смит усмехнулся и двинулся дальше. Блейн пошел следом.

Глава 20

Над проходом располагалась вентиляционная шахта, которая вела в другой проход. Наконец они подошли к двери и открыли ее.

Перед ними была большая комната, залитая ослепительным светом. В центре сводчатого потолка красовалась фреска, изображающая красивого ясноглазого мужчину, влетающего в прозрачный голубой рай в сопровождении ангелов. Блейн сразу догадался, кто позировал художнику.

— Рейли!

— Это его Дворец смерти, — кивнул Смит.

— Как ты догадался, что меня преследует именно Рейли?

— Ты сам мог бы додуматься до этого. За последнее время умерли всего два человека, с которыми ты был знаком. Призрак явно не был Реем Мелхиллом. Значит, оставался один Рейли.

— Но почему он преследовал меня?

— Не знаю, — ответил Смит. — Может быть, он тебе сам ответит.

Блейн посмотрел на стены. На них мозаикой были выложены кресты, полумесяцы, звезды и свастики, а также индийские, африканские, арабские, китайские и полинезийские символы счастья. Повсюду на пьедесталах стояли статуи древних богов. Блейн узнал изображения Зевса, Аполлона, Дагона, Одина и Астарты. Перед каждым пьедесталом находился алтарь, а на каждом алтаре лежал ограненный и отшлифованный драгоценный камень.

— Зачем все это? — удивился Блейн.

— Чтобы умиловать богов.

— Но ведь жизнь после смерти подтверждена наукой.

— Мистер Кин объяснил мне, что наука никак не влияет на суеверия, — заметил Смит. — Рейли не сомневался, что останется жив после смерти, однако решил не рисковать. Кроме того, мистер Кин говорил, что очень богатые, равно как и крайне религиозные люди не хотят жить на том свете с кем попало. Они считают, что, прибегая к соответствующим обрядам и жертвоприношениям, сумеют попасть в более привилегированную часть потустороннего общества.

— А разве такая существует? — спросил Блейн.

— Это никому не известно, но кое-кто верит.

Смит провел Блейна по комнате к резной двери, украшенной египетскими иероглифами и китайскими идеограммами.

— За дверью находится тело Рейли, — сказал Смит.

— Мы войдем туда?

— Да, придется.

Смит открыл дверь. Блейн увидел огромное помещение с мраморными колоннами. В центре его на возвышении стоял бронзовый гроб, инкрустированный золотом и драгоценными камнями. Вокруг в невероятном количестве размещались самые разные предметы: картины и скульптуры, музыкальные инструменты, барельефы, а также стиральные машины, газовые плиты, холодильники и даже целый вертолет. Тут были книги, одежда и стол, накрытый для роскошного банкета.

— Зачем такой склад?

— Все эти вещи должны сопровождать их хозяина в потустороннюю жизнь. Таков древний обычай.

Первой реакцией Блейна было сожаление. Потусторонняя жизнь, подтвержденная и доказанная наукой, не освободила людей от страха смерти, как этого следовало ожидать. Наоборот, их неуверенность в будущем усилилась, и возросло желание конкурировать друг с другом. Несмотря на гарантию потусторонней жизни, люди хотели улучшить ее, насладиться раем, более совершенным, чем у других. Равенство — это прекрасно, но личная инициатива намного важнее. Идеальное и бесстрастное уравнивание людей в потусторонней жизни не устраивало их точно так же, как и на Земле. Стремление выделиться, превзойти остальных

заставило Рейли построить себе гробницу, напоминающую усыпальницу фараонов в древнем Египте, вынуждало всю жизнь мрачно думать о смерти и непрерывно искать способы сохранить свое богатство и престиж в туманной неизвестности будущего.

Досадно. «И все-таки, — подумал Блейн, — не основывается ли это сожаление на том, что я не верю в эффективность мер, предпринятых Рейли? Предположим, что можно будет улучшить свое положение в потусторонней жизни. В этом случае разве не лучше потратить земную жизнь на то, чтобы создать для себя наилучшие условия в предстоящей вечности?»

Суждение казалось разумным, но Блейн не хотел верить в него. Ведь это не может на самом деле быть единственной причиной для человеческой жизни на Земле! Хорошая или плохая, благородная или нет, жизнь должна иметь смысл сама по себе.

Смит медленно вошел в погребальную камеру, и Блейну пришлось прервать размышления. Зомби остановился, внимательно разглядывая маленький столик, уставленный предметами искусства, затем равнодушно пнул его, тот опрокинулся. И тогда аккуратно, одну за другой, он принялся разбивать и топтать вещи на полированном мраморном полу.

— Что ты делаешь? — воскликнул Блейн.

— А ты хочешь, чтобы полтергейст оставил тебя в покое?

— Конечно.

— Тогда нужно убедить его в необходимости этого, — произнес Смит и сбросил на пол изящную статуетку из черного дерева.

Блейну такая мысль показалась достаточно разумной. Даже призрак не может не понимать, что он когда-нибудь покинет пороговое пространство и переселится в потустороннюю жизнь. И когда это совершится, он, разумеется, будет полагать, что его имущество поджидает хозяина в целостности и сохранности. Вот почему следует расплачиваться с ним той же монетой, на преследование отвечать преследованием.

И все-таки Блейн почувствовал себя дикарем, когда снял со стены картину, написанную маслом, и приготовился пробить холст кулаком.

— Не делайте этого, — раздался голос над головой.

Блейн и Смит взглянули вверх. Над ними парило что-то похожее на прозрачный серебристый туман. Из облачка донесся слабый голос:

— Пожалуйста, не троньте картину.

— Вы — Рейли? — спросил Блейн, не выпуская картину из рук.

— Да.

— Почему вы преследуете меня?

— Да потому, что вы виноваты во всем! Именно вы во всем виноваты! Да-да, вы убили меня своим сознанием убийцы! Кто же еще, как не вы, чудовище из прошлого, проклятый монстр!

— Я не убивал вас! — воскликнул Блейн.

— Нет, именно вы убили меня! Вы — не человек! Все сторонятся вас, кроме вашего приятеля-мертвеца! Почему вы не умерли, убийца?

Блейн замахнулся.

— Нет! — послышался пронзительный вопль.

— Вы оставите меня в покое? — спросил Блейн.

— Прошу вас, положите картину, — взмолился Рейли.

Блейн бережно опустил картину.

— Хорошо, я согласен, — ответил Рейли. — Почему бы и нет? Есть вещи, которых вы не видите, Блейн, зато я вижу их хорошо. Ваше пребывание на земле будет непродолжительным, весьма непродолжительным. Вас предадут те, кому вы верите, а те, кого ненавидите, одержат победу. Вы умрете, Блейн, но не через несколько лет, а очень скоро, гораздо скорее, чем вы думаете. Вас предадут, и вы умрете от собственной руки, покончите с собой!

— Вы сошли с ума! — крикнул Блейн.

— Неужели? Неужели? — хихикнул Рейли. — Неужели?

Серебристое облачко рассеялось. Рейли исчез.

Смит вывел его на улицу по узким запутанным коридорам. Было холодно, и наступающий рассвет уже окрасил высокие здания в розовые и серые тона.

Блейн хотел поблагодарить Смита, но тот покачал головой.

— Не стоит благодарности. В конце концов, Блейн, ты мне нужен. На что я мог бы рассчитывать, если бы полтергейст убил тебя? Будь осторожен, береги себя. Без тебя у меня не останется никакой надежды.

Зомби посмотрел на Блейна с тревогой, затем пошел прочь. Блейн глядел на удалявшуюся фигуру Смита, думая о том, что, пожалуй, лучше иметь дюжину врагов, чем такого друга, как Смит.

Глава 21

Через полчаса он вошел в квартиру Мэри Торн. Мэри, заспанная, ненакрашенная, в домашнем халате, повела его в кухню и заказала автоматическому повару кофе, жареный хлеб и яичницу.

— Почему бы тебе, — сказала она, — не появиться в более подходящее время, не так неожиданно. Сейчас половина седьмого утра!

— Постараюсь исправиться, — добродушно пообещал Блейн.

— Ты обещал позвонить. Что с тобой приключилось?

— А ты беспокоилась?

— Я? Ничуть! Итак, что произошло?

Откусывая хлеб и запивая его кофе, Блейн рассказал девушке про охоту, про то, как его преследовал призрак и как от него удалось избавиться. Мэри внимательно слушала.

— Судя по всему, ты гордишься собой, — произнесла она наконец, — и, пожалуй, у тебя есть для этого основания. Но тебе по-прежнему неизвестно, что хочет от тебя Смит, ты даже не знаешь, кто он такой.

— Действительно, я не имею об этом ни малейшего представления, — признался Блейн. — Но и Смит не знает этого. Откровенно говоря, все это мало меня беспокоит.

— А что случится, когда он узнает?

— Вот когда это случится, тогда я и буду беспокоиться.

Мэри удивленно подняла брови, но промолчала.

— Том, каковы твои планы на ближайшее будущее?

— Собираюсь искать работу.

— Охотника?

— Нет. Тебе это может показаться нелогичным, но я попытаюсь устроиться в фирму, занимающуюся проектированием и строительством яхт. После этого вернусь и побеспокою тебя в более подходящее время. Как тебе нравится мой план?

— Мне он представляется неосуществимым. Хочешь выслушать хороший совет?

— Нет.

— Тем не менее я дам его тебе. Том, уезжай из Нью-Йорка и как можно дальше. Постарайся добраться до Фиджи или Самоа.

— Но почему?

Мэри расхаживала по кухне, пытаясь успокоиться.

— Ты просто не понимаешь этот мир.

— Мне кажется, что понимаю.

— Нет! Том, ты столкнулся с несколькими типичными случаями и приобрел небольшой опыт, вот и все. Это не значит, что тебе удалось освоиться в нашем обществе. Что ты пережил? Тебя похитили, ты подвергся преследованию духа и принял участие в охоте. Но все это — в смысле приобретения опыта — не выходит за рамки туристической прогулки. Рейли был прав: ты такой же беспомощный и невежественный, как пещерный человек в твоём 1958 году.

— Это смехотворное сравнение, и оно мне не нравится.

— Хорошо, пусть это будет китаец из четырнадцатого века. Предположим, этот гипотетический китаец встретит гангстера, совершит поездку на автобусе и побывает на Кони-Айленд. Неужели ты скажешь, что он понял Америку двадцатого века?

— Нет, конечно. Но я не понимаю смысла твоих слов.

— Смысл, — сказала Мэри, — заключается в том, что здесь ты в опасности и даже не можешь предугадать, откуда она тебе угрожает, что из себя представляет и как быстро придет. Начать с того, что тебя преследует этот проклятый Смит. Далее, наследники Рейли могут возмутиться, что ты осквернил гробницу, и принять какие-то меры против тебя. А управляющие «Рекса» все

еще спорят о том, как поступить с тобой. Ты изменил ситуацию, нарушил ее. Неужели ты не понимаешь этого?

— Со Смитом я разберусь, — ответил Блейн. — На наследников Рейли мне наплевать. Что касается управляющих «Рекса», я не знаю, что они могут предпринять против меня.

Мэри подошла к нему и обняла за шею.

— Том, — серьезно произнесла девушка, — любой человек, родившийся в наше время и оказавшийся на твоём месте, не терял бы ни секунды и спасался бегством!

Блейн прижал ее к себе и погладил гладкие темные волосы. «Она любит меня и хочет спасти, желает добра», — подумал он. Но Блейну не хотелось выслушивать предостережения. Ему удалось пережить опасности охоты, пройти через железную дверь в подземный мир и одержать победу, снова вернувшись в свет дня. И вот теперь, сидя в кухне Мэри Торн, залитой солнечным светом, он испытывал чувство эйфории и полное умиротворение. Опасность казалась ему академической проблемой, бесконечно далекой, не заслуживающей в данный момент серьезного внимания, а идея бежать из Нью-Йорка — просто абсурдной.

— Скажи, — с улыбкой спросил он, — среди всего того, во что я вмешался, есть и твоя жизнь?

— Меня, по-видимому, уволят, — если тебя интересует именно это.

— Нет, меня интересует другое.

— В этом случае ответ должен быть тебе известен... Том, ты уедешь из Нью-Йорка? Я тебя очень прошу.

— Нет, не уеду. И не устраивай паники.

— Боже мой, — вздохнула девушка, — мы говорим на одном языке, но ты не хочешь понять меня. Ты просто не понимаешь. Позволь объяснить все это на примере. — Мэри задумалась. — Допустим, у человека есть парусная яхта...

— А ты ходишь под парусом? — спросил Блейн.

— Да, я люблю ходить на яхте. Не перебивай меня, Том! Допустим, у человека есть парусная яхта, на которой он собирается совершить путешествие по океану...

— По морю жизни, — не удержался Блейн.

— Совсем не смешно, — отрезала она. В это мгновение Мэри выглядела очень привлекательной и серьезной. — Однако он совершенно не разбирается в яхтах. Он видит, что его яхта на плаву, хорошо покрашена и все на месте. Ему и в голову не приходит мысль об опасности. Затем яхту осматриваешь ты и видишь, что шпангоуты потрескались, руль изъеден червями-древоточцами, в шпоре мачты гниль, паруса покрылись плесенью, болты, крепящие киль, проржавели и крепления вот-вот развалятся.

— Откуда ты так много знаешь о яхтах? — удивился Блейн.

— Я ходила на яхтах с самого детства. Ты можешь выслушать меня? Затем ты говоришь владельцу, что его яхта непригодна для плавания и пойдет ко дну при первом шторме.

— Когда-нибудь мы походим с тобой на яхте, — сказал Блейн.

— Но этот человек, — упрямо продолжала девушка, — совсем не разбирается в яхтах. Он знает одну: яхта выглядит отлично. Но самое главное заключается в том, что ты не можешь точно сказать ему, что с ней произойдет и когда ее постигнет катастрофа. Возможно, яхта продержится месяц или даже целый год, а может быть, пойдет ко дну уже через неделю. Может быть, сначала отвалится киль, или, возможно, рухнет мачта. Ты просто не знаешь этого. И в данном случае ситуация аналогична. Я не могу сказать тебе, что случится и когда. Я просто знаю, что тебе угрожает опасность. Ты должен уехать из города!

Мэри посмотрела на него с надеждой. Блейн кивнул.

— Из тебя выйдет отличный член экипажа, — сказал он.

— Значит, ты отказываешься уезжать?

— Отказываюсь. Я не спал всю ночь. Если я куда и отправлюсь, так это в постель. Ты не хочешь составить компанию?

— Иди к черту!

— Ну, пожалуйста, милая. Где твоя жалость к бездомному скитальцу из прошлого?

— Мне надо уходить, — ответила Мэри. — Можешь располагаться в спальне. И подумай о том, что я тебе сказала.

— Обязательно, — кивнул Блейн. — Вот только зачем мне беспокоиться, когда ты присматриваешь за мной?

— И Смит тоже, — напомнила девушка. Она быстро поцеловала его и вышла из комнаты.

Блейн позавтракал и лег спать. Проснулся он уже к вечеру. Мэри еще не вернулась, поэтому, прежде чем уйти, он написал ей записку, где указал адрес своего отеля.

В течение нескольких следующих дней он посетил почти все фирмы в Нью-Йорке, занимающиеся проектированием и строительством яхт, но безуспешно. Его бывшей фирмы — «Мэттисон и Питерс» — уже давно не существовало, а остальные не проявили к нему интереса. Наконец, ему повезло. Главный конструктор фирмы «Джейкобсен Яхтс, лимитед» долго расспрашивал Блейна о давно не строящихся рыбацких баркасах, распространенных в прошлом на Багамских островах и в районе Чесапикского залива. Блейн продемонстрировал глубокое знание вопроса и знакомство с подобными классами судов, а также искусство черчения, ныне утраченное.

— Время от времени к нам обращаются с запросами относительно старинных судов, — сказал ему главный конструктор. — Я предлагаю вам следующее. Мы возьмем вас на работу в качестве рассыльного. Вы будете чертить классические типы корпусов за комиссионные, а в свободное время — овладевать современным конструированием, потому что, откровенно говоря, вы несколько подотстали в этой области. Когда выучитесь, мы повысим вас. Согласны?

Это была низкая должность, но это была работа, настоящая работа с перспективой продвижения. Это означало, что Блейн наконец обрел свое место в мире 2110 года.

— Я согласен, — произнес он, — и очень вам благодарен.

Этим же вечером, празднуя успех, он отправился в сенсорный магазин, чтобы купить плеер и несколько записей. «Наконец-то, — решил Блейн, — я имею право на маленькую роскошь».

Сенсорные записи были так же неотделимы от 2110 года, так же популярны и вездесущи, как телевизоры во времена Блейна. Самые сложные и крупные записи использовались для театральных представлений, а их вариации применялись для рекламы и пропаганды. Они были наиболее распространенной и самой мощной формой «грез наяву», причем на любой вкус.

Однако у сенсорных записей были громогласные противники, выражавшие сожаление по поводу злоеющей тенденции к полной пассивности зрителей. Критиков беспокоила излишняя легкость, с которой человек мог усваивать любую сенсорную запись; многие домохозяйки постоянно ходили с невидящими взглядами, превращаясь в неких наркоманов, все время находящихся в мире ярких сенсорных образов.

При чтении или у телевизора, напоминали критики сенсорных программ, человек участвовал в действии, происходящем на страницах книги или на экране, тогда как сенсорные записи просто поглощают вас — яркие, ослепительные, незаметно обволакивающие грезы, оставляющие разрушительное шизофреническое впечатление, что они лучше и приятнее жизни. Это недопустимо, говорили критики, даже если так оно и есть. Сенсорные записи опасны, предупреждали они. Справедливости ради следует заметить, что в сенсорном изображении было запечатлено и несколько настоящих актерских работ (ведь нельзя не принимать во внимание Веррехо, Джонстона, Телькена, да и Миккельсон подает большие надежды). Однако подавляющее большинство сенсорных записей не отличалось высоким качеством. К тому же — разрушительное воздействие на психику, разращение общественных вкусов, движение в сторону полной пассивности...

Уже в грядущем поколении, громогласно заявляли критики, люди потеряют способность к чтению, мышлению или принятию решений!

Аргумент был действительно весомый. Однако Блейн, имеющий за плечами перспективу продолжительностью в сто пятьдесят два года, помнил, что аналогичные споры велись в связи с появлением и распространением радио, кино, комиксов, телевидения и дешевых книг в бумажных обложках. Даже любимые всеми романы подвергались когда-то жестокой критике за отклонение от классических принципов чистой поэзии. Всякое нововведение, казалось, вело сначала к уничтожению культуры, а затем превращалось в ее главный элемент, воплощение добрых старых дней, дух Золотого века, находящийся под угрозой уничтожения со стороны очередного нововведения.

Сенсорные записи, нравится это или нет, уже вошли в обиход. Блейн решил отдать им должное.

Осмотрев различные модели, Блейн остановился на недорогом плеере марки «Бендикс». Затем, с помощью продавца он выбрал три записи, пользовавшиеся спросом, и отправился в кабину для прослушивания. Там он прикрепил ко лбу электроды и включил первую запись.

Это было историческое повествование, в высшей степени романтический пересказ «Песни о Роланде», выполненный в низкоинтенсивной технике стороннего наблюдателя, что давало возможность воспроизвести масштабные сцены битвы и массовые сцены. Повествование началось.

...Блейн оказался в Ронсевальском ущелье, в то жаркое роковое утро августа 778 года, вместе с арьергардом отряда Роланда, наблюдая, как главные силы армии Карла Великого медленно удаляются в сторону Франции. Усталые ветераны, сутулясь, сидят в своих седлах с высокими луками, скрипит кожа, звенят шпоры, ударяясь о бронзовые стремяна. В воздухе пахнет смолой и потом, едва ощущается запах дыма со стороны

сожженной Памплоны, смазанной маслом стали и сухой летней травы...

Блейн решил купить запись. Следующая запись воспроизводила сцены стремительной погони на Венере, полной напряжения, в которой слушатель полностью отождествлялся с преследуемым, ни в чем не виноватым человеком. Наконец, последняя запись представляла собой версию романа «Война и мир» с переменной интенсивностью воспроизведения и отдельными сценами, где слушатель отождествлялся с героями.

Когда Блейн расплачивался за покупки, продавец подмигнул и спросил:

— Вас интересуют по-настоящему крутые записи?

— Может быть, — осторожно ответил Блейн.

— У меня есть великолепные групповые записи, — сообщил продавец, — с абсолютным отождествлением и полным переключением сознания. Не интересует? Подлинная запись — волосы становятся дыбом. Человек умирает в зыбучих песках. Убийцы сделали эту запись специально для любителей такого жанра.

— В следующий раз, — произнес Блейн и направился к выходу.

— Кроме того, — сказал вдогонку продавец, — имеется специальная запись, сделанная законным образом, но не пущенная в продажу. Несколько экземпляров тайно распространяются среди ценителей. Человек из прошлого заново рождается в нашем времени. Гарантированная подлинность.

— Неужели?

— Уверяю вас, запись уникальна. Эмоции передаются чисто, как звон колокола, тонко, словно лезвие бритвы. Лишь настоящий коллекционер может оценить ее по достоинству. Уверен, что эта запись станет классической.

— Хотелось бы прослушать, — мрачно произнес Блейн.

Он взял запись, не отмеченную никакой этикеткой, и прошел в кабину. Через десять минут он вернулся, заметно потрясенный, и купил ее за баснословную цену. Ему казалось, что он покупает частицу самого себя.

Продавец и техники из корпорации «Рекс» оказались правы. Запись действительно станет классической, и коллекционеры будут охотиться за ней.

К сожалению, там были стерты все имена, чтобы полиция не смогла определить источник. Блейн стал знаменитостью, — но совершенно анонимной.

Глава 22

Блейн каждый день ходил на работу, подметал пол, выбрасывал мусор из корзин, писал адреса на конвертах и за отдельную плату изредка проектировал старинные корпуса яхт. Вечерами он овладевал сложным искусством конструирования парусных яхт двадцать второго века. Через некоторое время ему начали поручать иные задания: он писал рекламные объявления. В этой области Блейн продемонстрировал немалые способности и продвинулся по службе — стал младшим конструктором. Теперь почти все контакты между «Джейкобсен Яхтс, лимитед» и различными фирмами, строящими яхты по проектам компании, осуществлялись через Блейна.

Он продолжал учиться, но заказов на старинные корпуса было немного. Большинство стандартных яхт конструировали братья Джейкобсен, а старик Эд Рихтер, известный под прозвищем «Салемский волшебник», создавал проекты уникальных гоночных судов и многокорпусных катамаранов. Блейн взял на себя рекламу и переписку, так что времени для других дел не оставалось.

Это была ответственная и необходимая работа, но далекая от конструирования яхт. Его жизнь в 2110 году становилась как две капли воды похожей на ту, прежнюю, в 1958 году.

Блейн задумался над этим. С одной стороны, создавшееся положение радовало его, поскольку раз и навсегда разрешился конфликт между его сознанием и приобретенным телом.

С другой стороны, ситуация не слишком уж высоко характеризовала качество этого сознания. Ведь он был

человеком, который перенесся на 152 года в будущее, прошел через ужасы и чудеса — и теперь, покорившись страшной неизбежности, снова превратился в младшего конструктора яхт, который занимается чем угодно, только не проектированием судов. Неужели в его характере скрывается какой-то фатальный дефект, обрекающий на неполноценность независимо от положения, в которое он попадает?

Блейн уныло подумал о том, что если бы судьба забросила его в прошлое, на миллион лет назад, в общество пещерных людей, то он, немного освоившись в новом окружении, обязательно стал бы младшим конструктором челноков. Но только не настоящим конструктором. Его обязанности заключались бы в учете ожерелий из ракушек, проверке качества древесных стволов и налаживании связей с поставщиками, а когда понадобилась бы настоящая работа, то ею занялся бы кто-то другой, какой-нибудь неандертальский гений.

Подобные мысли угнетали его. К счастью, на эту проблему можно взглянуть и с другой стороны. Неизбежное возвращение Блейна к своей прежней должности можно истолковывать и как великолепный пример моральной стабильности, человеческой настойчивости. Он знал, кто он такой и на что способен. И неважно, в какое окружение он попадал, — верность профессии оставалась неизменной. Так что с такой точки зрения Блейну следовало гордиться, что он всегда и везде был младшим конструктором яхт.

Блейн продолжал свою работу в фирме «Джейкобсен Яхтс, лимитед», колеблясь между этими двумя точками зрения. Раз или два он встречался с Мэри, но обычно она была занята на совещаниях управляющих корпорацией «Рекс». Он переехал из отеля в небольшую, со вкусом обставленную квартиру. Нью-Йорк превращался в знакомый город.

«По крайней мере, — напоминал себе Блейн, — мне удалось решить проблему отношений между сознанием и новым телом».

Впрочем, сбрасывать со счетов запросы тела не следовало. Блейн вскоре убедился в том, что упустил из виду одну из проблем, связанных с обладанием таким сильным, красивым и в высшей степени темперамент-

ным телом, как у него. Наступил момент, когда конфликт между сознанием и телом вспыхнул снова, причем сильнее, чем когда-либо.

Он ушел с работы в обычное время и ждал на углу автобус. Стоявшая поблизости молодая женщина пристально смотрела на него. Ей было лет двадцать пять. Скромно одетая, привлекательная, с пышной грудью и рыжими волосами, лицо решительное, но какое-то грустное.

Блейн вспомнил, что несколько раз мельком видел ее, но никогда не обращал особого внимания. Да, верно, однажды они вместе ехали в гелибусе. Другой раз женщина вошла в магазин следом за ним. Кроме того, она несколько раз проходила мимо здания фирмы, когда он выходил после работы.

Женщина определенно следила за ним, причем, по-видимому, уже несколько недель. Зачем?

Он посмотрел ей в лицо. Женщина на мгновение заколебалась, затем подошла.

— Мне хотелось бы поговорить с вами, — сказала она. У нее был низкий приятный голос, и чувствовалось, что она нервничает. — Прошу вас, мистер Блейн. Это очень важно.

Значит, она знает его имя.

— Разумеется, — ответил Блейн. — Что вас интересует?

— Не на улице. Мы не могли бы... пойти куда-нибудь?

Блейн усмехнулся и отрицательно покачал головой. Казалось, женщина не представляет никакой опасности, но ведь и Орк выглядел дружелюбным. Доверять незнакомцам в этом мире — значило подвергнуться риску утратить сознание, или тело, или то и другое одновременно.

— Я не знаю вас, — сказал он. — Как вы узнали мое имя? Если вы хотите что-то сказать мне, говорите прямо здесь.

— Мне не следовало вас беспокоить, — грустно произнесла женщина, — но я просто не могла удер-

жаться. Иногда чувствуешь себя такой одинокой. Вы меня понимаете?

— Одинокой? Действительно, такое и со мной бывает. Это и есть причина, почему вам захотелось поговорить со мной?

— Ну конечно, вы ничего не знаете. — В голосе женщины звучала печаль.

— Не знаю, — терпеливо согласился Блейн. — О чем речь?

— Мне не хочется говорить об этом на улице. Неужели нельзя куда-нибудь пойти?

— Нет, — покачал головой Блейн. — Вам придется говорить здесь. — Он чувствовал, что его снова втягивают в какую-то сложную игру.

— Ничего не поделаешь, — смущенно заметила женщина. — Я следила за вами, мистер Блейн, длительное время. Узнала, как вас зовут и где вы работаете. Мне нужно было встретиться с вами. Это касается вашего тела.

— Что?

— Да, вашего тела. — Она отвела взгляд в сторону. — Видите ли, оно принадлежало моему мужу — до того, как он продал его корпорации «Рекс».

Блейн изумленно открыл рот, но не сумел вымолвить ни слова.

Глава 23

Блейн знал, что перед тем, как попасть к нему, его тело жило в этом мире собственной жизнью. Оно совершало поступки, принимало решения, любило, ненавидело, занимало свое место в обществе и сплетало собственную, очень сложную и стойкую паутину взаимоотношений. Блейн предполагал, что в прошлом его тело могло иметь жену, — большинство тел были женаты. Однако он предпочитал не думать об этом. Блейн старался убедить себя в том, что все, касающееся предыдущего владельца тела, благополучно исчезло.

Встреча с новым обладателем тела Рея Мелхилла должна была бы убедить его, как наивны такие попытки. И вот теперь, хотел он этого или нет, ему пришлось задуматься над этой проблемой.

Они пришли к Блейну домой. Женщина — Алиса Кранч — робко села на край дивана и закурила предложенную Блейном сигарету.

— Вышло так, — сказала она, — что Фрэнк — так звали моего мужа, Фрэнк Кранч, — был все время недоволен положением вещей, понимаете? Он неплохо зарабатывал как охотник, но был постоянно недоволен.

— Он был охотником?

— Да, копыеносцем в китайских играх.

— Вот как? — пробормотал Блейн, задумываясь над тем, что заставило его принять участие в той охоте. Его собственные желания или дремлющие рефлексy Кранча? Неприятно, что уже после того, как ты решил, казалось, проблему взаимоотношений сознания и тела, она снова возникает,

— Да, он был постоянно недоволен, — повторила Алиса Кранч. — Это стало его больным местом. Он все время ворчал, что богачи умирают и остаются живы после смерти в потусторонней жизни. Фрэнк всегда говорил, что умрет как собака, и это ему не нравилось.

— Я понимаю, — кивнул Блейн.

Женщина пожала плечами.

— А что поделаешь? Фрэнк не мог заработать достаточно денег, чтобы купить страховку на потустороннюю жизнь, поэтому не переставал беспокоиться. Затем его тяжело ранили — огромная рана на плече, он едва не умер. У вас, наверное, есть шрам?

Блейн кивнул.

— Так вот, после этого Фрэнк так и не сумел оправиться. Охотники обычно не думают о смерти, а вот он начал все время думать о ней. И тут встретил эту тощую девку из «Рекса».

— Мэри Торн?

— Да, ее, — ответила Алиса. — Она была тощей, жестокой до бесчувственности и холодной как рыба. Не понимаю, что он в ней нашел. Он, конечно, баловался с девицами, все охотники это себе позволяют. Чтобы расслабиться, понимаете. Однако баловство баловством, а тут Фрэнк и эта девка из «Рекса» прямо-таки не расставались. Я так и не поняла, чем она ему понравилась. Знаете, она была такой тощей и лицо с кулачок. В общем-то ничего, если вам нравятся такие худые, но мне казалось, что она и спит, не раздеваясь.

Блейн кивнул, смутно чувствуя какую-то боль.

— Продолжайте.

— Ну что ж, о вкусах не спорят, но я считала, что знаю своего Фрэнка. Оказалось, действительно знаю, потому что он ничего такого с ней не имел, — это были чисто деловые отношения. И вот однажды он пришел домой и сказал: «Бэби, я ухожу. Отправляюсь в путешествие, в потустороннюю жизнь. И тебе оставляю небольшую сумму». — Алиса вздохнула и вытерла слезы. — Этот кретин продал свое тело! «Рекс» дал ему страховку для жизни после смерти, а я получила пожизненную пенсию. Он так этим гордился! Я стала уговаривать его, из кожи вон лезла, надеялась, что он передумает. Куда там, он решил, что ему выпала редкая возможность. Он

считал, что его черед настал и во время следующей охоты ему конец. В общем, он отправился в потустороннюю жизнь. Один раз даже говорил со мной из пороговой зоны.

— Он все еще там? — спросил Блейн. По его спине побежали мурашки.

— Вот уже больше года от него ничего не слышно, — ответила Алиса, — так что он, наверное, уже переселился в потустороннюю жизнь. Мерзавец!

Она заплакала, потом вытерла слезы крошечным платком и грустно взглянула на Блейна.

— Я не хотела беспокоить вас. В конце концов, это тело принадлежало Фрэнку, он мог поступить с ним как угодно и продал его. Теперь оно ваше. У меня нет никаких претензий к вам. Но мне так грустно, так одиноко.

— Понимаю, — пробормотал Блейн.

Да, эта женщина совсем не в его вкусе. Говоря по правде, она привлекательна. Симпатичная, хотя и полновата. Приятные черты лица, смелые и резко очерченные, румянец. Волосы, рыжие хоть и не от природы, спускаются на плечи мягкими волнами. Блейн представил себе, как эта женщина, подбоченившись, рутается с полицейским; тянет рыбачью сеть; танцует под гитару фламенко; гонит коз по горной тропинке, длинная юбка облепляет широкие бедра на ветру, крестьянская блузка обтягивает пышную грудь...

И все-таки в ней нет утонченности.

Однако, напомнил себе Блейн, она была во вкусе Фрэнка Кранча, а теперь его тело принадлежит ему, Блейну.

— Большинство наших друзей, — продолжала Алиса, — были охотниками в китайских играх. Вскоре после того как Фрэнк покинул меня, они начали навешиваться. Но вы ведь знаете, у охотников одно на уме...

— Неужели? — спросил Блейн.

— Да. И тогда я уехала из Пекина обратно в Нью-Йорк, туда, где родилась. И вдруг встречаю Фрэнка, — я имею в виду вас. Чуть не упала в обморок. Мне, конечно, следовало ожидать этого, но все-таки испытываешь потрясение, увидев, как навстречу идет тело твоего мужа.

— Да, конечно, — согласился Блейн.

— Поэтому я и стала следить за вами и все такое. Я не хотела беспокоить вас, но никак не могла прийти в себя. И мне стало интересно, что вы за человек... видите ли, Фрэнк был такой... понимаете, мы с ним жили дружно, нам было так хорошо вместе, — вы понимаете меня?

— Конечно, — кивнул Блейн.

— Вы, наверное, считаете мое поведение ужасным!

— Ничуть! — ответил Блейн.

Алиса посмотрела ему в глаза, выражение ее лица было грустным и одновременно кокетливым. Блейн почувствовал, как начал пульсировать старый шрам Кранча.

Но ведь Кранча больше нет. Теперь все принадлежит Блейну — желания, вкус, поступки...

Разве не так?

Эту проблему надо решить раз и навсегда, подумал он, обнимая полную желания Алису и целуя ее с жаром, совсем не свойственным Блейну.

Утром она приготовила ему завтрак. Блейн сидел и смотрел в окно. В голове бродили невеселые мысли.

Прошлая ночь убедительно доказала, что Кранч все еще распоряжался в своем бывшем теле и захватил контроль над сознанием Блейна, потому что ночью Блейн был совсем не похож на себя. Он был груб, жесток, яростен и ненасытен. Он стал таким, каким никогда не был раньше, и его страсть граничила с безумием.

Это был не Блейн, а Кранч, хозяин своего тела.

Блейн высоко ценил утонченность, деликатность, разнообразие оттенков чувств. Может быть, даже излишне высоко. Но это были его достоинства, черты индивидуальности, присущие лишь ему. Владея ими, он оставался Томасом Блейном. Утратив их, он превратился в ничтожество, в тень вечно торжествующего Кранча.

Он мрачно думал о будущем. Придется отказаться от борьбы, стать тем, кем требовало его тело: бойцом, драчуном, похотливым бродягой. Возможно, со временем он привыкнет к этому, и ему даже понравится...

— Завтрак готов! — объявила Алиса.

Они ели молча, и Алиса грустно касалась синяка на руке. Наконец Блейн не выдержал.

— Послушай, — сказал он, — прости меня.

— За что?

— За все.

Алиса грустно улыбнулась.

— Все в порядке. Это я во всем виновата.

— Сомневаюсь. Передай мне масло, пожалуйста.

Она передала ему масленку. За столом на несколько минут воцарилась тишина.

— Я так глупо вела себя, — сказала Алиса.

— Почему ты так считаешь?

— Теперь я понимаю, что погналась за неосуществимой мечтой, — объяснила она. — Мне казалось, что я смогу вернуть себе Фрэнка. Видите ли, мистер Блейн, вообще-то я совсем не такая. Меня просто не оставляла надежда, что с вами мне будет так же хорошо, как с Фрэнком.

— А оказалось не так?

— Нет, не так, — покачала головой женщина.

Блейн осторожно поставил чашку с кофе на стол.

— По-видимому, Кранч был грубее меня, — сказал он. — Он, наверное, швырял тебя о стенку, как мяч. Думаю, что...

— Нет, никогда! — воскликнула Алиса. — Никогда! Мистер Блейн, Фрэнк был охотником, и его жизнь была нелегкой, но со мной он всегда вел себя как джентльмен. Он был хорошо воспитан, мой Фрэнк.

— Неужели?

— Да! Фрэнк обходился со мной нежно, мистер Блейн. Он был деликатным, — вы понимаете, что я имею в виду? Он никогда, никогда не был грубым. Говоря по правде, мистер Блейн, он был полной противоположностью вам.

— Ах вот как?

— Я не хочу сказать, что ваше поведение было каким-то ненормальным, — поспешно сказала Алиса. — Просто вы немного грубоваты, но в этом нет ничего необычного. Кому что нравится, мистер Блейн.

— Это верно, пожалуй, — согласился Блейн. — Действительно, о вкусах не спорят.

Завтрак они заканчивали в неловкой тишине. Алиса, освободившись от своей идефикс, быстро ушла, даже не намекивая о новой встрече. Блейн сидел в большом кресле, смотрел в окно и думал.

Итак, он совсем не похож на Кранча!

Печальная истина заключалась в том, что он вел себя так, как полагал, должен вести себя Кранч. Его поведение было продиктовано чистым самовнушением. Он убедил себя, что сильный, грубый мужчина, привыкший жить среди природы, обязательно должен обращаться с женщиной, как дикий медведь.

Он действовал по стереотипу. Он чувствовал бы себя еще глупее, если бы его не охватило облегчение при мысли о возвращении Блейна.

Вспомнив слова Алисы о Мэри Торн, он нахмурился. Тощая, жестокая до бесчувствия, холодная как рыба. Еще один стереотип.

Однако он вряд ли смеет осуждать Алису.

Глава 24

Через несколько дней Блейну сообщили, что в Духовном коммутаторе его ждет сообщение. Он пошел туда после работы, и его отправили в ту же комнату, в которой он был раньше.

— Привет, Том, — донесся из громкоговорителя голос Мелхилла, усиленный радиоаппаратурой.

— Здравствуй, Рей. Я все думал, куда же ты исчез.

— Я все еще в пороговой зоне, — сообщил Мелхилл, — но скоро покину ее. Пора идти дальше и посмотреть, какая она, эта потусторонняя жизнь. Меня тянет туда. Но мне хотелось еще раз поговорить с тобой, Том. Мне кажется, что тебе следует остерегаться Мэри Торн.

— Послушай, Рей...

— Я говорю совершенно серьезно. Она проводит много времени в «Рексе». Мне неизвестно, что там происходит, поскольку комнаты, где проводятся заседания, защищены специальными экранами. Но в «Рексе» что-то готовится, и Мэри Торн играет там центральную роль.

— Хорошо, буду настороже, — пообещал Блейн.

— Том, послушайся моего совета — уезжай из Нью-Йорка. Уезжай побыстрее, пока у тебя еще есть тело и сознание, им руководящее.

— Я останусь, — покачал головой Блейн.

— Ты просто упрямый осел, — с чувством произнес Рей Мелхилл. — Какой смысл иметь ангела-хранителя, если ты не прислушиваешься к его советам?

— Я благодарен тебе за помощь, Рей, честное слово, благодарен. Но скажи откровенно, мне действительно будет лучше, если я уеду из Нью-Йорка?

— По крайней мере, можешь надеяться, что проживешь немного дольше.

— Всего лишь? Неужели опасность настолько серьезна?

— Очень серьезна. Том, запомни, не доверяй никому. А сейчас мне пора.

— Мы еще поговорим, Рей?

— Может быть, — донесся голос Мелхила. — А может быть, и нет. Желаю удачи, дружище. Беседа закончилась. Блейн пошел домой.

Следующий день был субботой. Блейн понежился в кровати дольше обычного, приготовил завтрак и позвонил Мэри. Никто не ответил. Он решил в этот день ничего не делать, а только прокрутить сенсорные записи.

Вечером его посетили двое.

Сначала пришла кроткая сгорбленная старушка, одетая в темную униформу. На околыше ее фуражки, похожей на армейскую, была надпись: «Старая церковь».

— Сэр, — произнесла она, чуть задышавшись, — я собираю пожертвования в пользу Старой церкви, стремящейся укрепить истинную веру в эти развратные и безбожные времена.

— Извините меня, — сказал Блейн и попытался закрыть дверь.

Однако старушка уже привыкла, должно быть, что перед ней закрывается множество дверей, и успела протиснуться в образовавшуюся щель, не переставая говорить.

— Молодой господин, это век вавилонского зверя и разрушения души, век Сатаны и его мнимого триумфа. Пусть это не введет вас в заблуждение! Господь всемогущий допустил все это ради проверки и испытания, чтобы отделить зерна от плевел. Опасайтесь искушения! Опасайтесь вступить на путь зла, который лежит перед вами, сияющий и великолепный!

Блейн дал ей доллар, надеясь, что старушка уйдет. Она поблагодарила его, но продолжала говорить:

— Опасайтесь, молодой господин, величайшего искушения Сатаны — мнимого рая, который называют потусторонней жизнью! Разве мог обманщик Сатана придумать ложь для людей более привлекательную, чем эта самая большая иллюзия, величайший мираж! Будто ад стал раем! И многие поддаются на хитроумную приманку, и сами идут в эту ловушку!

— Спасибо, — сказал Блейн, пытаясь закрыть дверь.

— Запомните мои слова! — возопила старуха, пронзив Блейна пристальным взглядом остекленевших голубых глаз. — Потусторонняя жизнь — величайший грех! Остерегайтесь лживых пророков потусторонней жизни!

— Очень вам благодарен!

Наконец Блейну удалось закрыть дверь. Он снова опустился в удобное кресло и включил плеер. Почти час он был поглощен «Полетом на Венеру». Затем снова раздался стук в дверь. Блейн открыл и увидел невысокого, хорошо одетого молодого человека с круглым серьезным лицом.

— Мистер Томас Блейн? — спросил незнакомец.

— Да, это я.

— Мистер Блейн, меня зовут Чарльз Фаррелл, я из корпорации «Потусторонняя жизнь». Мне можно поговорить с вами? Если сейчас неудобно, мы могли бы договориться о встрече в другое время...

— Входите, — сказал Блейн, широко распахнув дверь для пророка потусторонней жизни, посланца Сатаны.

Фаррелл оказался деловитым, спокойным пророком с тихим убедительным голосом. Сначала он ознакомил Блейна с письмом, написанным на бланке корпорации, в котором удостоверялось, что Чарльз Фаррелл является полномочным представителем «Потусторонней жизни, инк.» В письме приводилось подробное описание внешности Фаррелла, его подпись, и прилагались три заверенные фотографии и отпечатки пальцев.

— А вот мои удостоверения личности, — сказал Фаррелл, открывая бумажник.

Он извлек оттуда права на вождение гелиомобиля, библиотечную карточку, регистрационную карточку избирателя и удостоверение о государственной благонадежности. На отдельном листке специально обработанной бумаги Фаррелл тут же сделал отпечатки пальцев правой руки и передал их Блейну для сравнения с теми, что прилагались к письму.

— Неужели все это необходимо? — удивился Блейн.

— Абсолютно, — заверил его Фаррелл. — В прошлом имели место неприятные случаи. Беспринципные люди часто пытались выдать себя за представителей нашей корпорации, особенно страдали при этом излишне доверчивые и бедные люди. Они предлагали страховку по сниженным ценам, получали деньги и исчезали. Пострадало слишком много людей, которые отдали все, что имели, и ничего не получили взамен. Дело в том, что у этих бесчестных жуликов, даже если они действительно представляют какую-нибудь маленькую страховую компанию с дурной репутацией, нет в распоряжении ни дорогостоящей аппаратуры, ни квалифицированных техников, что необходимо для таких сложных операций.

— Я не знал этого, — ответил Блейн. — Прошу вас, садитесь.

Фаррелл сел.

— Бюро, занимающиеся улучшением деловых отношений, пытаются бороться с этим. Однако подобные компании быстро перебираются с места на место, и их невозможно обнаружить. Только «Потусторонняя жизнь, инк.» и еще две страховые компании, владеющие государственными лицензиями, в состоянии гарантировать выполнение своих обязательств — жизнь после смерти.

— А как относительно других систем психологической подготовки? — спросил Блейн.

— Я специально не говорил о них, — сказал Фаррелл. — Они относятся к совершенно иной категории. Если у вас достаточно терпения и решимости, то через двадцать — или даже больше — лет напряженного труда вы можете добиться успеха. Если же вы не готовы посвятить этому двадцать лет, то вам понадобится

ся научная помощь и техническое содействие. Вот тут мы и предлагаем свои услуги.

— Мне хотелось бы услышать об этом поподробнее, — заметил Блейн.

Мистер Фаррелл расположился поудобнее.

— Если вы похожи на остальных людей, вам захочется узнать, что такое жизнь? Что такое смерть? Что такое сознание? Как взаимодействуют сознание и тело? Является ли сознание тем же самым, что и душа? Может быть, они независимы друг от друга? Или взаимозависимы, или, возможно, переплетаются? Существует ли вообще такое понятие, как душа? — Фаррелл улыбнулся. — Вы, по-видимому, хотите получить ответы на эти вопросы?

Блейн кивнул, и Фаррелл продолжал:

— Так вот, я не могу ответить на них. Мы просто не имеем ни малейшего представления об этом. По нашему мнению, это религиозно-философские вопросы, отвечать на которые корпорация «Потусторонняя жизнь» даже не пытается. Нас интересуют результаты, а не абстрактное теоретизирование. Мы ориентируемся на медицину, а наш подход является чисто прагматическим. Нас не интересует, как или почему мы добиваемся результатов, равно как и то, насколько странными они бывают. Важно одно: они есть. Это единственное, что нас интересует, — такова наша позиция.

— Да, вы изложили свою точку зрения ясно и недвусмысленно, — заметил Блейн.

— Важно определить ее с самого начала. Позвольте мне объяснить вам еще одну вещь. Не следует думать, что мы предлагаем вам переселение в рай, — это ошибка.

— Да?

— Разумеется, мы не предлагаем ничего подобного! Рай — это религиозное понятие, а мы не имеем никакого отношения к религии. Наша потусторонняя жизнь есть выживание сознания после смерти тела, вот и все. Ничего больше. Мы вовсе не утверждаем, что потусторонняя жизнь — это рай, подобно тому как первые археологи не утверждали, что кости первобытного человека — останки Адама и Евы.

— Перед вами ко мне зашла старушка, — сказал Блейн. — Она сказала, что потусторонняя жизнь — это ад.

— Ах, эта фанатичка... — усмехнулся Фаррелл. — Она следует за мной повсюду. Впрочем, не исключено, что она совершенно права.

— А что вам лично известно о потусторонней жизни?

— Не так уж много, — признался Фаррелл. — Достоверно нам известно лишь следующее: после гибели тела сознание переселяется в зону, которую мы именуем пороговой. Эта зона существует где-то между Землей и потусторонним миром. По нашему мнению, это нечто вроде подготовительной фазы перед непосредственным переходом в потустороннюю жизнь. После того как сознание оказывается там, оно может переселиться в потустороннюю жизнь только по собственному желанию.

— Но что представляет собой потусторонняя жизнь?

— У нас нет сведений об этом. Мы считаем, что она не является материальной. Дальше остается только гадать. Существует мнение, что сознание есть сущность тела, и потому субстраты земных вещей, окружавших человека, он может захватить с собой в потустороннюю жизнь. Вполне возможно. Есть и другие точки зрения. Одни считают, что потусторонняя жизнь представляет собой место, где души ждут очереди заново родиться на других планетах, что составляет часть гигантского цикла возрождения. Не исключено, что и это соответствует действительности. Говорят также о том, что потусторонняя жизнь — это всего лишь первый этап постземного существования и что существует еще шесть этапов, причем достичь очередного все труднее и труднее, и в конце концов душа попадает в нирвану. Может быть. Есть мнение, что потусторонняя жизнь — это колоссальная туманная область, где вы обречены на вечные странствия, которые никогда не приведут к цели. Мне приходилось знакомиться с теориями, которые доказывают, что в потусторонней жизни люди группируются по родственному признаку, тогда как другие утверждают, что они группируются по признакам расы, религии, цвету кожи или социальному положению. Есть люди, полагающие, — как вы только что

заметили, — что потусторонняя жизнь — это преисподняя. Существуют защитники теории иллюзии, считающие, что после того, как сознание покидает пороговую зону, оно просто исчезает. А есть и такие, кто обвиняет нашу корпорацию во лжи. В некоем опубликованном недавно научном труде заявляется, что в потусторонней жизни можно найти все, что пожелаешь, — рай, небеса, Валгалла, зеленые луга — выбирай не хочу. Говорят и о том, что в потусторонней жизни правят древние божества — боги Гаити, Скандинавии или Бельгийского Конго, в зависимости от теории, которой вы придерживаетесь. Естественно, есть и противоположная точка зрения, что никаких богов там нет. Я читал английскую книгу, где доказывалось, что в потусторонней жизни правят английские духи, русскую — о том, что там господствуют русские, и несколько американских, в которых уверялось, что господство американских духов не поддается сомнению. В прошлом году была издана книга о том, что в потусторонней жизни господствует анархия. Один видный философ считает, что конкуренция есть закон природы, а потому должна сохраниться и в потусторонней жизни. И тому подобное. Выбирайте любую теорию, которая вам понравится, мистер Блейн, а то придумайте собственную.

— А каково ваше мнение? — спросил Блейн.

— Мое? Я не придерживаюсь никакой точки зрения, — ответил Фаррелл. — Когда придет время, я попаду в потустороннюю жизнь и увижу все собственными глазами.

— Я тоже так считаю, — согласился Блейн. — К сожалению, такой возможности у меня нет. У меня нет денег, чтобы заплатить столько, сколько вы требуете.

— Я знаю, — сказал Фаррелл. — Перед тем как идти к вам, я проверил состояние ваших финансов.

— Тогда почему...

— Каждый год, — произнес Фаррелл, — выделяется несколько бесплатных страховых полисов, обеспечивающих владельцам доступ в потустороннюю жизнь. Средства на это дают филантропы, корпорации и промышленные компании, а несколько полисов распределяются по лотерее. Мистер Блейн, я счастлив сообщить,

что вы стали обладателем одного из таких страховых полисов.

— Я?

— Позвольте поздравить вас, мистер Блейн, — сказал Фаррелл. — Вы — счастливец. Вам очень повезло.

— Но кто подарил мне бесплатную страховку?

— Текстильная корпорация «Мэйн Фарбенгер».

— Первый раз о них слышу.

— Зато они знают о вас. Бесплатный страховой полис подарен вам в знак признания вашего переселения в наш век из 1958 года. Вы принимаете его?

Блейн подозрительно взглянул на представителя корпорации «Потусторонняя жизнь». Фаррелл казался ему тем, за кого он себя выдавал; к тому же, все это можно проверить в штаб-квартире «Потусторонней жизни». Фантастический подарок судьбы, столь неожиданно свалившийся на Блейна, вызвал у него серьезные подозрения. Однако мысль о гарантированной жизни после смерти перевесила сомнения, прогнала все страхи. Осторожность — вещь, конечно, хорошая, но не в тот же момент, когда перед тобой открываются двери рая.

— Что же мне делать? — спросил он.

— Отправиться со мной в корпорацию «Потусторонняя жизнь», — сказал Фаррелл. — Там нам понадобится несколько часов для совершения процедуры.

Вечность! Жизнь после смерти!

— Согласен, — произнес Блейн. — Я принимаю страховку. Поехали!

Не теряя времени даром, они отправились в корпорацию.

Глава 25

Гелитакси доставило их прямо к двери «Потусторонней жизни, инк.». Фаррелл проводил Блейна в приемный отдел и передал заведующей ксерокопию страхового полиса. Блейну было велено оставить отпечатки пальцев и предъявить лицензию охотника. Женщина тщательно сверила все данные со списком назначенных на прием. Наконец она убедилась в достоверности документов и подписала разрешение.

Фаррелл отвел Блейна в помещение для испытаний, пожелал ему удачи и ушел.

За Блейна взялась группа молодых техников и подвергла его разнообразному тестированию. Жужжа и сверкая огнями, компьютеры выбрасывали ярды бумажных лент и множество перфокарт. Какие-то зловещие на вид машины булькали и пищали, подмигивали огромными красными глазами, превращавшимися в желтые. Самописцы чертили на листах бумаги графики. И среди всей этой суеи техники вели оживленный профессиональный разговор:

— Любопытная бета-реакция. Думаешь, стоит сгладить эту кривую?

— Конечно, конечно. Давай снизим побудительный коэффициент.

— Не хотелось бы. Ведь тогда ослабнет вся сеть.

— А ты не снижай его до такой степени. Травму он и так перенесет.

— Пожалуй... Как относительно фактора Хенлигера? Его нет.

— Потому что он в чужом теле. Проявится, не беспокойся.

— На прошлой неделе так и не проявился. Парень взлетел как ракета.

— Ну и что? Он с самого начала был нестабилен.

— Эй, ребята! — окликнул их Блейн. — А что, есть шанс, что эта штука не сработает?

Техники повернулись к нему, словно увидели впервые.

— В каждом конкретном случае ситуация иная, приятель, — заметил один из техников.

— Требуется индивидуальный подход к каждому пациенту.

— Нельзя исключить вероятность сбоев.

— Мне сказали, что процедура давно отработана, — произнес Блейн. — Говорили даже, что гарантия на все сто процентов.

— Конечно, так всем клиентам говорят, — пренебрежительно заметил другой техник.

— Рекламное дерьмо.

— Проблемы возникают каждый день. Нам еще так далеко до совершенства.

— Но вы скажете мне, если процедура окажется успешной? — поинтересовался Блейн.

— Разумеется. Если все пройдет успешно, ты выживешь.

— А если нет, то тебя вынесут ногами вперед.

— Не беспокойся, обычно все проходит успешно, — утешил его техник. — За исключением клиентов с К-3.

— Да, этот проклятый фактор К-3 постоянно портит нам дело. Ну, давай, Джеймисон, говори: он К-3 или нет?

— Я не уверен, — пробормотал Джеймисон, склонившись над мигающим пультом. — Тестирующая машина опять барахлит.

— А что такое К-3? — спросил Блейн.

— Если бы мы знали, — мрачно бросил Джеймисон. — Нам определенно известно лишь одно: люди с фактором К-3 не остаются в живых после смерти.

— Да, ни при каких обстоятельствах.

— По мнению старины Фицроя, это постоянный ограничивающий фактор, созданный природой, чтобы предупредить случаи безумия.

— Но К-3 не передает этот фактор своему потомству.

— Значит, я К-3? — спросил Блейн, стараясь скрыть дрожь в голосе.

— Нет, пожалуй, — небрежно заметил Джеймисон. — Вообще-то он довольно редок. Сейчас проверим.

Блейн ждал, пока техники изучали данные, а Джеймисон с помощью своей барахлящей машины пытался определить, есть ли в организме Блейна фактор К-3.

Через некоторое время он поднял голову.

— Ну что ж, думаю, он не К-3. Хотя, кто знает? Давайте за работу.

— Что будет дальше? — спросил Блейн.

В его руку глубоко вонзился шприц.

— Не беспокойся, — произнес техник, — все будет хорошо.

— Вы уверены? Значит, я не К-3? — не удержался в последний раз Блейн.

Техник небрежно кивнул. Блейн попытался спросить еще что-то, но у него закружилась голова. Техники подняли Блейна и положили на белый операционный стол.

Придя в себя, Блейн обнаружил, что лежит на удобном диване. В помещении слышалась спокойная музыка. Сестра подала ему стакан шерри. Рядом стоял улыбающийся мистер Фаррелл.

— Чувствуете себя хорошо? — спросил он. — Этого следовало ожидать. Все прошло как по маслу.

— Вот как?

— Иначе и быть не могло. Процедура исключает ошибки. Мистер Блейн, потусторонняя жизнь вам теперь гарантирована.

Блейн допил шерри и с трудом встал.

— Значит, жизнь после смерти — моя? Когда бы я ни умер? Какой бы ни была причина моей смерти?

— Совершенно верно. Независимо от времени или причины вашей смерти ваше сознание не умрет. Как вы себя чувствуете?

— Еще не знаю, — сказал Блейн.

Лишь через полчаса, идя домой, он осознал, что с ним произошло.

Потусторонняя жизнь принадлежит ему!

Блейн ощущал безграничную радость. Теперь ему на все наплевать, абсолютно на все! Он бессмертен! Его могут убить прямо сейчас, и он все-таки будет продолжать жить!

Волна опьяняющего счастья подхватила его. С улыбкой он представил себе, что может броситься под колеса проезжающего грузовика. Разве это имеет какое-нибудь значение? Ничто не в состоянии причинить ему вред. Теперь можно стать берсеркером, ворваться в толпу, размахивая мечом. А почему бы и нет? Единственное, что могут сделать полицейские, — убить его тело.

Чувство было неопишуемым. Сейчас Блейн впервые понял, как жили люди до научного открытия потусторонней жизни. Он вспомнил о тяжелом, отупляющем, бессознательном страхе смерти, все время преследующем человека, влияющем на каждый его поступок и пронизывающем каждую мысль. Вечный враг человека — смерть — тень, неслышно ползущая по извилинам его сознания, призрак, преследующий человека днем и ночью, прячась за углом, за закрытыми дверями, невидимый гость на каждом пиршестве, незримая фигура на фоне каждого пейзажа, никогда не покидающая человека, все время ждущая своего часа...

Теперь он избавился от этого ужаса.

Чудовищный груз, тяготивший сознание Блейна, исчез. Страх перед смертью пропал. С чувством пьянящей радости он ощущал воздушную легкость. Вечный враг человека — смерть — побеждена и больше ему не угрожает!

Блейн вернулся к себе, охваченный чудесной эйфорией. И тут же услышал звонок телефона.

— Блейн слушает.

— Том, куда ты исчез? — это был голос Мэри Торн. — Я звонила тебе целый день!

— Я выходил, милая, — ответил Блейн. — А ты где была, черт побери?

— В «Рексе». Старалась выяснить, что они замышляют. Слушай внимательно. Мне нужно сообщить тебе нечто очень важное.

— И у меня есть для тебя новость, милая.

— Слушай и не перебивай! Сегодня к тебе придет человек. Это представитель корпорации «Потусторонняя жизнь». Он предложит тебе бесплатный страховой полис. Ни в коем случае не соглашайся!

— Но почему? Он не тот, за кого себя выдает?

— Нет, он действительно сотрудник корпорации, и полис настоящий, без обмана. Но ты не должен соглашаться.

— Я уже согласился, — ответил Блейн.

— Как согласился?

— Он был у меня несколько часов тому назад. Я согласился.

— Ты уже прошел процедуру?

— Да. Она была ненастоящая?

— Нет, разумеется, настоящая, — вздохнула Мэри. — Боже мой, когда ты поймешь, что нельзя принимать подарки от незнакомцев? Обеспечить себе потустороннюю жизнь можно было и позже... Если бы ты знал, Том!

— А что случилось? Страховой полис предложила мне текстильная фирма «Мэйн Фарбенгер».

— Эта фирма принадлежит корпорации «Рекс».

— Вот как... Ну и что?

— Том, этот бесплатный страховой полис подсунил тебе «Рекс». Они использовали «Мэйн Фарбенгер» как ширму, однако именно «Рекс» выделил страховой полис! Неужели ты не понимаешь, что это означает?

— Нет, не понимаю. Может быть, ты перестанешь рыдать и объяснишь, в чем дело?

— Том, речь идет о разделе Допустимых убийств Акта о самоубийствах. Они собираются воспользоваться им.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Я говорю о том разделе Акта о самоубийствах, который делает законным изъятие тела. «Рекс» гарантировал тебе выживание сознания после смерти, и ты принял их предложение. Теперь они имеют право на

законном основании взять твое тело и сделать с ним все, что им нравится. Они могут убить твое тело, Том!

— Убить меня?

— Да. И, разумеется, они так и поступят. Дело в том, что правительство собирается привлечь их к ответственности за твое незаконное перемещение из прошлого. Если тебя больше нет, то нет и оснований для обвинения корпорации «Рекс». Теперь слушай. Тебе нужно немедленно уехать из Нью-Йорка, а затем покинуть страну. Может быть, в этом случае тебя оставят в покое. Я помогу тебе. Мне кажется, что...

Связь прервалась.

Блейн несколько раз стукнул по телефону, однако не услышал даже длинного гудка, означающего, что линия свободна и аппарат исправен. Судя по всему, телефон отключили.

Эйфория, переполнявшая его несколько секунд назад, исчезла. Пьянящее чувство свободы от смерти тоже пропало. Как мог он подумать о том, чтобы стать берсеркером? Ведь он хочет жить! Он хочет жить в человеческой плоти, на Земле, которую он знает и любит. Духовное существование — это здорово, в этом не приходится сомневаться, но не сию минуту. И Блейн совсем не спешит в потустороннюю жизнь. Ему хочется жить среди осязаемых предметов, дышать воздухом, есть хлеб и пить воду, видеть вокруг себя человеческую плоть, касаться ее.

Когда они захотят убить его? Да когда пожелают, в любое время. Его квартира превратилась в ловушку. Блейн поспешно сунул в карман все деньги и поспешил к выходу. Открыл дверь и осторожно выглянул в коридор.

Он побежал по коридору и вдруг остановился как вкопанный.

Из-за угла вышел человек и замер в центре вестибюля. В руке у него был большой излучатель, направленный прямо в живот Блейна.

Это был Сэмми Джонс.

— Ах, Том, Том, — тяжело вздохнул Джонс. — Поверь мне, я очень сожалею, что это ты. Однако дело есть дело.

Блейн застыл на месте, обреченно глядя, как излучатель поднялся до уровня его груди.

— Но почему именно ты? — выдавил Блейн.

— А кто ж еще? — удивился Сэмми Джонс. — Разве я не лучший охотник в западном полушарии, да и Европе, пожалуй, тоже? «Рекс» нанял всех охотников, находящихся сейчас поблизости от Нью-Йорка. Вот только теперь нам разрешили пользоваться огнестрельным и лучевым оружием. Мне очень жаль, что приходится охотиться за тобой.

— Но ведь я тоже охотник.

— Ты не первый, которого приходится убивать. Таковы правила игры, ничего не поделаешь, приятель. Не дергайся. Я сделаю все быстро и безболезненно.

— Но я не хочу умирать! — воскликнул Блейн.

— Почему? — спросил Джонс. — Ведь ты получил страховку, и потусторонняя жизнь тебе обеспечена.

— Меня обманули! Я хочу жить! Сэмми, не убивай меня!

Лицо Сэмми Джонса словно окаменело. Он прицелился — и опустил излучатель.

— Я становлюсь слишком сентиментальным, — покачал головой Джонс. — Хорошо, Том, попытайся скрыться. В конце концов, каждая жертва должна иметь такую возможность. В этом случае сохраняется спортивный дух. Учти, у тебя очень мало времени.

— Спасибо, Сэмми! — крикнул Блейн и кубарем скатился с лестницы.

Он выскочил на улицу, не зная, куда бежать. Но времени для размышлений не было. Наступал вечер, и, пока не стемнело, надо воспользоваться этим. Блейн постоял секунду и двинулся вперед.

Ноги сами несли его к городским трущобам.

Глава 26

Блейн шел мимо ветхих многоэтажных жилых домов, мимо дешевых закусочных и ночных клубов. Засунув руки в карманы, он шел и пытался думать. Нужен план действий. Если ему не удастся придумать способ убраться из Нью-Йорка, через час-другой охотники прикончат его.

Джонс сказал, что за транспортом следят. Тогда на что остается надеяться? У него нет оружия, он беззащитен...

Впрочем, тут можно кое-что предпринять. Когда у него будет пистолет, ситуация изменится. Более того, она изменится самым решительным образом. Когда-то Халл говорил: «Охотник имеет законное право убить жертву; но если жертва застрелит охотника, ей грозит арест и суровое наказание».

Итак, стоит ему застрелить охотника, и полиция будет вынуждена арестовать его! Возможно, это осложнит дело, но по крайней мере непосредственная опасность исчезнет.

Блейн шел, пока не увидел ломбард. В витрине сверкали лучевые и огнестрельные пистолеты, охотничьи ружья, ножи и мачете. Он вошел.

— Мне нужен пистолет, — обратился он к усатому мужчине за прилавком.

— Пистолет. Понятно. Какой? — спросил продавец.

— У вас есть лучевые пистолеты?

Продавец кивнул и, выдвинув ящик, достал блестящий лучевой пистолет с яркой медной отделкой.

— Вот это, — сказал он, — великолепная вещь. Это настоящий иглолучевой пистолет системы Сайлс-Берна

для охоты на крупных венерианских хищников. На расстоянии в пятьсот ярдов вы можете продырявить насквозь все, что ходит, ползает или летает. Вот здесь, сбоку, кнопка, меняющая размеры отверстия, из которого исходит луч. С помощью такого селектора рассеивания вы можете выбрасывать широкий луч для близкого расстояния или сузить его до диаметра иглы для дальней стрельбы.

— Хорошо, хорошо, — ответил Блейн, доставая из кармана деньги.

— Вот эта кнопка, — показал продавец, — регулирует время разряда. Вот так вы получаете мгновенный выстрел. Каждое деление увеличивает продолжительность воздействия на цель на четверть секунды. А если поставить его на автоматический режим, он будет косить буквально все перед собой. Батарея обеспечивает пистолет энергией на четыре часа стрельбы, и в этом пистолете энергетический запас больше, чем на три часа. Кроме того, вы можете пользоваться этим пистолетом в домашней мастерской. Установив его на специальный станок и применяя экран для снижения мощности, вы сможете резать пластик лучше, чем пилой. С другим дефлектором им можно пользоваться как паяльной лампой. Дополнительное снаряжение можно приобрести...

— Спасибо, я покупаю его, — перебил Блейн.

Продавец кивнул.

— Ваше разрешение, пожалуйста.

Блейн достал лицензию охотника и протянул продавцу. Тот кивнул и медленно, заставляя Блейна кипеть от нетерпения, стал заполнять квитанцию.

— Завернуть?

— Нет, не надо. Я возьму его так.

— С вас семьдесят пять долларов, — произнес продавец.

Блейн бросил на прилавок банкноты. Продавец обернулся и взглянул на список, висевший позади на стене.

— Одну минуту! — внезапно воскликнул он.

— В чем дело?

— Я не могу продать вам этот пистолет.

— Почему? — удивился Блейн. — Вы же видели мое удостоверение охотника.

— Но вы не предупредили меня, что в данный момент являетесь зарегистрированной жертвой. Вам известно, что жертвы не имеют права владеть оружием? Ваше имя мне сообщили полчаса назад. Вам не удастся купить оружие ни в одном из легальных магазинов Нью-Йорка, мистер Блейн.

Продавец швырнул банкноты Блейну. В то же мгновение Блейн попытался схватить пистолет, однако продавец оказался проворнее. Он направил дуло в сторону Блейна.

— Следовало бы избавить охотников от хлопот, — проворчал он. — Ты получил свою проклятую потустороннюю жизнь. Что тебе еще нужно?

Блейн застыл на месте. Продавец опустил пистолет.

— Впрочем, это не мое дело. Охотники и так скоро тебя прикончат.

Он опустил руку под прилавок и нажал на кнопку. Блейн повернулся и выбежал на улицу. Темнело. Теперь охотникам известно, где он. И кольцо вокруг него уже начало сжиматься.

Ему показалось, что кто-то позвал его по имени. Он проталкивался сквозь толпу, не оглядываясь, лихорадочно стараясь что-то придумать. Нет, он не хочет умереть просто так. Разве затем он перебрался через 152 года, чтобы его пристрелили на глазах у миллиона людей? Это несправедливо!

Блейн заметил, что за ним идет ухмыляющийся мужчина. Это был Тезей с пистолетом в руке, ожидающий удобного момента для выстрела.

Блейн рванулся вперед, продрался сквозь толпу и свернул за угол. Он стремительно помчался по переулку и вдруг остановился.

В конце переулка, четко выделяясь на фоне освещенной стены, стоял мужчина. Одну руку он упер в бедро, другую, с пистолетом, поднял, приготовившись выстрелить. Блейн в замешательстве оглянулся на Тезея.

Маленький охотник выстрелил, и тепловой луч опалил рукав Блейна. Он бросился к какой-то двери, но она захлопнулась прямо у него перед носом. Второй выстрел прожег дыру в пиджаке Блейна.

Словно во сне он наблюдал, как охотники приближаются к нему. Тезей был уже совсем рядом, второй

охотник преграждал противоположный выход из перелука. Блейн бросился бежать, с трудом переставляя ноги, словно налитые свинцом. Он бежал навстречу второму охотнику, по крышкам канализационных люков и решеткам подземки, мимо витрин магазинов, закрытых железными шторами, и запертых дверей.

— Назад, Тезей! — крикнул второй охотник. — Он у меня на мушке!

— Стреляй, Хендрик! — И Тезей прижался к стене, чтобы не попасть под разящий луч.

Стрелок, до которого было еще футов пятьдесят, прицелился и выстрелил. Блейн бросился на землю, и луч прошел над ним. Он откатился в сторону, пытаясь найти укрытие в подъезде. Снова вспыхнул ослепительный свет теплового луча, опалившего бетон и превратившего воду в лужах в пар.

И вдруг решетка вентиляционной шахты подземки подломилась под ним.

Падая, он сообразил, что решетка, должно быть, повреждена раскаленным лучом пистолета. Слепая удача! Но нужно еще и приземлиться на ноги, не потерять сознание, как-то спрятаться, до конца воспользоваться счастливой случайностью. Если он потеряет сознание, то останется лежать на дне шахты и станет легкой добычей охотников, когда те подойдут к самому краю.

Блейн попытался вывернуться на лету, но было слишком поздно. Он тяжело грохнулся на плечо и ударился головой о железную стойку. Однако необходимость не потерять сознание была так велика, что он заставил себя встать на ноги.

Теперь надо спрятаться в глубине подземного прохода как можно дальше, чтобы его не сумели найти.

Но сделать даже первый шаг оказалось выше его сил. Ноги его подкосились, голова закружилась, он упал лицом вниз, перекатился на спину и увидел над собой зияющее отверстие люка.

Потом Блейн потерял сознание.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 27

Придя в себя, Блейн обнаружил, что потусторонняя жизнь ему не по вкусу. Было темно, неудобно, пахло машинным маслом и плесенью. Кроме того, болела голова, и казалось, что спина сломана в трех местах.

Неужели дух может испытывать чувство боли? Блейн шевельнулся и выяснил, что у него все еще есть тело. Говоря по правде, он чувствовал все тело. Вероятно, это еще не потусторонняя жизнь.

— Отдохни немного, — раздался чей-то голос.

— Кто это? — спросил Блейн, глядя в непроницаемую темноту.

— Смит.

— А, это ты. — Блейн сел и сжал руками голову, внутри которой билась боль. — Как это тебе удалось, Смит?

— Я чуть не опоздал, — сказал зомби. — Как только объявили, что ты стал жертвой, я бросился на поиски. Несколько друзей хотели помочь мне, но ты передвигался слишком быстро. Когда ты вышел из ломбарда, я окликнул тебя.

— Да, мне показалось, что я слышал чей-то голос, — сказал Блейн.

— Если бы ты обернулся, мы могли увести тебя уже тогда. Но ты не обернулся, и мы последовали за тобой. Несколько раз мы открывали крышки вентиляционных шахт и канализационных люков, но было трудно угадать твой маршрут. Всякий раз мы чуть-чуть запаздывали.

— Но не на этот раз.

— Да, наконец мне удалось открыть решетку прямо под тобой. Мне очень жаль, что ты ушибся.

— Где я?

— Я оттащил тебя в сторону от главного коридора. Сейчас мы в боковом проходе. Здесь охотники тебя не найдут.

И снова Блейн не сумел найти подходящих слов, чтобы поблагодарить Смита. И опять Смит не ждал от него благодарности.

— Я делаю это не для тебя, Блейн. Для себя. Ты мне нужен.

— Ты уже вспомнил зачем?

— Нет еще, — ответил Смит.

Глаза Блейна уже привыкли к темноте, и он различал очертания головы и плеч зомби.

— Что мы будем делать дальше? — спросил он.

— Пока ты в безопасности. Мы можем провести тебя под землей до Нью-Джерси. Дальше ты пойдешь один. Но я не думаю, что это будет сложно.

— А чего мы сейчас ждем?

— Прихода мистера Кина. Мне нужно получить его разрешение, чтобы провести тебя по подземным переходам.

Ожидание затянулось. Наконец Блейн увидел худую фигуру мистера Кина, шедшего к ним. Он опирался на плечо здорового негра.

— Мне очень жаль, что у вас такие неприятности, — произнес Кин, садясь рядом с Блейном. — Очень жаль.

— Мистер Кин, — обратился к нему Смит, — если вы позволите мне провести его через старый Голландский туннель в Нью-Джерси...

— Поверьте мне, я искренне сожалею, — сказал Кин, — но разрешить не могу.

Блейн оглянулся по сторонам и увидел, что их окружила дюжина зомби, одетых в лохмотья.

— Я говорил с охотниками, — продолжал Кин, — и дал им слово, что вы вернетесь на поверхность не позже чем через полчаса. Вы должны уйти, Блейн.

— Но почему?

— Мы просто не можем позволить себе оказать вам помощь, — объяснил Кин. — В тот раз я пошел на небывалый риск, когда позволил вам осквернить гробницу Рейли. Но я сделал это ради Смита, потому что ваша судьба каким-то образом оказалась связана с его

судьбой. А Смит — один из моих людей. Но сейчас мы можем пойти слишком далеко. Вы знаете, что нам позволяют жить под землей исключительно из милости.

— Да, знаю.

— Смигу следовало принять во внимание возможные последствия. Через ту решетку, что он открыл для вас, к нам в подземелье залезли охотники. Они не нашли вас, но знали, что вы скрываетесь где-то здесь. Они искали, Блейн, как они искали! Десятки охотников обшаривали подземные коридоры, грубо обращались с нашими людьми, угрожали, кричали на них, что-то говорили по своим маленьким рациям. Вместе с ними спустились репортеры и даже какие-то зеваки. Некоторые молодые охотники нервничали и даже стали стрелять в зомби.

— Мне очень неприятно слышать об этом, — покачал головой Блейн.

— В этом нет вашей вины. А вот Смит поступил необдуманно. Наш подземный мир — не суверенное королевство. Здесь нас всего лишь терпят, и это терпение может кончиться в любую минуту. Поэтому мне пришлось встретиться с охотниками и репортерами.

— И что вы им сказали? — спросил Блейн.

— Я объяснил, что под вами провалилась проржавевшая решетка, что вы попали к нам случайно и спрятались от преследователей. Я заверил их, что ни один зомби в этом не был замешан, что мы нашли вас и вернем на поверхность в течение получаса. Они поверили мне и ушли. Мне очень жаль, но я не мог поступить по-другому.

— Я ни в чем вас не виню, — сказал Блейн, медленно вставая.

— Я не сказал им, в каком именно месте вы появитесь из-под земли, — добавил Кин. — По крайней мере, сейчас у вас положение лучше, чем раньше. Жаль, что не могу чем-нибудь помочь, но нельзя допустить, чтобы подземные коммуникации превратились в поле боя для охотников. Нам нужно оставаться нейтральными, никого не раздражать и никого не путать. Только в этом случае мы сумеем выжить до того момента, когда наступит век понимания.

— Где я выйду из подземелья? — спросил Блейн.

— Я выбрал для вас заброшенный выход из метро на 79-й улице, Вест, — сказал мистер Кин. — Там вряд ли вас будут караулить. Кроме того, я предпринял еще один шаг, чего, по-видимому, делать не следовало.

— А именно?

— Я сообщил обо всем вашему другу. Он будет ждать вас у выхода. Только не говорите об этом никому. Ну, пошли!

Мистер Кин повел процессию по запутанному подземному лабиринту. Блейн замыкал шествие. Головная боль постепенно исчезала. Скоро они остановились у бетонной лестницы.

— Это выход, — сказал Кин. — Желаю удачи, Блейн.

— Спасибо. Я благодарен и тебе, Смит.

— Я старался сделать для тебя все, что в моих силах, — произнес Смит. — Если ты умрешь, я тоже, наверное, умру. Если же ты останешься в живых, я буду стараться вспомнить.

— А когда вспомнишь?

— Тогда я приду к тебе, — ответил Смит.

Блейн кивнул и стал подниматься по лестнице.

Была глубокая ночь, и 79-я улица казалась пустынной. Блейн остановился у выхода и оглянулся вокруг, не зная, что делать дальше.

— Блейн! — вдруг позвал его кто-то. Но это была не Мэри, как он надеялся. Это был мужской голос, очень знакомый, — может быть, Сэмми Джонса или Тезея.

Он быстро повернулся к лестнице, однако вход оказался закрыт и заперт.

Глава 28

— Том, Том, это я!

— Рей?

— Ну конечно! Говори тише. Охотники недалеко. Подожди.

Блейн, съездившись, ждал у запертого входа в метро, озираясь по сторонам. Никаких следов присутствия Мелхилла он не заметил. Не было никакого облачка эктоплазмы, ничего, только тихий голос.

— Все в порядке, — слышался голос Мелхилла. — Иди на запад. Быстро.

Блейн пошел, ощущая, как Мелхилл незримо парит где-то рядом.

— Рей, как ты здесь оказался?

— Я пришел помочь тебе, — сказал Мелхилл. — Старый Кин связался с твоей подругой, а она отыскала меня через Духовный коммутатор. Стой! Не двигайся!

Блейн нырнул за угол здания. Над домами медленно пролетел вертолет.

— Это охотники, — сказал Мелхилл. — На тебя объявлена охота, малыш. Обещано вознаграждение даже за информацию о твоём местонахождении. Том, я пообещал Мэри, что попытаюсь помочь. Только не знаю, насколько меня хватит. Силы на исходе. После этого мне придется уйти в потустороннюю жизнь.

— Рей, я просто не знаю, как благодарить...

— Не надо, Том. Послушай, мне трудно говорить. Мэри договорилась со своими друзьями. У них есть план, — вот только бы успеть привести тебя к ним. Стой!

Блейн притаился за почтовым ящиком. Тянулись секунды. Мимо пробежали три охотника с оружием. Когда они свернули за угол, Блейн двинулся дальше.

— У тебя поразительное зрение, — сказал он Мелхиллу.

— Сверху все прекрасно видно, — ответил тот. — Быстро беги на другую сторону улицы.

Блейн перебежал через дорогу. Следующие пятнадцать минут он, подчиняясь указаниям Мелхилла, шел по улицам, сворачивал в переулки, кружа по городу, ставшему для него полем боя.

— Вот она, — произнес наконец Мелхилл. — Вот эта дверь, номер 341. Мы добрались наконец! Ну пока, Том. Будь поосторож...

В это мгновение из-за угла вышли двое мужчин, остановились и уставились на Блейна.

— Вот этот парень! — воскликнул один.

— Какой парень?

— За которого обещано вознаграждение. Эй ты, стой!

Они бросились к Блейну. Сжав кулаки, он тут же сбил с ног одного. Мужчина упал и потерял сознание. Блейн мгновенно повернулся ко второму, но Мелхилл держал ситуацию под контролем.

Над головой второго мужчины непостижимым образом взлетел мусорный бак. Человек замахал руками над головой, пытаясь защититься. Но бак, лязгнув, ударил его по голове. Блейн подскочил и довел дело до конца.

— Здорово мы их, — слышался совсем слабый голос Мелхилла. — Мне всегда хотелось попробовать себя в роли полтергейста. Но на это уходит столько сил... Удачи тебе, Том!

— Рей! — окликнул Блейн и замер, ожидая ответа.

Но Мелхилл исчез, и пропало ощущение его присутствия.

Не теряя времени, Блейн подошел к двери с номером 341, открыл ее, вошел и увидел узкий коридор. В конце его виднелась еще одна дверь. Блейн постучал.

— Входите, — раздался чей-то голос.

Он открыл дверь и вошел в маленькую темную комнату с плотными занавесками.

Блейн думал, что его уже ничем не удивишь, — и ошибся. Перед ним, широко улыбаясь, стоял Карл Орк, похититель тел. А рядом, тоже улыбаясь, сидел Джо, продавец трансплантов.

Глава 29

Блейн инстинктивно отпрянул к двери, но Орк помянул его к себе. Похититель тел не изменился: все так же высок и худ, загорелое лицо вытянутое и грустное, взгляд прищуренных глаз прямой и честный. Одежда по-прежнему висела на нем, как на вешалке, словно он больше привык к джинсам, чем к брюкам, сшитым на заказ.

— А мы ждем тебя, — сказал Орк. — Ты, конечно, помнишь Джо?

Блейн кивнул. Он очень хорошо помнил хитроглазого коротышку, который морочил ему голову, пока Орк подсыпал ему в стакан сильнодействующий наркотик.

— Весьма рад встрече, — произнес Джо.

— Не сомневаюсь. — Блейн не отходил от двери.

— Проходи и садись, — сказал Орк. — Мы тебя не съедем. Честное слово. Что было, то бывшем поросло.

— Ты пытался убить меня.

— Но ведь это бизнес, — ответил Орк со свойственной ему прямоотой. — Теперь мы союзники.

— Почему я должен тебе верить?

— Еще никто не сомневался в моей честности, — заверил его Орк. — Особенно тогда, когда я по-настоящему честен, как, например, сейчас. Мисс Торн наняла нас, чтобы вывезти тебя из страны, целого и невредимого, и мы собираемся сдержать слово. Садись, обсудим подробности. Есть хочешь?

Блейн неохотно сел. На столе были сандвичи и бутылка красного вина. Он вспомнил, что весь день у него маковой росинки во рту не было, и набросился на

еду. Орк закурил тонкую коричневую сигару, а Джо, казалось, задремал.

— Знаешь, — начал Орк, — я чуть не отказался от этого предложения. Не то чтобы мало денег, нет, мисс Торн была более чем щедра. Дело в том, что это самая большая охота в городе за последние годы. Ты когда-нибудь видел такое, Джо?

— Нет, — покачал головой Джо. — Город похож на липучку для мух.

— На этот раз «Рекс» действительно хочет заполучить тебя, — сказал Орк. — Они прикончат тебя при первой же возможности. Поневоле занервничаешь, когда против тебя такая мощная корпорация. Но я люблю, когда мне бросают по-настоящему серьезный вызов.

— Чем задача труднее, тем она больше по душе Карлу, — подтвердил Джо.

— Признаться, да, особенно если за это обещано весьма крупное вознаграждение.

— Но куда мне деваться? — спросил Блейн. — Есть ли такое место, где «Рекс» не найдет меня?

— Пожалуй, нет, — покачал головой Орк.

— А что если покинуть Землю? Убежать на Марс или на Венеру?

— Там даже хуже. На этих планетах всего несколько городов, и все друг друга знают. Новость распространяется там меньше чем за неделю. Кроме того, там ты будешь не в своей тарелке. Кроме китайцев на Марсе, на планетах живут главным образом ученые с семьями да несколько практикантов. Там тебе не понравится.

— Тогда где?

— Именно такой вопрос я и задал мисс Торн, — кивнул Орк. — Мы обсудили несколько вариантов. В-первых, тебя можно превратить в зомби. Я мог бы осуществить эту операцию. «Рекс» никогда не станет искать тебя под землей.

— Я предпочел бы не умирать.

— Я тоже так сказал, — согласился Орк. — Мы исключили эту возможность. Далее обсудили следующее: для тебя можно отыскать небольшую ферму в Атлантической впадине. Там очень пустынное место. Но, чтобы

жить под водой, нужен особый психический склад и любовь к этому делу, и мы решили, что это тоже не подходит. Там ты можешь сойти с ума. Поэтому, тщательно изучив все возможности, мы решили, что наилучшее место — Маркизские острова.

— Что?

— Маркизские острова. Это группа небольших островов, раньше относившихся к Полинезии, посреди Тихого океана. Они расположены недалеко от Таити.

— Южные моря, — прошептал Блейн.

— Совершенно верно. Мы решили, что там ты будешь себя чувствовать как дома, лучше, чем где бы то ни было. Жизнь на Маркизских островах, как мне сказали, напоминает двадцатый век. Но самое важное то, что там «Рекс» может оставить тебя в покое.

— Это почему?

— Причина очевидна, Том. Зачем им нужно убить тебя? Да потому что они незаконно похитили тебя из прошлого и теперь беспокоятся, что правительство может привлечь их к ответственности. Но когда ты переберешься на Маркизы, то окажешься за пределами юрисдикции американского правительства. А поскольку тебя нет, то исчезнут и основания для судебного преследования. Кроме того, в «Рексе» поймут, что твое решение уехать так далеко показывает твою готовность уладить дело. Совершенно ясно, что такой шаг не свойствен человеку, желающему сотрудничать с дядюшкой Сэмом. Вдобавок, Маркизские острова, после того как от них отказалась Франция, являются независимым маленьким государством. Таким образом, чтобы продолжать там охоту за тобой, «Рексу» понадобится специальное разрешение. Короче говоря, дальнейшее преследование сулит массу неприятностей для всех, кто замешан в это дело. Правительство США, конечно, откажется от дальнейшего расследования, и тогда, вероятно, «Рекс» отзовет своих охотников.

— Это точно? — спросил Блейн.

— Нет, конечно. Это мое предположение. Однако оно основано на здравом смысле.

— А нельзя сначала договориться с «Рексом»?

Орк покачал головой.

— Чтобы торговаться, необходимо что-то предложить взамен. А у нас ничего нет. Пока ты в Нью-Йорке, им гораздо проще и безопаснее убить тебя.

— Пожалуй, верно, — согласился Блейн. — Ну и как вы собираетесь вывезти меня из Нью-Йорка?

Орк и Джо смущенно переглянулись.

— В этом-то вся трудность, — сказал Орк. — Вывести тебя живым нет никакой возможности.

— А на вертолете или реактивном самолете?

— Они должны приземляться и платить пошлину, а тебя повсюду караулят охотники. Наземный транспорт тоже исключается.

— А что если изменить внешность?

— Может быть, это и удалось бы в самом начале охоты. Теперь это невозможно, даже если произвести полную пластическую операцию. Сейчас все охотники снабжены сканирующими устройствами, которые мгновенно устанавливают личность. Тебя моментально опознают.

— Значит, выхода нет?

Орк и Джо снова обменялись смущенными взглядами.

— Выход есть, — заметил Орк. — Но он тебе может не понравиться.

— Мне нравится быть живым. Что это за выход?

Орк помолчал, закуривая новую сигару.

— Мы предполагаем быстро заморозить тебя почти до абсолютного нуля, как это делается при космических перелетах. Затем поместим твое тело в ящик с мороженой говядиной. Оно будет среди коровьих туш, и, скорее всего, его не обнаружат.

— Мне это кажется рискованным, — сказал Блейн.

— Не очень, — ответил Орк.

Блейн нахмурился, чувствуя какой-то подвох.

— И во время перевозки я буду без сознания?

— Нет, — произнес Орк после долгой паузы.

— Нет?

— Иначе ничего не выйдет, — объяснил Орк. — Дело в том, что твое тело придется отделить от сознания. Я с самого начала опасался, что эта часть выбранного способа перевозки тебе придется не по вкусу.

— О чем ты говоришь, черт побери? — Блейн встал.

— Успокойся, — произнес Орк. — Сядь, покури, выпей еще вина. Дело вот в чем, Том. Мы не можем транспортировать замороженное тело, сохранив внутри него сознание. Охотники ждут чего-то подобного. Представляешь, что случится, если они просканируют партию коровьих туш и обнаружат среди них дремлющий человеческий разум? Все усилия — псу под хвост! Недолго музыка играла! Поверь, Том, я не пытаюсь обмануть тебя. Другого выхода нет.

— А что будет с моим сознанием? — Блейн снова сел.

— Это по части Джо, — сказал Орк. — Объясни ему, Джо.

Джо поспешно кивнул.

— Все дело, друг мой, в транспланте.

— В транспланте?

— Я уже объяснял вам все в тот печальный вечер, когда мы встретились впервые. Помните? Трансплант — величайшее наслаждение, приятное времяпрепровождение, игра, в которую может играть каждый, стимулятор для усталых тел и новые ощущения для притупившихся сознаний. У нас широкая сеть трансплантаторов во всем мире, мистер Блейн. Это люди, которым нравится переселяться из одного тела в другое, мужчины и женщины, уставшие носить одно и то же тело. Так вот, мы собираемся включить вас в эту сеть!

— Вы намереваетесь перебрасывать мое сознание через всю страну?

— Совершенно верно! Оно будет переходить из одного тела в другое, — кивнул Джо. — Поверьте мне, это не только приятно, но и поучительно.

Блейн вскочил, опрокинув стул.

— К черту! — воскликнул он. — Я говорил тогда и снова повторяю сейчас: я не играю в вашу паршивую игру. Уж лучше рискнуть жизнью на улице. — И он направился к двери.

— Я знал, — сказал Джо, — что сначала это испугает вас, но...

— Нет!

— Черт побери, Блейн, дай же по крайней мере договорить до конца! — рявкнул Орк.

— Ну хорошо, — ответил Блейн. — Говорите. Джо налил полстакана вина и выпил залпом.

— Мистер Блейн, — начал он, — будет нелегко объяснить все это вам, человеку из прошлого. И все-таки попытайтесь понять, что я говорю.

Блейн недоверчиво кивнул.

— Так вот. Трансплант сейчас используется как сексуальное развлечение, и именно в этом качестве я его рекламирую. Вы спросите почему? Да потому, что люди не имеют понятия о более разумных методах его применения, и еще потому, что реакционное правительство все время запрещает трансплант. На самом деле трансплант — это куда больше, чем просто игра. Это совершенно новый образ жизни! Независимо от того, нравится вам или правительству это или не нравится, транспланту принадлежит будущее.

Глаза фанатичного защитника транспланта светились. Блейн снова сел.

— В человеческих отношениях следует выделить два основных элемента, — нравоучительно произнес Джо. — Одним из них является вечное стремление человека к свободе: свободе вероисповедания, свободе печати, свободе собраний, свободе выбирать правительство — любой свободой! А другой главный элемент в человеческих отношениях — усилия правительства не дать людям эту свободу.

Это показалось Блейну несколько упрощенным взглядом на человеческие отношения, но он промолчал и продолжал слушать.

— Правительство, — говорил Джо, — делает это по многим причинам. Из соображений безопасности, ради личной выгоды, чтобы удержать власть, а то и просто потому, что считает людей не готовыми к свободе. Но какой бы ни была причина, основные составляющие конфликта остаются прежними: человек стремится к свободе, правительство старается преградить ему путь к ней. Трансплант — это всего лишь еще одна из многих разновидностей свободы, о которой мечтает человек, тогда как правительство придерживается точки зрения, что свобода ему еще не нужна.

— Сексуальная свобода? — с насмешкой поинтересовался Блейн.

— Нет! — воскликнул Джо. — Не потому, что сексуальная свобода — дело нестоящее. Но трансплант изобретен не для этого. Действительно, мы рекламируем его таким образом, потому что люди не любят абстрактных идей, мистер Блейн, равно как им не нравятся голые теории. Им хочется понять, что может принести свобода им лично. Мы демонстрируем людям небольшую часть благ, а остальное они узнают сами.

— Так на что же способен трансплант? — спросил Блейн.

— Трансплант, — увлеченно заявил Джо, — дает человеку возможность одолеть ограничения, наложенные на него наследственностью и окружением!

— Каким образом?

— А вот таким. Трансплант дает вам возможность обмениваться знаниями, телами, способностями и опытом со всеми, кто изъявляет желание вступить в контакт с вами. Многие так и поступают. Большинство людей не хотят заниматься одним и тем же делом на протяжении всей жизни, даже если они удовлетворены своей профессией. Человек — слишком неутомимое существо. Музыканты хотят стать инженерами, агенты по рекламе — попробовать себя в качестве охотников, моряки — побыть писателями. Но обычно одной жизни не хватает, чтобы попробовать свои силы более чем в одной профессии. И даже если на это есть время, непреодолимым препятствием становится такой слепой фактор, как талант. С помощью транспланта ты можешь получить врожденные способности, опыт, знания — короче, все что угодно. Подумайте об этом, мистер Блейн! Почему человек должен всю жизнь провести внутри тела, которое он даже не выбирал для себя? Это все равно что сказать ему: ты должен жить с унаследованными болезнями и не пытаться вылечить от них. У человека должна быть свобода выбора того тела и тех талантов, которые больше всего устраивают его личность.

— Если ваш план осуществится, — заметил Блейн, — мир окажется полным психопатов, обменивающихся телами каждый день.

— Вот такие доводы и приводились в оправдание отказа от введения новых свобод, — воскликнул Джо, сверкая глазами. — На протяжении всей истории пытались доказать, что у людей не хватит здравого смысла для выбора собственной религии, или у женщин недостаточно интеллекта, чтобы голосовать, или не следует предоставлять людям возможность выбирать своих представителей, потому что их выбор может оказаться глупым. Разумеется, в мире немало психопатов, которые даже в раю способны натворить черт знает что. Однако гораздо больше разумных людей — таких, кто сумеет правильно использовать данные им свободы. — Джо понизил голос и доверительно зашептал: — Необходимо понимать, мистер Блейн, что человек — это не его тело, потому что он получает тело в результате случайного совпадения обстоятельств. Это и не его опыт и приобретенные навыки, поскольку их источником часто является необходимость. Человек не есть сумма его способностей, — ведь способности являются наследственными или появляются в результате воздействия окружения. Наконец, человек — это не болезни, к которым он может быть предрасположен, и не окружение, формирующее его. Нет, человек представляет собой сумму всего этого, он содержит в себе все эти вещи, — и все-таки он нечто большее, чем просто их сумма. В его власти изменить свое окружение, излечить свои болезни, усовершенствовать навыки — и, наконец, выбрать свое тело и способности! Это и есть грядущая свобода, мистер Блейн! Она исторически неизбежна независимо от того, нравится она вам, или мне, или правительству или не нравится. Это необратимый прогресс, потому что у человека должны быть все возможные свободы!

Джо закончил свою пламенную и несколько бесвязную речь и откинулся на спинку стула. Лицо его покраснело, он тяжело дышал. Блейн взглянул на Джо с чувством глубокого уважения. Он понял, что перед ним настоящий революционер 2110 года.

— Он дело говорит, Том. Трансплант является законным в Швеции и на Цейлоне, и в этих странах он ничуть не подорвал общественные устои.

— Придет время, — добавил Джо, наливая стакан вина, — и весь мир станет пользоваться трансплантом. Поверьте, это неизбежно.

— Может быть, — произнес Орк. — Или изобретут какую-нибудь другую свободу вместо него. Как бы то ни было, Том, ты видишь, что существуют разумные доводы в пользу транспланта. К тому же спасти твое тело можно только этим способом. Итак, что скажешь?

— Ты тоже революционер? — спросил Блейн.

Орк ухмыльнулся.

— Пожалуй. Я вроде тех парней, что прорывали блокаду во время гражданской войны в Соединенных Штатах, или тех, кто продавал винтовки повстанцам из Центральной Америки. Все они работали ради денег, но не были против изменений в обществе.

— Ну и ну, — насмешливо произнес Блейн. — А я-то думал, что имею дело с обыкновенными преступниками.

— Ладно, забудем о прошлом, — добродушно улыбнулся Орк. — Ты готов попробовать?

— Разумеется. Вы убедили меня. Вот уж не знал, что окажусь в авангарде социальной революции.

Улыбка на лице Орка стала еще шире.

— Отлично. Надеюсь, все пройдет хорошо. Закатай рукав. Не будем терять времени.

Блейн закатал рукав, а Орк достал из ящика стола шприц.

— Это чтобы отключить сознание, — объяснил он. — Аппаратура находится в соседней комнате. Основную работу выполнит она. Когда придешь в себя, то будешь уже гостем в чьем-нибудь сознании, а тело тем временем переберется через всю страну в замороженном состоянии. Как только опасность исчезнет, сознание вернется в твое тело.

— Через сознания скольких людей мне придется пройти? — спросил Блейн. — И в течение какого времени?

— Я не знаю, сколько людей понадобится. Что касается продолжительности, то промежутки времени будут разными: несколько секунд, минут, возможно, полчаса. Мы будем переводить тебя из одного сознания в другое как можно быстрее. Знаешь, это будет не полный трансплант. Ты сможешь занять чье-нибудь тело не целиком, а лишь крошечную долю сознания, как наблюдатель. Так что ве́ди себя спокойно и естественно. Понял?

Блейн кивнул.

— А как действует аппаратура? — спросил он.

— Как йога, — ответил Орк. — Аппаратура делает за тебя то, что ты мог бы сделать сам, если бы в совершенстве владел техникой йогов. Она расслабляет каждый мускул и нерв, успокаивает и концентрирует сознание. После того как достигнут нужный потенциал, ты готов перейти к астральной проекции. За тебя это тоже сделает машина. Она поможет тебе освободиться от тела, осуществить то, что йоги могут делать без посторонней помощи. Ты попадешь в тело выбранного нами человека, и его сознание уступит тебе место. Притяжение завершит процесс. Ты ныряешь в его сознание, как выброшенная на берег рыба ныряет обратно в воду.

— По-моему, это рискованно, — усомнился Блейн. — А вдруг я не смогу попасть туда?

— Приятель, ты не сможешь туда не попасть! Послушай, тебе приходилось слышать, как человеком овладевают так называемые демоны? Легенды об этом встречаются у всех народов мира. Разумеется, некоторые из тех, в кого якобы вселился дьявол, — шизофреники, а кое-кто просто симулянт. Но зарегистрировано немало случаев подлинного духовного вторжения, когда чужим сознанием завладевали те, кто овладел процессом переселения своего сознания в тела других людей. Раньше они обходились без помощи машин и легко преодолевали отчаянное сопротивление. Теперь мы пользуемся специальной аппаратурой, да и те, в сознание кого ты вселишься, готовы тебя принять. Как видишь, оснований для беспокойства нет.

— Ну хорошо, — согласился Блейн. Как выглядят Маркизские острова?

— Великолепно, — ответил Орк, вонзая иглу шприца в руку Блейна. — Тебе понравится.

Блейн начал погружаться в туман забытья, думая о пальмах, белом морском прибое, набегающем на коралловый риф, и темноглазых девушках, поклоняющихся каменному богу.

Глава 30

Он не ощутил ничего — ни пробуждения, ни перехода. Он пришел в сознание внезапно, словно на экране перед ним появился цветной слайд, окрашенный в ослепительно яркие цвета. Подобно неожиданно ожившей кукле, Блейн начал жить и двигаться.

Теперь он был не только Томасом Блейном. Одновременно он был и Эдгаром Дайерсеном. Или Блейном внутри Дайерсена, неотъемлемой частью Дайерсена, глядящим на мир слезящимися глазами Дайерсена, думающим мыслями Дайерсена, смутно ощущающим отрывки воспоминаний, надежд, страхов и желаний Дайерсена. И все-таки он продолжал оставаться Блейном.

Дайерсен-Блейн сошел со вспаханного поля и прислонился к деревянной изгороди. Он был старым фермером из Саут-Джерси, придерживающимся прежних методов ведения хозяйства, а потому обходился минимумом машин, которым все равно не доверял. Ему было почти семьдесят лет, и его здоровью могли позавидовать многие. Правда, суставы побаливали от артрита, — но молодой толковый врач из деревни почти вылечил его, — да спина иногда ныла перед дождем. И все-таки он считал себя здоровым, здоровее многих, и полагал, что способен протянуть еще лет двадцать.

Дайерсен-Блейн направился к своему коттеджу. Серая рабочая рубашка пропиталась потом, и на старых джинсах виднелись белесые пятна.

Он услышал, как вдалеке залаяла собака, и с трудом разглядел приближавшийся желто-коричневый силуэт. (Очки? Нет, спасибо. Я и так неплохо обхожусь.)

— Эй, Чамп! Ко мне, псина!

Собака обежала вокруг него и послушно затрусилась рядом. В зубах она держала что-то серое: крысу или, может быть, кусок мяса — Дайерсен не мог разобрать.

Он наклонился, чтобы погладить Чампа по голове...

И снова не было никакого чувства перехода или ощущения прошедшего времени. Просто на экране появилась проекция нового слайда, и ожила новая кукла.

Теперь он был Томпсоном-Блейном, девятнадцати лет. Он лежал, разомлев от солнечных лучей, на шероховатой палубе швербота, небрежно держа в загорелой руке шкерт от паруса и румпель. Справа проплывал низкий восточный берег, а слева виднелась гавань Балтимора. Швербот легко скользил, подгоняемый легким летним бризом, и под форштевнем весело журчала вода.

Томпсон-Блейн пошевелился, потом повернулся всем долговязым загорелым телом и уперся в мачту. Он вернулся домой всего неделю назад после двух лет работы и учебы на Марсе. Было очень интересно, особенно археология и спелеология. Работать на фермах в песках было иногда скучно, однако управлять уборочными машинами ему нравилось.

Сейчас он дома, будет проходить ускоренный двухлетний курс обучения в колледже. Затем должен снова лететь на Марс, где станет управляющим фермой. Таково условие получения стипендии. Однако, если он не захочет работать на Марсе, никто не сможет его заставить.

Может быть, он вернется на Марс. А может быть, и нет.

Девушки на Марсе все как одна деловые. Выносливые, крепкие, способные и любят всем распоряжаться. Когда он полетит на Марс, — если полетит, — то возьмет с собой жену с Земли. Конечно, там у него была Марсия — это девушка хоть куда. Но ее кибуц переместился к Южной полярной шапке, и она не ответила на его три последних письма. Нет, все-таки ничего особенного в ней не было, пожалуй.

— Эй, Сэнди!

Томпсон-Блейн поднял голову и увидел Эдди Дулитла в парусной шляпке, машущего ему рукой. Томпсон-Блейн небрежно махнул в ответ. Эдди всего семнадцать, он никогда не покидал Земли и хочет стать капитаном космического лайнера. Ха! Как бы не так!

Солнце спускалось к горизонту, и Томпсон-Блейн был рад, что приближается вечер. У него назначено свидание с Дженифер Хант. Они отправятся на танцы в «Старслинг» в Балтимор, и отец разрешил ему взять вертолет. Боже мой, как выросла Дженифер за эти два года! А как она смотрит на него, застенчиво и дерзко одновременно. И неизвестно, что может произойти после танцев, на заднем сиденьи вертолета. Может быть, ничего. А может быть...

Томпсон-Блейн сел и повернул румпель. Швербот, подхваченный ветром, накренился. Пора возвращаться в яхт-клуб, затем домой ужинать, затем...

Узкий кожаный кнут хлестнул по спине.

— Ну ты, за работу!

Пиггот-Блейн удвоил усилия, взмахивая киркой и ударяя ею по пыльному дорожному полотну. Охранник стоял рядом, с ружьем в левой руке и кнутом в правой. Длинный узкий ремень змеился в пыли. Пигготу-Блейну были знакомы каждая морщина, каждая пора на глупом худом лице охранника, этот унылый маленький сжатый рот, этот прищур выцветших глаз, — короче говоря, с лицом охранника он был знаком, как со своим собственным.

«Ну погоди, пададь, — подумал он. — Придет твое время. Погоди немного».

Охранник пошел дальше, вдоль цепи заключенных, работавших под белым солнцем Миссисипи. Пиггот-Блейн попробовал сплунуть, но во рту пересохло. «Так вы говорите о современном мире, — думал он. — Об огромных космических кораблях, автоматизированных фермах, счастливой прекрасной потусторонней жизни? Думаете, это все? Тогда спросите, как строят дороги в графстве Куиллег, на севере штата Миссисипи. Вам не

скажут, разумеется, поэтому вы сами приезжайте и увидите. Потому что здесь настоящий мир!»

— Ты готов, Отис? — прошептал Арни, работавший впереди. — Ты готов?

— Я-то готов, — прошептал в ответ Пиггот-Блейн, стискивая сильными пальцами пластмассовую рукоятку кирки. — Я давно готов, Арни.

— Тогда начинаем через секунду. Следи за Джеффом.

Волосатая грудь Пиггота-Блейна ходила ходуном. Он отбросил со лба длинные каштановые волосы и взглянул на Джеффа, прикованного к цепи через пять человек от него. Пиггот-Блейн с нетерпением ждал сигнала; его плечи, обожженные солнцем, нестерпимо болели. На лодыжках виднелись шрамы от кандалов, а на спине — старые рубцы от ударов кнутом. Нестерпимая жажда горела у него внутри, но ее нельзя было утолить ковшом воды, ничто не могло утолить эту безумную жажду, из-за которой он и попал сюда, после того как разгромил единственный кабак в Гейнсвилле и прикончил этого вонючего старого индейца.

Джефф взмахнул рукой. Скованная цепью шеренга заключенных рванулась вперед. Пиггот-Блейн прыгнул на охранника с худым лицом и замахнулся киркой. Тот уронил кнут и попытался поднять ружье.

— Ах ты, падаль! — взревел Пиггот-Блейн, и острие кирки вонзилось охраннику в лоб.

— Хватайте ключи!

Пиггот-Блейн сорвал связку ключей с пояса мертвеца. Он услышал звук ружейного выстрела и крик боли, тревожно обернулся...

Рамирес-Блейн вел свой вертолет над плоской тexasской равниной, в сторону Эль-Пасо. Серьезный молодой человек, он был поглощен работой и старался выжать из старой машины все, чтобы успеть добраться до Эль-Пасо до закрытия магазина скобяных изделий Джонсона.

Он осторожно вел норовистый старый вертолет, сосредоточившись на управлении машиной и показаниях высотомера и компаса, что, впрочем, не мешало ему

думать о танцах в Гуаногуато на следующей неделе и ценах на кожу в Сьюдад-Хуаресе.

Равнина, испещренная зелеными и желтыми пятнами, пронеслась внизу. Он взглянул на часы, затем на индикатор скорости.

«Да, — подумал Рамирес-Блейн, — пожалуй, я успею в Эль-Пасо до закрытия магазина! Я даже успею...»

Тайлер-Блейн вытер рукавом рот и подобрал куском кукурузного хлеба остатки жирного соуса с тарелки. Он рыгнул, отодвинулся со стулом от кухонного стола и встал. С демонстративной небрежностью Тайлер-Блейн взял из кладовой потрескавшуюся миску и наполнил ее кусками свинины и овощами, положил сверху большой кусок кукурузного хлеба.

— Эд, что ты делаешь? — спросила жена.

Он взглянул на нее. Женщина была худой, лохматой и выглядела старше своих лет. Не ответив на вопрос, он отвернулся.

— Эд, скажи мне! Эд!

Тайлер-Блейн раздраженно взглянул на жену, чувствуя, что от пронзительного, беспокойного голоса заняла старая язва желудка. «У нее самый визгливый голос во всей Калифорнии, — подумал он, — и меня утормозило жениться на ней». Пронзительный голос, острый нос, острые локти и колени, плоская, как стиральная доска, да к тому же неродеха. Ноги лишь для того, чтобы поддерживать тело, а не для того, чтобы искать между ними хотя бы секундную радость. Живот, чтобы набивать его едой, а не для ласки. Из всех девушек Калифорнии он выбрал самую невзрачную, — еще бы, ведь он такой дурак, так и дядя Рэйф всегда говорил о нем.

— Куда ты понес миску с едой? — спросила она.

— Собаку покормить. — Тайлер-Блейн направился к двери.

— Но ведь у нас нет собаки! Эд, не делай этого, не надо сегодня!

— А я сделаю, — бросил он, довольный, что разозлил ее.

— Прошу тебя, не сегодня. Пусть убирается куда-нибудь в другое место. Послушай меня, Эд! Не дай Бог, в городе узнают.

— Солнце уже село, — сказал Тайлер-Блейн, остановившись у двери с миской в руке.

— За нами могут следить, — взмолилась она. — Эд, если в городе узнают об этом, тебя линчуют, ты ведь знаешь.

— Когда на меня накинут петлю, может, ты покажешься привлекательной, — заметил Тайлер-Блейн, открывая дверь.

— Ты делаешь это, только чтобы насолить мне! — крикнула женщина.

Он закрыл за собой дверь. Во дворе почти стемнело. Тайлер-Блейн стоял рядом с пустым курятником, озираясь по сторонам. Единственный дом поблизости принадлежал Флэннаганам, а они никогда не лезли в чужие дела. Он подождал, убедился, что вокруг не шныряют городские мальчишки, и пошел вперед, осторожно неся миску с едой.

Остановившись на опушке чахлого леса, он поставил миску на землю.

— Все в порядке, — тихо произнес он. — Выходи, дядя Рэйф.

Из леса на четвереньках выполз мужчина. У него было свинцово-бледное лицо, бескровные губы, бессмысленный неподвижный взгляд, а черты лица выглядели грубыми и незавершенными, словно железо перед закалкой или необожженная глина. На шее гноился длинный порез. Он с трудом волочил правую ногу, которую ему сломали горожане.

— Спасибо, парень, — пробормотал Рэйф — дядя-зомби.

Зомби быстро опустошил миску. Когда он закончил есть, Тайлер-Блейн спросил:

— Как ты себя чувствуешь, дядя Рэйф?

— Дело идет к концу. Это старое тело вот-вот загнетса. Еще пара дней, может быть, неделя, и ты освободишься от меня.

— Пока ты жив, дядя Рэйф, я буду заботиться о тебе, — сказал Тайлер-Блейн. — Мне совестно, что я не могу взять тебя в дом.

— Нет, — покачал головой зомби, — они узнают. Это опасно. Как поживает твоя тощая жена?

— Как всегда злится, — вздохнул Тайлер-Блейн.

— Я предупреждал тебя, парень, еще десять лет назад предупреждал, чтобы ты не женился на этой девке. — Зомби издал звук, напоминающий смех. — Предупреждал, правда?

— Совершенно верно, дядя Рэйф. Ты был единственным здравым человеком. Жаль, что я не послушал тебя.

— Да, жаль. Ну ладно, я полезу назад.

— Скажи, дядя, ты уверен? — В голосе Тайлера-Блейна звучало беспокойство.

— Совершенно уверен.

— И ты тоже умрешь?

— Обязательно, парень. И попаду в пороговую зону, не беспокойся. А когда окажусь там, то сдержу слово. Можешь не сомневаться.

— Я так тебе благодарен, дядя Рэйф.

— Не стоит. Я человек слова. Я стану преследовать ее, если только Господь примет меня на порог потусторонней жизни. Сначала я возьмусь за врача, так мне удружившего. А затем сведу с ума ее. Я буду преследовать ее, да так, что она без оглядки побежит от тебя через всю Калифорнию.

— Спасибо, дядя Рэйф.

Зомби хихикнул и уполз обратно в чахлый лес. Тайлер-Блейн невольно вздрогнул, взял пустую миску и побрел назад к покосившемуся дому...

Маринер-Блейн поправила бретельку купальника, обтягивавшего стройное юное тело, закинула на спину баллон с воздухом, взяла маску акваланга и направилась к шлюзу.

— Дженис!

— Да, мама? — Она обернулась и спокойно поглядела на мать.

— Куда ты, дорогая?

— Хочу поплавать, мама. Охота взглянуть на новые сады на двенадцатом уровне.

— А ты случайно не собираешься встретиться с Томом Льюином?

Неужели мать догадалась? Маринер-Блейн поправила черные волосы и ответила:

— Нет, конечно.

— Ну, хорошо, — ответила мать, усмехнувшись. Она не верила дочери. — Постарайся вернуться домой пораньше, дорогая. Ты ведь знаешь, как отец беспокоится, когда ты опаздываешь.

Девушка быстро поцеловала мать в щеку и поспешила к шлюзу. Знает, но не останавливает ее! С другой стороны, почему она должна вмешиваться в дела дочери? В конце концов, ей уже семнадцать лет, она достаточно взрослая и может делать все, что ей нравится. Сейчас дети растут быстрее, чем их родители в свое время, хотя родители почему-то этого не понимают. Родители вообще многого не понимают. Они хотят лишь одного: сидеть и думать, как бы расширить свои владения хоть на несколько акров. Развлечение для них — послушать классическую музыку, бип-боп и рок-н-ролл, ну, может, еще музыку из кинофильмов; и поговорить о том, насколько выразительнее и свободнее были их предки. А иногда начинают перелистывать толстые альбомы по искусству с цветными комиксами двадцатого века и жаловаться на утрату искусства сатиры. А самое большое событие для них — это поездка в галерею, где они подолгу стоят и с благоговением смотрят на коллекцию обложек «Сэтердей ивнинг пост» времен Великого Периода. На нее весь этот интеллектуальный бред наводил невыразимую тоску. Пропавши пропадом это искусство — ей нравятся сенсорные записи.

Маринер-Блейн поправила маску и дыхательный клапан, надела на ноги ласты и повернула воздушный кран. Через несколько секунд шлюз наполнился водой. Девушка с нетерпением ждала, пока давление внутри шлюза сравняется с наружным. Наконец дверца шлюза автоматически открылась, и она стрелой поплыла вперед.

Подводная ферма ее отца находилась на глубине сотни футов, рядом с гигантской массой основания Гавайских островов. Быстрыми, мощными гребками де-

вушка стала погружаться, уходя в зеленую глубину. Том ждет ее у коралловых пещер.

Маринер-Блейн погружалась все глубже, вокруг становилось все темнее. Она включила электрический фонарь на голове и крепче сжала губами респиратор. Может быть, правда, что скоро обитатели подводных ферм смогут отращивать себе жабры? Так говорил их преподаватель в школе, и не исключено, что это случится уже на ее веку. Интересно, как она будет выглядеть с жабрами? Загадочная, наверное, стройная и удивительная повелительница рыбьего царства.

Но если жабры не будут красивыми, их всегда можно прикрыть длинными волосами.

В желтом свете лампы девушка увидела впереди коралловые пещеры, красно-розовый лабиринт с уютными герметичными ответвлениями, где их никто не потревожит. И тут она увидела Тома.

Внезапно девушку охватила неуверенность. Вдруг у нее будет ребенок? Том уверял ее, что все будет в порядке, но ведь ему только девятнадцать. Правильно ли она поступает? Они часто говорили об этом, и она удивила Тома своей откровенностью. Но одно дело — говорить и совсем другое — действовать. Что подумает о ней Том, если она скажет ему «нет»? Может быть, ей удастся отшутиться, сделать вид, что просто дразнила его?

Длинное золотистое тело Тома плыло вместе с ней к пещерам. Он сделал рукой приветственный жест. Фантастически окрашенная рыба с большим плавником проплыла мимо, за ней — маленькая акула.

Что же ей делать? Пещеры уже совсем близко, уже видны темные входы. Том улыбнулся ей, и девушка почувствовала, как тает ее сердце...

Элгин-Блейн вздрогнул и сел, подумав, что задремал. Закутавшись в одеяло, он сидел в шезлонге на палубе небольшой моторной шхуны. Суденышко качалось на волнах, море было беспокойно, над головой сияло яр-

кое солнце, и теплый пассат уносил вдаль дым от дизеля.

— Вам уже лучше, мистер Элгин?

Элгин-Блейн посмотрел на невысокого бородатого мужчину в фуражке капитана.

— Прекрасно, просто прекрасно, — ответил он.

— Мы уже почти на месте, — сообщил ему капитан.

Элгин-Блейн кивнул, стараясь понять, что с ним происходит. Он напряг память и вспомнил, что раньше был ростом ниже среднего, с могучими мышцами, широкими грудью и плечами, с несколько коротковатыми для такого богатырского тела ногами, широкими мозолистыми ладонями. На плече виднелся старый извилистый шрам, память о несчастном случае на охоте...

Элгин и Блейн слились в одного человека.

Тут он понял, что наконец вернулся в свое тело. Его имя — Блейн, а Элгин — псевдоним, под которым, по-видимому, он путешествовал.

Долгий путь закончен! Его сознание и тело снова едины!

— Нам сказали, сэр, что вы больны, — сказал капитан. — Но вы так долго были в коматозном состоянии...

— Теперь я чувствую себя хорошо, — ответил Блейн. — Мы далеко от Маркизских островов?

— Нет. Остров Нукухива всего в нескольких часах хода.

Капитан вернулся в рулевую рубку. А Блейн думал о тех, с кем его свела судьба, и в чьем сознании он недолго жил.

Он с уважением вспоминал решительного и независимого старика Дайерсена, бредущего к своему коттеджу; надеялся, что молодой Сэнди Томпсон вернется на Марс; испытывал чувство жалости к исковерканному жизнью убийце Пигготу; радовался встрече с серьезным и искренним Хуаном Рамиресом; жалел и одновременно презирал коварного и слабого духом Эда Тайлера; желал счастья прелестной Дженис Маринер.

Все они навсегда остались в его памяти. И плохим и хорошим он желал самого наилучшего. Теперь они стали его семьей. Далекими родственниками, двоюродными братьями и сестрами, которых он больше никогда не встретит, племянниками и племянницами, о чьей судьбе он будет думать.

Как и во всех семьях, в ней было не без уroda, но это его семья, и он всегда будет их помнить.

— Нукухива на горизонте! — раздался возглас капитана.

Блейн поднял голову и увидел на краю горизонта крошечную черную точку, над которой висели белые кучевые облака. Он энергично потер лоб, решив больше не думать о своей приемной семье. Сейчас следует заняться реальными проблемами. Скоро он окажется в своем новом доме, и нужно серьезно подумать, что делать дальше.

Глава 31

Моторная шхуна медленно вошла в залив Таиохаэ. Капитан, уроженец здешних мест и гордящийся этим, рассказал Блейну кое-что о его новом доме.

Он объяснил, что Маркизы состоят из двух групп гористых островов, далеко отстоящих друг от друга. Когда-то архипелаг назывался Каннибаловыми островами, и местные жители прославились тем, что захватывали торговые суда и вырезали экипажи шхун, прибывавших поохотиться за «черными дроздами». В 1842 году острова перешли в руки Франции, которая предоставила им автономию в 1993-м. Нукухива является самым крупным островом, здесь находится столица архипелага. Его самый высокий горный пик — Теметиу — достигает четырех тысяч футов. В портовом городе Таиохаэ проживает около пяти тысяч человек. В общем, сказал капитан, это спокойное место, привольное и беззаботное, что-то вроде тихой заводи среди островов южных морей, где всегда кипит жизнь. Именно здесь находится последнее пристанище нетронутой Полинезии двадцатого века.

Блейн кивнул, мало что поняв из лекции капитана. Гораздо большее впечатление на него произвел вид огромной темной горы впереди, покрытой кружевами серебристых водопадов, и звуки океанского прибоя, грохочущего у гранитного берега.

Он решил, что здесь ему понравится.

Скоро шхуна пришвартовалась к городскому пирсу, и Блейн сошел на берег, чтобы познакомиться с городом Таиохаэ.

Он обнаружил супермаркет и три кинотеатра, ряды одноэтажных домов, множество пальм, несколько небольших магазинов с витринами из зеркального стекла, бесчисленные бары, десятки автомобилей, заправочную станцию и светофор на перекрестке. По тротуарам сновали люди в пестрых рубашках и белых выглаженных брюках. Все носили темные солнечные очки.

«И это последнее пристанище нетронутый Полинезии двадцатого века? — подумал Блейн. — Да ведь это флоридский город, перенесенный на острова южных морей!»

Но что еще можно ожидать от 2110 года? Древняя Полинезия мертва, как добрая старая Англия или Франция эпохи Бурбонов. К тому же он вспомнил, что Флорида в двадцатом веке была весьма привлекательным местом.

Он прошел по Мэйн-стрит и увидел объявление на стене. Оно гласило, что почтмейстер Альфред Грей назначен представителем корпорации «Потусторонняя жизнь, инк.» в группе Маркизских островов. А немного дальше стояло небольшое черное здание с вывеской: «Публичные кабины для самоубийц».

«Да, — язвительно подумал Блейн, — современная цивилизация проникла даже сюда! Глядишь, скоро здесь появится и Духовный коммутатор. И что тогда будет с нами?»

Пройдя весь город, Блейн повернул назад, и тут к нему поспешно подошел коренастый краснолицый мужчина.

— Вы мистер Элгин? Мистер Томас Элгин?

— Да, это я, — с некоторой опаской ответил Блейн.

— Ужасно не повезло, что я не успел встретить вас в порту, — произнес извиняющимся тоном краснолицый мужчина, вытирая мокрый лоб большим платком. — Разумеется, это не оправдание. Просто оплошность с моей стороны. Неторопливость, царящая на этих островах. Неизбежное явление. Да, я забыл представиться. Дэвис, хозяин местной верфи. Добро пожаловать в Таюохаэ, мистер Элгин.

— Спасибо, мистер Дэвис.

— Что вы, наоборот. Это я должен благодарить вас за то, что вы откликнулись на мое объявление. Мне давно нужен главный проектировщик. Откровенно го-

воря, я не рассчитывал привлечь на работу специалиста вашей квалификации.

— Гм-м, — промычал Блейн, удивленный и обрадованный поразительной тщательностью подготовки, проведенной Орком.

— Сейчас трудно найти человека, хорошо знакомого с методами конструирования яхт, применявшихся в двадцатом веке, — печально произнес Дэвис. — Забытое искусство. Вы уже успели осмотреть остров?

— Бегло, — ответил Блейн.

— Вы готовы остаться у нас? — В голосе Дэвиса звучало беспокойство. — Вы не представляете, как трудно найти хорошего конструктора, готового переехать в такое забытое богом место, как этот город. Едва специалист приезжает, как тут же начинает думать о том, чтобы перебраться в большой процветающий город вроде Папеэте или Апия. Я понимаю, конечно, что там лучше платят, да и развлечений больше. Но и у Таиохаэ есть свое очарование.

— Я устал от больших городов, — улыбнулся Блейн. — Вряд ли мне захочется перебраться еще куда-нибудь, мистер Дэвис.

— Отлично, просто отлично! — обрадованно воскликнул Дэвис. — Можете несколько дней не приходить на работу, мистер Элгин. Отдохните, осмотритесь. Знаете, это последнее пристанище примитивной Полинезии. Вот ключи от вашего дома. Он находится на Теметиу-роуд, номер один. Идите прямо вон туда, вверх по склону. Хотите, я провожу вас?

— Не беспокойтесь, я не заблужусь. Очень вам благодарен, мистер Дэвис.

— Еще раз благодарю вас, мистер Элгин. Загляну к вам завтра, когда вы устроитесь. Вам, наверное, захочется познакомиться с местными жителями. Между прочим, в четверг жена мэра устраивает вечеринку. Или в пятницу? Я узнаю и сообщу вам.

Они пожали друг другу руки, и Блейн пошел вверх по Теметиу-роуд, к своему новому дому.

Это оказалось небольшое, только что покрашенное бунгало. Из его окон открывалась фантастическая панорама трех южных заливов Нукухивы. Несколько минут

Блейн восхищенно любовался видом, затем толкнул дверь. Она оказалась незапертой, и он вошел.

— Наконец-то!

Блейн не поверил глазам.

— Мэри!

Она была такой же стройной, прелестной и сдержанной, как раньше. Однако чувствовалось, что она нервничает. Мэри говорила без остановки и все время смотрела в сторону.

— Я решила, что будет лучше, если все проблемы уладить на месте, — сказала она. — Вот уже два дня живу здесь и жду тебя. Ты уже встретил мистера Дэвиса, правда? Он мне понравился, такой приятный мужчина.

— Мэри...

— Я сказала ему, что я — твоя невеста, — продолжала девушка. — Надеюсь, ты не возражаешь, Том. Ведь нужно было придумать какую-то причину, чтобы поселиться здесь. Мне пришлось сказать, что я приехала пораньше и хочу сделать для тебя сюрприз. Мистер Дэвис был счастлив, разумеется, ему так хочется, чтобы его главный проектировщик остался здесь навсегда. Ты не сердись, Том? В крайнем случае можно сказать, что мы не подходим друг другу и...

Блейн обнял ее.

— А мне вот кажется, что мы отлично подходим друг другу, — сказал он. — Я люблю тебя, Мэри.

— О Том, Том, я так люблю тебя! — Она страстно прижалась к нему на мгновение и тут же сделала шаг назад. — Нужно побыстрее назначить свадьбу, если ты не возражаешь. Они здесь такие старомодные, так часто бывает в маленьких городах. Совсем как в двадцатом веке. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Думаю, что понимаю.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Глава 32

Мэри настояла на том, чтобы до свадьбы ей остаться жить в отеле «Южные моря». Блейн предложил провести ее скромно, в присутствии лишь мирового судьи, однако Мэри удивила его: ей хотелось настоящей свадьбы, причем такой, которой никогда не видели в Таиохаэ. Праздник состоялся в воскресенье в доме мэра.

Мистер Дэвис разрешил Блейну воспользоваться небольшой яхтой, принадлежащей верфи. Ранним утром счастливая пара отправилась в свадебное путешествие на Таити.

Все это казалось Блейну счастливым и мимолетным сном. Они плыли по морю, словно вырезанному из нефрита, и смотрели на огромную желтую луну, пересеченную вантами яхты и запутавшуюся в растяжках. Солнце встало из длинного черного облака, достигло зенита и закатилось, превратив море в сверкающую медную чашу. Яхта бросила якорь в лагуне Папее, и они увидели горы Мурее, пылающие в лучах заката, более фантастические, чем лунные пики. И Блейн вспомнил тот день в Чесапикском заливе, когда он мечтал о Раиатеа, горах Мурее и свежих пассатах...

Целый континент и океан отделяли тогда его от Таити, не говоря уже о других препятствиях. Но это было в другом веке.

Они отправились на Мурее, на лошадях поднялись по горному склону и набрали белых цветов. Затем вернулись на яхту, стоявшую на якоре под сенью горы, и поплыли к островам Туамоту.

Наконец они вернулись в Таюхаэ. Мэри занялась домашним хозяйством, а Блейн начал работать на верфи.

Первые недели их не покидало беспокойство. Они просматривали нью-йоркские газеты и гадали, что предпримет дальше «Рекс». Однако о корпорации ничего не было слышно, и они решили, что опасность миновала. И все-таки с чувством огромного облегчения два месяца спустя они прочли, что охота за Блейном прекращена.

Обязанности Блейна на верфи были интересными и разнообразными. Местные катера и кечи с трудом дотягивали до верфи с погнутыми и треснувшими винтами; с обшивкой, продранной коралловым рифом; с парусами, сорванными внезапным шквалом. Кроме того, приходилось обслуживать подводные средства передвижения и суда, принадлежащие окрестным владельцам морских ферм, пользовавшимся Таюхаэ как базой снабжения. Наконец, нужно было строить новые шлюпки, а иногда и шхуны.

Все практические вопросы Блейн решал квалифицированно и быстро. Время шло, и он начал писать рекламные релизы о верфи и помещать их в «Курьере южных морей». В результате, работы стало больше, увеличился объем деловой корреспонденции, и возникла необходимость в расширении контактов между верфью, где работал Блейн, и маленькими верфями, которым передавалась часть заказов. Блейн взял все это на себя, включая рекламу.

Его деятельность в качестве главного проектировщика начала приобретать прямо-таки сверхъестественное сходство с работой на предыдущих должностях, где он служил младшим конструктором яхт. Но это уже перестало его беспокоить. Теперь ему казалось, что природа предназначила для него роль младшего конструктора, не больше и не меньше. Такой уж была его судьба, и он покорился.

Жизнь Блейна катилась по ровной проторенной колее. Он проводил время на верфи и в белом бунгало, субботними вечерами смотрел кино и микрофильмы

«Санди таймс», совершал непродолжительные поездки на подводные фермы и другие острова Маркизского архипелага, бывал на вечеринках в доме мэра, играл в покер в яхт-клубе, ходил на яхте по Комптроллер Бей и купался при лунном свете на пляже Темуoa. Блейну начало казаться, что его жизнь приобрела окончательную и устойчивую форму.

Но почти через четыре месяца после приезда в Таихохаэ все снова изменилось.

Однажды утром Блейн проснулся, позавтракал, поцеловал жену и пошел на верфь. Там стоял широкий кеч с круглым днищем, прибывший с Туамоту. Капитан судна не рассчитал и попытался прошмыгнуть в узкий проход под парусами. В результате приливное течение повалило кеч на обрызганный пеной гранитный камень, прежде чем команда успела завести двигатель. Нужно было выправить шесть шпангоутов и заменить несколько досок в обшивке. Работу удастся сделать, по-видимому, за неделю.

Блейн осматривал кеч, когда к нему подошел мистер Дэвис.

— Послушай, Том, — сказал он, — только что тебя искал какой-то мужчина. Ты не видел его?

— Нет, — ответил Блейн. — А кто он?

— Приехал с материка. — Дэвис нахмурился. — Только что с парохода. Я сказал ему, что ты еще не пришел, и он ответил, что зайдет к тебе домой.

— Как он выглядел? — спросил Блейн, чувствуя, как по спине бежит струйка холодного пота.

Дэвис нахмурился еще больше.

— В этом-то и самое странное. Примерно твоего роста, худой и загорелый. С бородой и бакенбардами. Теперь такое редко встречается. Да, — от него сильно пахло лосьоном.

— Действительно странно, — согласился Блейн.

— Очень странно. Готов поклясться, что борода была накладной.

— Вот как?

— Да, она выглядела фальшивой. И все остальное тоже выглядело фальшивым. К тому же он сильно хроمال.

— Он не назвал себя?

— Его зовут Смит. Том, ты куда?

— Мне нужно срочно зайти домой, — ответил Блейн. — Я все объясню тебе потом.

Он поспешно вышел из ворот верфи. Смит вспомнил, должно быть, кто он такой и что связывает его с Блейном. И как обещал, зомби приехал рассказать об этом.

Глава 33

Как только он сообщил Мэри о приезде Смита, она тут же подошла к шкафу, достала чемоданы, отнесла в спальню и принялась поспешно укладывать вещи.

— Что ты делаешь? — удивился Блейн.

— Собираю вещи.

— Это я вижу. Но почему?

— Потому что мы уезжаем отсюда.

— О чем ты говоришь? Мы здесь живем!

— Больше не живем, — сказала она. — И не будем, из-за этого проклятого Смита. Он приносит несчастье, Том.

— Не сомневаюсь в этом, — кивнул Блейн. — Но это не основание для бегства. Перестань возиться с чемоданами и послушай меня! Что он может мне сделать?

— Мы не останемся, чтобы это выяснить.

Мэри кидала вещи в чемодан, пока Блейн не схватил ее за руки.

— Успокойся, — сказал он. — Я не собираюсь убежать от Смита.

— Но ведь это единственный разумный выход, — возразила Мэри. — Это наше несчастье, но ведь он долго не протянет. Еще несколько месяцев, может быть, даже недель, и он умрет. Он уже давно должен был умереть, этот отвратительный зомби! Давай уедем, Том!

— Ты с ума сошла! — сказал Блейн. — Чего бы он от нас ни хотел, я с ним справлюсь.

— Ты и раньше так говорил.

— Но сейчас положение изменилось.

— Оно снова изменилось! Том, давай попросим у мистера Дэвиса его яхту, он поймет нас. И мы могли бы отправиться...

— Нет! Разрази меня гром, я не буду убегать от Смита! Может быть, ты забыла, что он спас мне жизнь?

— Но почему он ее спас? — всхлипнула она. — Том, я предупреждаю тебя! Ты не должен с ним встречаться, если он действительно все вспомнил!

— погоди, — медленно произнес Блейн. — Тебе что-то известно? Что-то, чего не знаю я?

Она мгновенно успокоилась.

— Конечно, нет.

— Мэри, ты говоришь правду?

— Да, милый. Но я боюсь Смита. Пожалуйста, Том, уступи мне на этот раз. Давай уедем.

— Я ни шагу отсюда не сделаю, — решительно сказал Блейн. — Здесь мой дом — и точка.

Мэри села. Она выглядела измученной.

— Ну, хорошо, милый. Поступай, как считаешь нужным.

— Так-то лучше, — отозвался Блейн. — Не беспокойся, все будет хорошо.

— Да, конечно.

Блейн убрал в шкаф чемоданы и снова повесил одежду. Затем он сел и стал ждать. Внешне он казался спокойным, однако его не оставляли воспоминания о том, как он спустился в подземелье, прошел через богато украшенные резные двери с египетскими иероглифами и китайскими идеограммами на них, оказался в огромном помещении с мраморными колоннами — Дворце смерти, — посреди которого на возвышении стоял бронзовый гроб, инкрустированный золотом. И услышал пронзительный голос Рейли, доносящийся из серебристого тумана: «Есть вещи, которых вы не видите, Блейн, зато я вижу их очень хорошо. Ваше пребывание на земле будет непродолжительным. Вас предадут те, кому вы верите, а те, кого вы ненавидите, одержат победу. Вы умрете, Блейн, но не через несколько лет, а очень скоро, гораздо скорее, чем вы думаете. Вас

предадут, и вы умрете от собственной руки, покончите с собой!»

Этот безумный старик! Блейн вздрогнул и посмотрел на Мэри. Она сидела, опустив глаза, ожидая, что будет дальше. И он тоже ждал.

Через некоторое время послышался негромкий стук в дверь.

— Входите, — сказал Блейн тому, кто стоял у входа.

Глава 34

Блейн сразу узнал Смита, несмотря на накладную бороду, бакенбарды и темный крем, создающий впечатление загара. Зомби хромая вошел в дом, и вместе с ним проник едва ощутимый дух тления, который не мог перебить даже резкий запах лосьона.

— Извините мой маскарад, — сказал Смит. — Это не для того, чтобы обмануть вас или кого-нибудь другого. Мне приходится скрывать свое лицо, потому что на него уже нельзя смотреть без содрогания.

— Ты проделал длинный путь, — сказал Блейн.

— Да, неблизкий, — согласился Смит, — и мне пришлось преодолеть немало трудностей. Но я не буду утомлять тебя рассказами. Мне удалось приехать — и это самое главное.

— Зачем ты приехал?

— Потому что теперь я знаю, кто я такой, — ответил Смит.

— И ты думаешь, что это касается меня?

— Да.

— Не могу себе представить, каким образом, — мрачно заметил Блейн. — Но я готов выслушать тебя.

— Одну минуту, — вмешалась Мэри. — Смит, вы преследовали его с того момента, как он появился в этом мире. Вы не оставляли его ни на миг. Неужели вы не можете смириться с нынешним положением вещей? Почему вы не хотите просто уйти и где-нибудь спокойно умереть?

— Сначала я должен рассказать обо всем.

— Ну что ж, говори, — сказал Блейн.

— Меня зовут Джеймс Олин Робинсон, — сообщил Смит.

— Никогда не слышал этого имени, — произнес Блейн, немного подумав.

— Разумеется.

— А мы не могли встречаться раньше, до того как увидели друг друга в здании «Рекса»?

— Если это можно так назвать.

— Значит, встречались?

— Коротко.

— Ну хорошо, Джеймс Олин Робинсон, расскажи мне обо всем. Когда произошла наша встреча?

— Она была очень короткой, — сказал Робинсон. — Мы видели друг друга какую-то долю секунды. Это случилось поздно вечером в 1958 году, на пустынном шоссе. Ты ехал в своем автомобиле, а я в своем.

— Значит ты сидел за рулем той машины, когда произошел несчастный случай?

— Да. Если это можно назвать несчастным случаем.

— Но так и было. Все произошло совершенно случайно!

— Если это так, мне здесь больше нечего делать, — ответил Робинсон. — Однако это не было несчастным случаем, Блейн. Произошло убийство. Спросите об этом у жены.

Блейн посмотрел на Мэри, сидевшую в углу дивана. Ее лицо напоминало восковую маску. Казалось, силы покинули ее. Взгляд Мэри был обращен внутрь, где она видела что-то неприятное. Блейну показалось, что она вспомнила какой-то свой старый грех, давным-давно забытый и вот теперь оживший в памяти при появлении Робинсона.

Глядя на нее, Блейн стал вспоминать прошлое и выстраивать факты в определенной последовательности.

— Мэри, — произнес он, — что случилось той ночью в 1958 году? Откуда вы в «Рексе» знали, что произойдет автомобильная авария?

— Существуют статистические методы предсказания, которыми мы пользуемся, определенная вероятность... — Она замолчала.

— А может быть, вы заставили меня разбить автомобиль? — спросил Блейн. — Может быть, вы под-

строили этот несчастный случай, когда вам понадобилось вытащить меня в будущее ради своей рекламной кампании?

Мэри не ответила. Тогда Блейн напряг память и постарался припомнить, как он умер.

...Он ехал по прямому пустынному шоссе, свет фар высвечивал перед ним белый коридор, а темнота все отступала и отступала... Его автомобиль неожиданно и резко свернул навстречу светящимся фарам встречной машины... Он хотел повернуть руль, но руль не поворачивался... Рулевое колесо свободно повернулось в руках Блейна, и двигатель заревел, работая вразнос...

— Господи, ну конечно, ты подстроила этот несчастный случай! — крикнул Блейн жене. — Ты и твоя энергетическая система «Рекс» заставили меня свернуть на встречную полосу! Смотри мне в глаза и отвечай! Это правда?

— Да, да! — воскликнула Мэри. — Но мы не хотели убивать его. Робинсон оказался случайной жертвой. Мне очень жаль.

— Выходит, ты знала, кто он такой, — произнес Блейн.

— Догадывалась.

— И ничего не сказала мне. — Блейн стал расхаживать по комнате. — Мэри! Ты ведь убила меня, черт побери!

— Нет, Том, это неправда! Нет! Я перебросила тебя из 1958 года в наш век. Я дала тебе другое тело. Но я не убивала тебя.

— Вы всего лишь убили меня, — грустно заметил Робинсон.

Мэри с трудом оторвалась от созерцания прошлого в своем сознании и взглянула на него.

— Боюсь, мистер Робинсон, что я виновата в вашей смерти, хоть и невольно. Ваше тело, должно быть, умерло одновременно с телом Тома. Затем, после того как энергетическая система «Рекс» вытащила его в будущее, она прихватила и вас. А потом вы переселились в тело, предназначенное для Рейли.

— Очень плохая замена моему прежнему телу, — произнес Робинсон.

— Не сомневаюсь. Но чего вы хотите теперь? Чем я могу вам помочь? Потусторонняя жизнь...

— Я не хочу, — сказал Робинсон. — Я не успел как следует пожить на Земле.

— Сколько тебе было лет во время катастрофы? — спросил Блейн.

— Девятнадцать.

Блейн печально кивнул.

— Я не готов к потусторонней жизни, — начал Робинсон. — Мне хочется путешествовать, работать, смотреть. Я хочу узнать, что я за человек. Я хочу жить! Знаете, у меня никогда не было женщины! Я готов променять бессмертие на десяток хороших земных лет. — Робинсон поколебался и сказал: — Мне нужно тело. Мне нужно хорошее мужское тело, в котором я мог бы жить, а не эта падаля, которую я ношу на себе. Блейн, твоя жена убила мое прежнее тело.

— И ты хочешь получить мое? — спросил Блейн.

— Если ты считаешь это справедливым.

— Одну минуту! — вмешалась Мэри. Ее лицо снова порозовело. Признавшись в том, что совершила, Мэри словно освободилась от преследовавшего ее кошмара и снова начала бороться. — Робинсон, вы не имеете права требовать этого от него. Он не имел никакого отношения к вашей смерти. Это моя вина, и я признаюсь в ней. Вам не годится женское тело, правда? Впрочем, я не отдала бы свое тело в любом случае. Что было то было, прошлого не вернешь! Уходите!

Робинсон не обратил внимания на ее слова и посмотрел на Блейна.

— Я ведь знал, что это был ты, Блейн. Даже когда я ничего больше не знал. Я охранял тебя, Блейн, я спас тебе жизнь!

— Это верно, — тихо пробормотал Блейн.

— Ну и что?! — закричала Мэри. — Он спас твою жизнь. Это не значит, что она принадлежит ему! Нельзя спасти чью-то жизнь и потом рассчитывать, что тебе отдадут ее по первому требованию. Том, не слушай его!

— Я не могу принудить тебя, Блейн, и не собираюсь убеждать, — сказал Робинсон. — Ты сам должен решить, как поступить, — я соглашусь с любым твоим

решением. Только постарайся припомнить все, абсолютно все.

Блейн взглянул на зомби почти с любовью.

— Значит, здесь есть что-то еще. Что-то очень важное. Правда, Робинсон?

Робинсон кивнул, не сводя взгляда с лица Блейна.

— Но откуда ты знаешь это? — спросил Блейн. — Как ты можешь это знать?

— Потому что я понимаю тебя. Я посвятил тебе жизнь. Моя жизнь вращалась вокруг твоей. Я думал только о тебе и больше ни о чем. И чем лучше я узнавал тебя, тем больше убеждался.

— Пожалуй, — кивнул Блейн.

— О чем вы? — вмешалась Мэри. — Что еще? Что еще тут может быть?

— Мне надо подумать, — сказал Блейн. — Я должен вспомнить. Прошу тебя, Робинсон, выйди ненадолго.

— Конечно, — согласился зомби и тут же вышел.

Блейн жестом попросил Мэри помолчать, затем сел и обхватил голову руками. Теперь ему нужно припомнить что-то, о чем не хотелось вспоминать. Теперь, раз и навсегда, он должен разобраться в прошлом.

В его сознании еще звучал крик Рейли во Дворце смерти: «Вы во всем виноваты! Да-да, вы убили меня своим сознанием убийцы! Кто же еще, как не вы, чудовище из прошлого, проклятый монстр! Все сторонитесь вас, кроме вашего приятеля-мертвеца! Почему вы не умерли, убийца?»

Неужели Рейли знал?

Он вспомнил, что сказал ему после охоты Сэмми Джонс: «Ты прирожденный убийца, Том. Это для тебя единственное занятие, лучше не найдешь».

Значит, и Сэмми догадался?

А теперь самое главное, самое значительное в его жизни — момент его смерти в ту ночь 1958 года. Он отчетливо помнил:

...Руль снова заработал, но Блейн не обратил на это внимания, охваченный внезапным яростным ликованием.

ем, он жаждал столкновения, стремился к нему, приветствовал боль, разрушение, мучение и смерть...

Блейн вздрогнул, снова переживая тот момент, который стремился забыть, — когда он мог избежать катастрофы, но предпочел убить...

Он поднял голову и посмотрел на жену.

— Я убил его, — сказал он. — И Робинсон знал это. А теперь знаю и я.

Глава 35

Он подробно объяснил Мэри, как все произошло. Сначала она отказывалась верить ему.

— Это было так давно, Том! Как ты можешь быть уверен в том, что говоришь?

— Я уверен, — ответил Блейн. — Не думаю, что можно забыть, как ты умер. Я помню свою смерть очень хорошо. Именно так я умер.

— И все-таки ты не можешь считать себя убийцей из-за одного мгновения, одной доли секунды...

— Сколько времени нужно, чтобы выпустить пулю или вонзить нож? — спросил Блейн. — Доля секунды! Именно столько нужно, чтобы стать убийцей.

— Но, Том, у тебя не было причины.

— Действительно, я совершил убийство не ради выгоды или мести, — кивнул Блейн. — Но ведь я не обычный убийца. Я принадлежу к относительно редкому типу. Я — самый обыкновенный средний человек, в сознании которого всего понемногу, включая стремление убивать. Я совершил убийство, потому что в тот момент у меня появилась такая возможность. Моя возможность, уникальное совпадение событий, настроений, мыслей, влажности воздуха, температуры и бог знает чего еще. Такое совпадение возникает раз в две жизни.

— Но ты не должен винить себя! — воскликнула Мэри. — Это никогда бы не случилось, если бы энергетическая система «Рекс» и я не создали для тебя эту уникальную возможность.

— Это верно. Но я ею воспользовался, — напомнил Блейн. — Я воспользовался представившейся возможностью и совершил преднамеренное убийство просто

ради забавы, потому что знал, меня не поймают, не обвинят. Я убийца.

— ... Мы убийцы.

— Да.

— Ну хорошо, мы с тобой убийцы, — спокойно сказала Мэри. — Ну и ладно, и нечего сентиментальничать. Мы убили раз, можем убить снова.

— Никогда, — отрезал Блейн.

— Но он ведь почти мертв! Клянусь тебе, Том, ему осталось не больше месяца. Один удар — и ему конец. Всего один толчок.

— Нет, — ответил Блейн.

— Тогда позволь мне сделать это.

— Нет.

— Ты просто идиот! Ладно, тогда не предпринимай ничего. Жди. Через месяц он умрет. Ты ведь можешь подождать месяц, Том, и тогда...

— Это тоже убийство, — устало заметил Блейн.

— Неужели ты хочешь отдать ему свое тело, Том? А как наша жизнь — твоя и моя?

— Ты считаешь, что мы сможем после этого жить как ни в чем не бывало? — спросил Блейн. — Я не могу. И перестань спорить. Не знаю, поступил бы я так, если бы не было потусторонней жизни. Вполне вероятно, что нет. Но потусторонняя жизнь существует. И я хочу уйти туда, уладив все земные дела, заплатив долги. Если бы речь шла об единственной жизни, я боролся бы за нее всеми силами. Но ситуация изменилась. Ты меня понимаешь?

— Да, конечно, — произнесла Мэри упавшим голосом.

— Откровенно говоря, потусторонняя жизнь очень интересует меня. Мне хочется познакомиться с ней. И вот еще что...

— Что?

Ее плечи вздрагивали, и Блейн обнял жену. Он думал о разговоре с Халлом, этим элегантным аристократом-жертвой.

Халл говорил: «Мы следуем указанию Ницше: умрите вовремя! Разумные люди не хватаются за оставшуюся жизнь, как утопающий хватается за соломинку. Они понимают, что телесная жизнь — это всего лишь бес-

конечно малая часть человеческого существования. Отчего бы способным ученикам не перепрыгнуть через один-два класса в этой школе?»

Блейн вспомнил, каким странным, мрачным и благородным казался ему выбор Халла. С претензией, разумеется, так ведь и вся жизнь претенциозна в бесконечной Вселенной неживой материи. Халл походил на древнего японского самурая, опускающегося на колени, чтобы совершить ритуальное самоубийство — харакири, подчеркивая тем самым ценность жизни в выборе смерти.

А еще Халл говорил: «Акт смерти должен быть выше положения в обществе и хороших манер. Это доказательство благородства человека, королевский зов, рыцарский долг, его самое великое приключение в жизни. То, как он проявит себя в этом одиноком опасном предприятии, характеризует его как человека».

Мэри нарушила его размышления:

— Ты сказал «и вот еще что». Что ты имел в виду?

— А-а, ты об этом. — Блейн на мгновение задумался. — Я просто хотел сказать, что на меня оказали немалое влияние некоторые обычаи двадцать второго столетия. Особенно аристократические. — Он улыбнулся и поцеловал ее. — Но у меня, конечно, всегда был хороший вкус.

Глава 36

Блейн открыл дверь.

— Робинсон, — позвал он, — сейчас мы пойдем в кабину для самоубийц. Я отдаю тебе свое тело.

— Другого я и не ожидал от тебя, Том, — сказал зомби.

— Тогда пошли.

Вместе, не спеша, они стали спускаться по горному склону. Мэри несколько секунд смотрела им вслед из окна, потом пошла за ними.

Они остановились у двери кабины для самоубийц.

— Ты полагаешь, что сумеешь перебраться в мое тело? — спросил Блейн.

— Я уверен, — ответил Робинсон. — Том, я хочу поблагодарить тебя. Обещаю хорошо обращаться с твоим телом.

— Вообще-то оно не мое, — сказал Блейн. — Раньше это тело принадлежало человеку по имени Кранч. Но я привык к нему и даже полюбил. Ты привыкнешь к его особенностям. Вот только напоминай ему время от времени, кто хозяин. Иногда его так и тянет поохотиться.

— Думаю, что мне это понравится, — сказал Робинсон.

— И я так думаю. Ну что ж, желаю удачи.

— Удачи и тебе, Том.

Подождала Мэри, и ее ледяные губы в последний раз коснулись щеки Блейна.

— Что ты будешь делать без меня? — спросил он.

— Не знаю. — Мэри пожала плечами. — Чувствую себя такой опустошенной... Том, это действительно необходимо?

— Да.

Блейн еще раз оглянулся, посмотрел на пальмы, шелестящие под легким ветерком в лучах солнца, на голубую гладь моря и огромную темную гору в паутине серебряных водопадов. Затем он повернулся, вошел в кабину и закрыл за собой дверь.

Внутри не было окон и мебели, кроме единственного кресла. Инструкция на стене была очень простой. Вы просто садитесь, не спеша поворачиваете выключатель справа — и умираете, быстро и безболезненно, а ваше тело готово принять следующего обитателя.

Блейн сел, нащупал рукой выключатель и откинулся на спинку, закрыв глаза.

Он снова подумал о своей первой смерти и еще раз пожалел, что она не была более эффектной. Следовало бы на этот раз исправить ошибку и уйти из жизни, как Халл, в отчаянной схватке с охотниками на горном склоне на закате солнца. Почему он не умрет так же? Почему он не погибнет, сражаясь с тайфуном, охотясь на тигра или взбираясь на Эверест? Почему и на этот раз его смерть будет такой обычной, банальной, ничем не примечательной?

И, наконец, почему он никогда не занимался конструированием яхт по-настоящему?

Эффектная смерть, понял Блейн, не соответствовала бы его натуре. Несомненно, ему на роду написано умереть спокойно, быстро и безболезненно. И вся его жизнь в двадцать втором веке, вероятно, была только подготовкой к такой смерти — неясное ощущение этого возникло в день смерти Рейли, потом превратилось в определенную уверенность во Дворце смерти и стало неумолимой судьбой, когда он поселился в Таиохаэ.

И все-таки, какой бы ни была смерть, она является самым важным событием в жизни человека. И Блейн с нетерпением ждал ее.

Жаловаться ему было не на что. Несмотря на то что он жил в будущем чуть больше года, он выиграл величайший приз — потустороннюю жизнь! И снова,

как в тот день, когда после завершения процедуры он покинул здание корпорации «Потусторонняя жизнь», его охватило ощущение свободы от постоянного мрачного, бессознательного, гнетущего страха смерти, сковывающего каждое движение и понижавшего мысли. Все люди из его века жили в тени, подавляющей сознание, в страхе перед призраком, преследующим человека днем и ночью, скрывающимся за каждым углом, за каждой дверью, незримым гостем на пиру жизни, все время ждущим своего момента, все время угрожающим...

Теперь ему нечего бояться!

Наконец древний враг побежден! И люди больше не умирают — они попадают в иной, более совершенный мир!

Более того, он обрел нечто большее, чем потусторонняя жизнь. Ему удалось за год прожить целую жизнь.

Он появился на свет в белой светлой комнате, и над ним склонилось лицо бородатого доктора, а добродушная медсестра принесла ему еду. Он встревоженно прислушивался к бормотанию незнакомых голосов. Потом он покинул свое убежище, будучи совсем неподготовленным к незнакомой жизни, и глазел на восточные чудеса Нью-Йорка, и позволил незнакомцу с честным взглядом и медовой речью обмануть себя. И едва не расстался со своим телом, но встретил людей, умных и заботливых; они выручили его из беды, в которую он попал по собственной глупости, утешили и ободрили. Обладая прекрасным, сильным и таинственным телом, он вновь бросился в жизнь, на этот раз зная ее лучше, и в погоне за деньгами и опасностями оказался среди вооруженных наемников. Ему удалось преодолеть это безрассудство, и, став умнее, он выбрал достойное занятие. Но в это время темные, зловещие силы, причастные к его второму рождению, стали его преследовать, и ему пришлось покинуть родину и бежать на самый край земли. Несмотря ни на что, по пути ему удалось обзавестись семьей. Как у каждой семьи, у нее были свои тайны, свои скелеты в шкафу, но это была его семья. Он приехал в страну, о которой мечтал, женился

и во время медового месяца наконец увидел горы Муреа, пылающие в лучах заката. Он поселился на острове и провел последние месяцы в спокойствии и трудах, вспоминая чудеса, которые ему довелось повидать. И так он жил, уважаемый и почитаемый всеми...

Этого вполне достаточно. И Блейн повернул выключатель.

Глава 37

— Где я? Кто я? Кем я стал?

Тишина.

— А-а, вспомнил. Я — Томас Блейн, и я только что умер. Сейчас я у Порога, в этом реальном и совершенно не поддающемся описанию месте. Я ощущаю Землю. А впереди я ощущаю потустороннюю жизнь.

— Том...

— Мэри?!

— Да, это я.

— Но как ты... Я не ожидал...

— Может быть, я не была тебе очень хорошей женой, Том, но я всегда была верна тебе и сделала для тебя все, что могла. Я люблю тебя, Том. Конечно же, я пошла за тобой.

— Я так счастлив, Мэри.

— Я рада.

— Пошли?

— Куда, Том?

— В потустороннюю жизнь.

— Том, я боюсь. Нельзя ли еще немного побыть здесь?

— Все будет хорошо. Пошли.

— А вдруг нас разлучат, Том? Что тогда? Я боюсь, что будет очень странно, и страшно, и одиноко.

— Не беспокойся, Мэри. Я был младшим конструктором яхт три раза в течение двух жизней. Это моя судьба! И конечно она мне не изменит и здесь.

— Хорошо. Теперь я готова, Том. Пошли.

Содержание

Десятая жертва, роман, <i>перевод с английского И. Почиталина</i>	5
Корпорация «Бессмертие», роман, <i>перевод с английского И. Почиталина</i>	115

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

В восьми книгах

Книга первая

Составитель *В. Быстров*
Главный редактор *А. Захарченков*
Ответственный за выпуск *Е. Чугов*
Редактор *М. Проворова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *К. Варганова, И. Лаздина*
Оператор компьютерной верстки *Л. Бирюковская*
Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*
Оформление: *А. Сергунин, В. Иванов, Л. Булыкина*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.06.94.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. Гарнитура Балтика.
Печать высокая. Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 19,95.
Уч.-изд. л. 17,4. Тираж 20 000 экз. Заказ № 4-185.

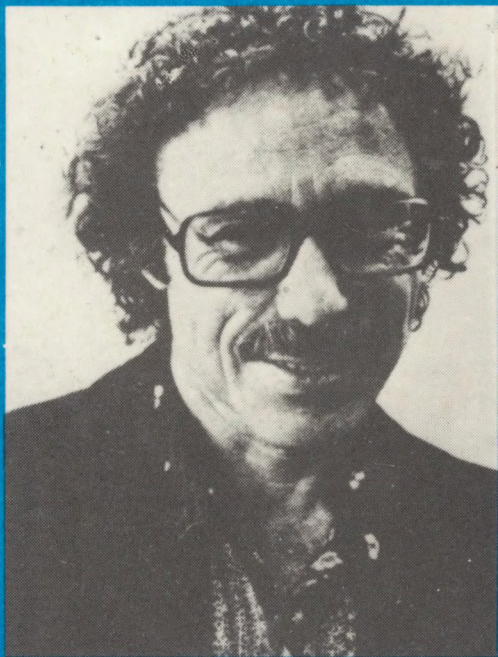
Издательская фирма «Полярис»,
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.

«Фолло»,

310002, Харьков, ул. Чернышевского, 34.

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

ДЕСЯТАЯ ЖЕРТВА

**КОРПОРАЦИЯ
„БЕССМЕРТИЕ“**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»

1994